

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 11. Часть 3

(№60)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2022

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 8,25

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующии Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточно-европейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 11. Issue 3 (№60)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2022

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project. The mission of the journal is the consolidation of progressive forces, constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

Melnik S.V. Peacekeeping interreligious dialogue: main conceptual approaches.....	12
---	----

CULTURAL STUDIES

Gulzhikhan Nurysheva, Nurfer Tercan Mind as a causal system in Al Farabi's philosophy of music.....	24
Shevchenko O.P. Socio-cultural content of entrepreneurial culture: empirical aspects.....	36
Gulzhikhan Nurysheva, Nurfer Tercan Perceptual and cognitive importance of balance and entropy in musical rhythms.....	42

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY: ACTUALITY AND INNOVATION

Ternovaya L.O. Astrotoponymic world as an example of global harmony.....	56
Shevchenko O.P. Sociological analysis of culture: some problematic aspects.....	64
Chumachenka Z.M. Advantages and risks of political PR in Russia with the involvement of influencers.....	70
Tretyakova I.V. On the issue of technologies of social work with labor migrants.....	79
Andrievskaya Z.V. National idea and national consciousness in Russian philosophy.....	85
Voznesenckiy I.S. Temporal intelligence: from the secret of mastering time to effective management.....	90
Popov S.I. «Forecourts» for playing the world and a «crusade» against Philosophy.....	98
Pukhir V.M. Moral progress in the postmodern world: illusion or reality?....	109
Bormotova T.M., Yakovlev O.V., Mazaev Yu.N., Cherkasov R.V. Comparative analysis of methods of sociological research of drug addiction in a number of foreign countries and in the Russian Federation.....	116
Abstracts	124
Authors	131

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

<i>Мельник С.В.</i> Миротворческий межрелигиозный диалог: основные концептуальные подходы.....	12
--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Гульжихан Нурышева, Нурфер Терджан</i> Разум как причинная система в философии музыки Аль Фараби.....	24
<i>Шевченко О.П.</i> Социокультурное содержание предпринимательской культуры: эмпирические аспекты.....	36
<i>Гульжихан Нурышева, Нурфер Терджан</i> Перцептивное и когнитивное значение баланса и энтропии в музыкальных ритмах.....	42

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ

<i>Терновая Л.О.</i> Астротопонимический мир как пример глобального согласия.....	56
<i>Шевченко О.П.</i> Социологический анализ культуры: некоторые проблемные аспекты.....	64
<i>Чумаченко З.М.</i> Преимущества и риски политического PR в России с привлечением инфлюенсеров.....	70
<i>Третьякова И.В.</i> К вопросу о технологиях социальной работы с трудовыми мигрантами.....	79
<i>Андриевская Ж.В.</i> Национальная идея и национальное сознание в русской философии.....	85
<i>Вознесенский И.С.</i> Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению.....	90
<i>Попов С.И.</i> «Площадки» для игры в мир и «поход» против философии...98	
<i>Пухир В.М.</i> Нравственный прогресс в постсовременном мире: иллюзия или реальность?.....	109
<i>Бормотова Т.М., Яковлев О.В., Мазаев Ю.Н., Черкасов Р.В.</i> Сравнительный анализ методов социологического исследования наркоситуации в ряде зарубежных государств и в Российской Федерации.....	116

<i>Аннотации</i>	127
------------------------	-----

<i>Авторы</i>	132
---------------------	-----

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Мельник С.В.

*Заведующий Отделом философии Института научной информации
по общественным наукам Российской академии наук;
старший научный сотрудник Центра межрелигиозного диалога
Болгарской исламской академии, кандидат философских наук.
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук.
Болгарская исламская академия, Болгар (Татарстан, Россия).*

Миротворческий межрелигиозный диалог: основные концептуальные подходы*

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основания миротворческого межрелигиозного диалога, целью которого является гармонизация отношений между последователями разных религий. В первой части статьи дается характеристика четырех основных типов межрелигиозного диалога: полемического, когнитивного, миротворческого и партнерского. Во второй части отмечается, что миротворческий диалог может реализовываться на трех уровнях: «высоком» (религиозные лидеры), «среднем/концептуальном», «низовом». Автор выявляет и описывает три основных концептуальных подхода миротворческого межрелигиозного диалога: (1) акцентирование «пацифистских» ценностей религий (посредством приведения цитат из сакральных текстов или же их осмысления и формулирования принципов позитивного отношения к другим религиям), (2) подчеркивание сходств (в догматике и/или этике), (3) «личностная модель» диалога. При анализе каждого из перечисленных подходов приводятся конкретные примеры его использования в практике межрелигиозных отношений.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, миротворчество, миротворческий диалог, религия, насилие, социальное согласие, толерантность, этика, Г. Кюнг.

Melnik S.V.

*Candidate of Sciences in Philosophy, Head of the Philosophy Department
at the Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Science (ISISS RAS);
senior Research Fellow, Center for Interreligious Dialogue, Bolgar Islamic Academy.*

Peacekeeping interreligious dialogue: main conceptual approaches

Abstract. The article is devoted to the study of the conceptual foundations of peacemaking interreligious dialogue, the purpose of which is to harmonize relations between followers of different religions. The first part describes four main types of interreligious dialogue: polemical, cognitive, peacemaking and partnership. The second part notes that the peacemaking dialogue can be implemented at three levels: «high» (religious leaders), «middle/conceptual», «grassroots». Three main conceptual approaches of peacemaking interreligious dialogue are identified and considered: (1)

* © Мельник С.В., 2022.

Миротворческий межрелигиозный диалог: основные концептуальные подходы

emphasizing of «pacifist» values of religions (by quoting sacred texts or interpreting them and formulating principles of positive attitude to other religions), (2) emphasizing similarities (in dogmatics and/or ethics), (3) «personal model» of the dialogue. Examples of the use of these approaches in the practice of interreligious relations are given.

Key words: interreligious dialogue, peacemaking, peacemaking, dialogue, religion, violence, social harmony, tolerance, ethics, G. Kyung.

Межрелигиозные отношения могут выражаться во множестве различных форм. Автор статьи разработал классификацию видов межрелигиозного диалога¹. Предлагается выделять четыре основных типа межрелигиозного диалога: полемический, когнитивный, миротворческий и партнерский.

Полемический диалог ставит своей целью демонстрацию преимущества своей религии и находит выражение в различных спорах об истинности религий, их критике и апологетике. Когнитивный диалог выстраивается вокруг изучения разных религий, стремления узнать и понять представления и систему ценностей партнера, а также сравнить с воззрениями собственной веры. Целью миротворческого диалога является укрепление мира и согласия между последователями разных религий, содействие разрешению конфликтов и снятию социальной напряженности. В рамках партнерского диалога верующие осуществляют сотрудничество в сферах, представляющих общий интерес (помощь нуждающимся, утверждение традиционных нравственных, в том числе, семейных ценностей, экологическая проблематика)².

В каждом из названных типов диалога можно выделить различные виды. Например, в соответствии с терминологией, употребляемой в католической

классификации, в рамках когнитивного диалога можно различать «диалог теологического обмена» («dialogue of theological exchange») и «диалог религиозного опыта» (или «диалог духовности», «dialogue of religious experience», «dialogue of spirituality»)³. В первом из названных видов, который также называется «диалог головы» (dialogue of head), речь идет об интеллектуальном знакомстве с другой религией, обмене мнениями по богословским вопросам. В «диалоге духовности» участники должны пойти глубже интеллектуально-рационального уровня и вовлечь в диалог свое «сердце» («dialogue of heart»), попытавшись войти в перспективу опыта и духовной практики другой религии. Целью такого диалога является не просто интеллектуальное понимание другой религии, а собственное изменение, «взаимное обогащение», «личностный и духовный рост»⁴. Кроме этого, можно выделить другие виды межрелигиозной коммуникации, которые можно отнести к когнитивному диалогу. Среди них – так называемый «человеческий» или «буберианский» межрелигиозный диалог («human dialogue», «Buberian

3 Knitter P.F. Inter-Religious Dialogue and Social Action // The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue. Chichester, 2013. P. 117-132. Dialogue and Proclamation. 42. The forms of dialogue // Bulletin of the Pontifical Council on Inter-religious Dialogue. 1991. № 26 (2). // URL: https://w2.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/interrelg/documents/rc_pc_interrelg_doc_19051991_dialogue-and-proclamatio_en.html (18 апреля 2022).

4 Swidler L. The «dialogue of civilizations» at the tipping point: The «dialogosphere» // Journal of ecumenical Studies. Winter, 2015. Vol. 50. Is. 1. P. 3-17.

1 Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типология, методология, формы реализации. М.: ИНИОН РАН, 2022. 398 с.

2 Мельник С.В. Классификация типов межрелигиозного диалога // Коммуникология. 2020. Том 8. № 2. С. 25–51.

dialogue»), целью которого является установление личного контакта с представителем другой религии, а также «диалог, направленный на поиск истины» («truth seeking dialogue», «dialogue of truth»)⁵.

Изучение соотношения религиозных мировоззрений в аспектах теологии, антропологии, амартологии, эсхатологии, этики, религиозной гносеологии и пр. порождают множество проблем и тем для обсуждения в рамках полемического и когнитивного типов диалога. Вместе с тем отдельной областью для исследований и практики межрелигиозных отношений является вопрос о том, как верующим людям, носителям разных религиозных убеждений, мирно жить вместе и как они могут сотрудничать во имя общего блага. То есть акцент может переноситься с изучения религий как мировоззренческих систем, на проблему выстраивания гармоничных отношений между последователями разных религий и их позитивного вклада в жизнь общества. Указанные интенции лежат в основании миротворческого и партнерского типов межрелигиозного диалога. В данной статье рассматриваются основные существующие концептуальные подходы, используемые в рамках миротворческого межрелигиозного диалога.

Виды миротворческого межрелигиозного диалога.

В первую очередь следует отметить, что, когда мы говорим о миротворческом межрелигиозном диалоге, нужно выделять разные его виды. В этом контексте полезно различать три «уровня»

5 Sharpe E.J. The Goals of Inter-Religious Dialogue // Truth and Dialogue in world Religions: Conflicting truth claims. – Philadelphia: The Westminster Press, 1974. P. 81-82; Moyaert M. Interreligious Dialogue // Understanding Interreligious Relations. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 203.

участников, вступающий в межрелигиозный диалог «высокий», «экспертный/концептуальный», «низовой».

В миротворческом межрелигиозном диалоге на «высоком» уровне принимают участие религиозные лидеры или иные официальные представители религиозных общин высокого уровня. Одной из наиболее распространенных форм реализации миротворческого диалога на высоком уровне является участие глав религиозных общин в разнообразных международных межрелигиозных саммитах, форумах, конференциях, что можно обозначить как дипломатический межрелигиозный диалог. На пространстве Евразии одной из наиболее значимых межрелигиозных площадок является регулярно проводящийся Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Казахстане. Для дипломатического межрелигиозного диалога важно символическое значение самого факта дружеской встречи религиозных лидеров, демонстрация ими добрососедских уважительных отношений и солидарности, призыв к миру, согласию и вкладу во всеобщее процветание. Такая форма позитивных взаимоотношений между главами религиозных общин важна как пример для рядовых верующих⁶.

Целью миротворческого межрелигиозного диалога на «высоком» уровне может выступать использование авторитета религиозных лидеров для разрешения или сглаживания напряженности в конкретных социальных конфликтах. Примером здесь может служить содействие религиозных лидеров Азербайджана и Армении при посредничестве Патриарха Московского и всея Руси преодолению Карабахского

6 Мельник С.В. Дипломатический межрелигиозный диалог // Миссия конфессий. 2020. Том 9. Ч. 2 (№ 43). С. 217-225.

конфликта. Такие трехсторонние межрелигиозные встречи проводились неоднократно, начиная с 1993 года, по их итогам принимались совместные заявления, в которых содержался призыв к мирному и справедливому разрешению конфликта. Одним из важнейших принципов заявлений, на котором участники встреч делали особый акцент, является тезис о том, что Карабахский конфликт носит политический, межгосударственный характер, он лишен религиозной почвы, не является выражением противоречий между мусульманами и христианами. Автор посвятил отдельную статью анализу принимаемых религиозными лидерами заявлений по Карабахской проблеме и выявлению содержащихся в них принципов: апелляция к пацифистским религиозным ценностям (в том числе характеристика на основании цитат из Священных Писаний вражды между людьми как греха, а умиротворения конфликта как богоугодного дела); указание на сходства в мировоззрении последователей христианства и ислама (вера в Единого Бога, близость моральных норм, возможность формирования совместного ответа на вызовы, связанные с распространением секуляризма); призыв к различным социальным группам (в т.ч. политикам, работникам СМИ) содействовать разрешению конфликта и не формировать образ врага; позиционирование себя как стороны не вовлеченной конфликт, при этом заботящейся о благе всех людей; неприемлемость с точки зрения религии любых актов насилия и экстремизма и др.⁷

Главной задачей миротворческого диалога на «низовом» уровне явля-

7 Сафонов Д.В., Мельник С.В. Миротворческий потенциал межрелигиозного диалога (на примере участия религиозных лидеров в разрешении Карабахского конфликта) // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 5. С. 116–135.

ется повышение уровня религиозной грамотности, избавление от ложных стереотипов, развитие доверительного общения между верующими. Например, в Республике Дагестан проводится ежегодный Международный межрелигиозный молодежный форум⁸. В Москве в рамках проекта «Диалог религий» проводились футбольные и шахматные турниры между верующими разных религий⁹. Также можно отметить ежегодный Московский межконфессиональный пасхальный марафон, состоящий из целого цикла мероприятий, в том числе фестиваля, на котором выступают музыкальные и танцевальные коллективы, представляющие разные религии¹⁰.

В высших учебных заведениях США существует практика реализации так называемого «межгруппового межрелигиозного диалога» («intergroup dialogue»). Проект осуществляется в небольших группах студентов (около десяти человек), которые имеют разную религиозную/этническую идентичность. Практика межгруппового диалога включает в себя три компонента: предоставление

8 Состоится официальное закрытие VII Международного межрелигиозного форума в Махачкале. // URL: <https://sovetnational.ru/information-support/news/sostoyalos-officialnoe-zakrytie-vii-mezhdunarodnogo-mezhreligioznogo-foruma-v-mahachkale.html> (18 апреля 2022).

9 Второй межконфессиональный турнир по шахматам «Диалог религий» прошел в Москве. // URL: https://www.mos.ru/news/item/89900073/?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=linkshare&utm_content=news&fbclid=IwAR1wAe41_7JFe7EHNn5OxS1hV0Q1W6jePZYTOpmQuS2n4T1PbGapHmh-bzE (18 апреля 2022); Межконфессиональный турнир по футболу «Диалог религий» прошел в Москве. // URL: https://www.mos.ru/news/item/90430073/?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=linkshare&utm_content=news&fbclid=IwAR0eX88dDjv72Yir-Q8lvDghFwfmOll42hUgBn_YZidjVlWHyqZEuqaxq0Q (18 апреля 2022).

10 См. напр.: Шестой московский межконфессиональный Пасхальный марафон готовится к старту! // URL: <https://www.meodom.com/marafon-2019> (18 апреля 2022).

знаний о других религиях; специально организованное общение, нацеленное на развитие личных контактов; участие в совместной деятельности («multi-faith action»)¹¹. Эти три составляющих в той или иной форме зачастую присутствуют в миротворческом межрелигиозном диалоге на низовом уровне. Например, знакомство с другой религией может осуществляться в форме лекций, ответов священнослужителей разных религий на вопросы аудитории, экскурсий в культовые здания и пр., но эта составляющая, как правило, всегда имеется.

Кроме уровня «высокого» и «низового» следует выделять еще и «средний/концептуальный» аспект миротворческого межрелигиозного диалога. Он носит более теоретический характер и выражается в попытках теологов, исследователей и экспертов ответить на вопрос – а какие идеи могут лежать в основе наших позитивных отношений, почему верующие разных религий должны жить в мире и уважать друг друга. К рассмотрению этого вида миротворческого межрелигиозного диалога мы и переходим.

Миротворческий диалог на концептуальном уровне: основные подходы.

1. Апелляция к пацифистским ценностям.

Одним из концептуальных подходов миротворческого межрелигиозного диалога является апелляция к собственной религиозной традиции и ее ценностям, утверждающим ценности мира, терпимости, согласия. Этот подход может реализовываться в двух основных формах.

Во-первых, могут приводиться непосредственные цитаты из священных

11 *Islam N., Steinwert T., Swords D.* 3 Dialogue in Action: Toward a Critical Pedagogy for Interfaith Education // *The Journal of Interreligious Studies.* Newton, 2014. Is. 13. P. 4-10.

писаний с краткими комментариями. Например, Комитетом по свободе совести и взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан совместно с Муфтием Республики была выпущена брошюра «Основы межрелигиозного диалога в исламе»¹². В издании приводится ряд цитат из Корана с пояснениями авторов. Например, в разделе «Коранические основы межрелигиозного диалога» приводится следующая выдержка: «Нет принуждения в религии» («Корова»: 256). В комментарии к этому стиху говорится: «Поводом для ниспослания упомянутого аята является то, что у одного из сподвижников Пророка (мир ему благословение) были два сына, и они были христианами. Он спросил у Пророка (мир ему благословение): «Принудить ли мне их принять ислам?» Тогда Господь и ниспослал вышеуказанный аят. Из аята следует, что нет права кого-либо заставлять против его воли принимать ислам. Еще из этого аята нам становится ясно, что призыв к исламу должен быть через уважительное отношение к представителям других конфессий»¹³. То есть здесь мы видим утверждение принципа религиозной свободы, которое обосновывается посредством обращения к самой религиозной традиции.

Также в брошюре приводится, наверное, самый цитируемый в контексте межрелигиозных отношений аят Корана: «Мы ниспослали тебе Писание с истиной в подтверждение прежних Писаний, и для того, чтобы оно предохраняло их... Каждому из вас Мы установили закон и путь. Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, однако Он разделил вас, чтобы испытать вас

12 Основы межрелигиозного диалога в исламе / под. Ред. Гаджиева М.П. Махачкала, 2017. 15 с.

13 Основы межрелигиозного диалога в исламе / под. Ред. Гаджиева М.П. Махачкала, 2017. С. 4.

тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах. Всем вам предстоит вернуться к Аллаху, и Он поведает вам о том, в чем вы расходились во мнениях» (Трапеза 5:48). Здесь утверждает идея, что само многообразие религий заложено в замысле Всевышнего, что естественным образом обуславливает более терпимое отношение к ним.

В рамках такого подхода также могут приводиться некоторые цитаты и сюжеты из сакральных текстов, в которых отмечается недоброжелательное отношение к другим религиям, и даваться их правильная интерпретация. Например, в рассматриваемой брошюре приводится стих «Не считайте иудеев и христиан своими помощниками и друзьями» («Трапеза»: 51). Дается такое объяснение: «эти аяты ниспосланы в условиях военного противостояния, когда люди из противоположного лагеря направляли все свои усилия на физическое уничтожение мусульман... эти аяты обращены к тем иудеям и христианам, которые ... проявляют вражду к мусульманам»¹⁴. Также в брошюре в разделе «Исторические основы» описываются позитивные примеры отношения лидеров исламской общины к христианам в Средние века¹⁵.

Данный подход весьма широко распространен в различных изданиях, носящих образовательный, воспитательный, просветительский характер. Например, приведение цитат из Корана и их интерпретация содержится в подготовленном под руководством Вячеслава Али Полосина учебника «Гражданская идентичность мусульман России», где в последних разделах книги

14 Основы межрелигиозного диалога в исламе / под. Ред. Гаджиева М.П. Махачкала, 2017. С. 7.

15 Основы межрелигиозного диалога в исламе / под. Ред. Гаджиева М.П. Махачкала, 2017. С. 14-15.

говорится об отношении мусульман к другим религиям¹⁶.

Второй формой рассматриваемого подхода является концептуализация высказываний священных писаний в виде формулирования совокупности некоторых принципов, определяющих позитивное отношение к другим религиям. Например, Заместитель председателя Духовного управления мусульман РФ Д. Мухетдинов выделял следующие «столпы», на которых базируется «коранический гуманизм»: братство человечества, правоверность человеческой природы, универсальность божьего водительства, религиозный плюрализм, всеохватность божественной милости¹⁷. В частности, относительно второго принципа Дамир хазрат Мухетдинов говорит: «Согласно Корану, человек по своей природе является монотеистом и таковая его натура в субстанциальном плане неизменна... Религиозная ненависть всегда вызвана поверхностным отношением к человеку – отождествлением возможных заблуждений человека с самой его природой. Это ошибочный подход»¹⁸. То есть здесь постулируется представление о том, что природа человека – это его «субстанция» и она блага, а заблуждения – «акциденция». Очевидно, что такая установка, равно как и другие выделенные Д. Мухетдиновым принципы, способствуют более терпимое и доброжелательное отношение к последователям других религий.

16 Полосин В.С. Гражданская идентичность мусульман России: учебное пособие / В.С. Полосин, Р.М. Мухаметшин, И.Д. Ибрагимов. М.: АНО НПЦ «Аль-Васатия – умеренность», 2021. С. 160-176.

17 Дамир Мухетдинов: Принципы коранического гуманизма – основа для межрелигиозного диалога. // URL: <http://www.islamsng.com/authors/Muhetdinov/10321> (18 апреля 2022).

18 Дамир Мухетдинов: Принципы коранического гуманизма – основа для межрелигиозного диалога. // URL: <http://www.islamsng.com/authors/Muhetdinov/10321> (18 апреля 2022).

В современной христианской теологии в этом контексте иногда используется идея о соответствии отношений между лицами Троицы и между людьми. Согласно Библии человек создан по образу Божьему. При этом целью жизни человека является уподобление Богу. В этой связи сторонники этого подхода говорят о том, что отношения между людьми должны соответствовать отношению между ипостасями Бога, который Троичен в Лицах. Так, единосущие Ипостасей Троицы и отношения «перихорезиса» (взаимопроникновения и любви между Лицами Отца, Сына и Святого Духа), должны учить тому, что все люди равны по природе, и призваны находиться в общении любви друг с другом. Принцип «кенозиса», то есть самоотречения, умаления Сына при воплощении, может интерпретироваться так, что христиане не должны навязывать свою религию другим людям силой, но скорее быть готовыми пригласить их в мир своей веры, в котором они должны быть гостеприимными хозяевами, готовыми послужить гостям и пр. Подобные представления были разработаны православным мыслителем митрополитом Пергамским Иоанном (Зизиуласом) (концепция «богословие общения»)¹⁹, а также другими христианскими авторами²⁰.

2. Поиск общего.

Очень популярной стратегией миротворческого диалога является выявление общих представлений разных

религий, то есть поиск сходств в догматике и/или этике и акцентирование внимания именно на них.

Важным событием в истории современного межрелигиозного диалога стало принятие на Втором Ватиканском соборе в 1965 году декларации «*Nostra aetate*», посвященной отношению Римско-католической церкви к нехристианским религиям. В документе в параграфе, посвященном исламу, говорится: «Церковь с уважением относится и к мусульманам, поклоняющимся Единому Богу, Живому и Сущему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли, говорившему к людям, определениям Которого, даже сокровенным, они всей душой стремятся подчиниться, как подчинился Богу Авраам... Кроме того, они ожидают Судного дня, когда Бог воздаст всем воскресшим людям. Поэтому они ценят нравственную жизнь и высоко чтят Бога молитвой, милостыней и постом»²¹. Указания на сходства двух религий начинаются с утверждения, что мусульмане, как и христиане, поклоняются «Единому Богу», то есть являются монотеистами. Упоминается воззрение авраамических религий, что этот Единый Бог является Творцом мира, а также выявляются некоторые Его свойства, каждое из которых (милосердный, живой, всемогущий) можно найти и в Коране, и в Библии²².

Также отмечается, что Единый Бог-Творец «говорил к людям», и его «определениям» мусульмане «всей душой стремятся подчиниться». Здесь выражается фундаментальная для иудаизма, христианства и ислама идея, что Бог

19 Иоанн Зизиулас, митрополит. Общение и Инаковость. Новые очерки о личности и церкви: пер. с англ. М.: Издательство ББИ, 2012. 407 с.

20 *Moe D.* From a Trinitarian Theology of Religion to a Trinitarian Theology of Religions: Bridging 'First Theology' and 'Second Theology' // *The Expository Times*. UK, 2018. P. 1-20; *Payne D.P.* Towards an Orthodox Understanding of Religious Freedom: An Exploration of the Theological Resources for Engaging Religious Pluralism // *Journal of Church and State*. 2017. Vol. 59. Is. 4. P. 608-625.

21 Декларация об отношении церкви к нехристианским религиям «*Nostra aetate*». // URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/page10.htm> (18 апреля 2022).

22 *Журавский А.В.* Введение // Христиане и мусульмане: проблемы диалога / сост. Журавский А.В. М.: ББИ св. ап. Андрея, 2000. С. 9.

сообщает людям знание о Себе и Свою волю в форме откровения через особых людей – пророков. В откровении содержится воля Бога, Его закон, который следует исполнять. Кроме этого, в параграфе отмечается, что мусульмане «ценят нравственную жизнь» и почитают Бога молитвой, милостыней и постом. Здесь указаны моральные предписания (три из пяти «столпов ислама») по отношению к Богу (молитва), ближнему (милостыня) и самому себе (пост), которые являются основополагающими и в нравственной жизни христиан.

Изложенные доводы, подчеркивающие близость христианства и ислама как основы для взаимного уважения, озвучивались представителями Римско-католической церкви и в последствии, в частности, в известной речи 1985 года папы Иоанна Павла II, обращенной к мусульманской молодежи (аудитория насчитывала порядка 80 тысяч человек)²³. Католический священник М. Борманс в своей статье «Две религии: общие доктринальные основания и точки соприкосновения в различных общественных сферах» коротко перечисляет общие представления христианства и ислама. По его мнению, «общее духовное достояние христиан и мусульман» заключается в вере в Единого Бога, Который сотворил мир, сходные представления о Его свойствах (любящий людей, милующий и прощающий их, достойный хвалы), Откровение, дающееся через пророков, необходимость подчинения данным Творцом заповедям, посмертный суд, загробное воздаяние (рай и ад)²⁴.

23 Речь Его Святейшества Иоанна Павла II, обращенная к молодым мусульманам на встрече в Касабланке (Марокко). // URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/526/page07.htm> (18 апреля 2022).

24 Борманс М. Две религии: общие доктринальные основания и точки соприкосновения в различных общественных сферах // Христиане

Самой известной попыткой выявить сходства в этических представлениях разных религий в контексте проблем межрелигиозного диалога является проект «глобальной этики» (Weltethos, Global Ethic) католического богослова Ганса Кюннга. По итогам прошедшего в Чикаго крупного межрелигиозного саммита – Парламента мировых религий 1993 года – в качестве итогового документа было принято заявление «На пути к глобальной этике: начальная декларация» (Towards a Global Ethic: An Initial Declaration), в которой нашел выражение предложенный Г. Кюнгом подход. Основной «глобальной этики» является принцип «С каждым человеком следует обращаться по-человечески», являющийся предложенной Г. Кюнгом формулировкой золотого правила нравственности («не делай другим того, чего не желаешь себе»). На основе указанного принципа формулируются четыре основных нравственных требования глобальной этики, которые находят выражение в приверженности (1) «культуре ненасилия и благоговения перед всеми формами жизни», (2) «культуре солидарности и справедливого экономического порядка», (3) «культуре толерантности и правдивости», (4) «культуре равноправия и партнерства между мужчинами и женщинами». Перечисленные требования, составляющие основу глобальной этики, Г. Кюннг связывает, соответственно, с заповедями декалога, регламентирующими отношений между людьми: «не убий», «не воруй», «не лжесвидетельствуй», «не прелюбодействуй»²⁵.

и мусульмане: проблемы диалога. М.: Библиско-богословский институт Св. апостола Андрея; 2000. С. 533-611.

25 Декларация Всемирного этоса / пер. Середкина Е.В. // URL: <http://anthropology.ru/ru/text/dokumenty/deklaraciya-mirovogo-etosa> (18 апреля 2022).

Святейший Московский и всея Руси Патриарх Кирилл говорил о консенсусе религий относительно вопроса существования абсолютных нравственных ценностей и неприятия ими так называемого «секулярного» либерального стандарта в области межличностных отношений. Распространение идеологии, предполагающей отсутствие объективного критерия добра и зла, нравственный релятивизм и «вседозволенность», по мнению главы Русской православной церкви, является «кодом самоуничтожения» для человеческой цивилизации²⁶. Патриарх Кирилл считает, что самым острым конфликтом современности является не «столкновение цивилизаций», а «столкновение транснационального, радикального, секулярного глобалистского проекта со всеми традиционными культурами и со всеми локальными цивилизациями»²⁷. В этой связи Святейший Патриарх говорит о необходимости сотрудничества верующих разных религий в противодействии распространению секулярного либерального стандарта, который связан с главной угрозой для человеческой цивилизации – разрушением общественной морали.

3. «Личностная модель» межрелигиозного диалога.

Говоря о концептуальных основаниях миротворческого межрелигиозного диалога следует упомянуть еще один, менее распространенный подход. Основные его идеи были предложены современным российским философом С.С. Хоружим, а также доработаны автором и обозначены им как «личностная модель» межрелигиозного диалога.

26 Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Подумайте о будущем человечества. М.: Издательство Московской Патриархии, 2018. С. 22.

27 Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Подумайте о будущем человечества. М.: Издательство Московской Патриархии, 2018. С. 157.

С.С. Хоружий предлагал различать два типа межрелигиозных контактов: формализованные и основанные на парадигме личного общения²⁸. В рамках формализованного подхода религия рассматривается как совокупность положений и предполагается, что сходные элементы в вероучительных представлениях должны обеспечить гармонический характер отношений. Все несовпадающее в позициях участников воспринимается как разделяющий фактор и вследствие этого нивелируется, тогда как акцент делается именно на «общих основаниях». Тем самым, отмечает С.С. Хоружий, участники диалога лишаются своих индивидуальных отличий, они выступают здесь как усредненные, формализованные субъекты²⁹.

Если в формализованной модели отношений любое различие равносильно разделению, то для личного общения это не так. Различия, несомненно, «могут вызывать отдаление, отталкивание, вражду, но в личном общении они же способны не отдалять, а сближать, вызывать интерес, расположение и даже активное притяжение»³⁰. В прямую противоположность формализованному подходу, в личностных контактах взаимопонимание, уважение к диалогическому партнеру возникают «именно тогда, когда Другой каким-либо образом вполне доказал, удостоверил наличие собственных глубоких духовных основ и твердое стояние в них; обнаружил неподдельную ревность о вере своей»³¹. То есть гармонизация межрелигиозно-

28 Хоружий С.С. Диалог религий: исторический опыт и принципиальные основания // Христианство и ислам в контексте современной культуры: межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке / под ред. Д. Спивака. СПб; Бейрут: ФКИЦ «Эйдос», 2009. С. 160-171.

29 Там же. С. 166.

30 Там же. С. 166.

31 Там же. С. 168.

го взаимовосприятия в данном случае достигается без какой-либо деформации уникальной идентичности диалогических партнеров.

В рамках «личностной модели» межрелигиозного диалога предлагается изучать и сравнивать духовные практики разных религий. То есть личностная модель основана на попытке «понять» Другого, рассматривая религию как особый способ жизни, процесс преобразования адептом самого себя, направляемый к некоему искомому состоянию («праведности», «соединению с Богом» и пр.) – «духовную практику». Возможности применения личностной модели межрелигиозного диалога были представлены автором на примере сравнения духовных практик православия и хасидизма Хабад (направления в иудаизме, распространенном в России)³².

Подводя итоги, можно констатировать, что концептуальные основания миротворческого межрелигиозного диалога многообразны и разноплановы. Мы выделили три основных подхода в этой области: выявление «пацифистских» ценностей религий (посредством приведения цитат из сакральных текстов или же их осмысления и формулирования принципов отношения к другим религиям), подчеркивание сходств (в догматике и/или этике), «личностная модель» диалога. Комплекс проблем связанных с взаимоотношением разных религий очень широк, поэтому все эти подходы в их разных формах могут использоваться для гармонизации межрелигиозных отношений и полезно дополнять друг друга.

References

- [1] Bormans M. Two religions: common doctrinal foundations and points of contact in various public spheres // *Christians and Muslims: Problems of Dialogue*. Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle; 2000. P. 533-611.
- [2] Declaration of the World Ethos / per. Seredkina E.V. // URL: <http://anthropology.ru/ru/text/dokumenty/deklaraciya-mirovogo-etosa> (April 18, 2022).
- [3] Declaration on the attitude of the church towards non-Christian religions “Nostra aetate”. // URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/page10.htm> (April 18, 2022).
- [4] John Zizioulas, Metropolitan. Communication and Otherness. New essays on personality and church: per. from English. M.: BBI Publishing House, 2012. 407 p.
- [5] Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia. Think about the future of mankind. M.: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2018. 160 p.
- [6] Melnik S.V. Diplomatic interreligious dialogue // *Mission of confessions*. 2020. Volume 9. Part 2 (№ 43). P. 217-225.
- [7] Melnik S.V. Classification of types of interreligious dialogue // *Communicology*. 2020. Volume 8. № 2. P. 25-51.
- [8] Melnik S.V. Orthodoxy and Hasidism Chabad: a personal model of interreligious dialogue: monograph / RAS. INION. Humanitarian Center. scientific-inform. research Dep. Philosophy; resp. ed. Khlebnikov G.V. M., 2017. 250 p.
- [9] Melnik S.V. Orthodoxy and Hasidism Chabad: a Personal Model of Interreligious Dialogue. M.: RAN. INION. M., 2017. 250 p.
- [10] Melnik S.V. G. Kyung's project of the world ethos as an approach to interreligious dialogue // *Bulletin of the Vyatka State University*. 2022. № 1. P. 45-64.
- [11] Fundamentals of interreligious dialogue in Islam / under. Ed. Gadzhieva M.P. Makhachkala, 2017. 15 p.
- [12] Polosin V.S. Civil identity of Muslims in Russia: textbook / V.S. Polosin, R.M. Mukhametshin, I.D. Ibragimov. M.: ANO SPC “Al-Vasatyya - moderation”, 2021. 256 p.
- [13] Safonov D.V., Melnik S.V. Peacemaking Potential of Interreligious Dialogue (on the Example of the Participation of Religious Leaders in the Resolution of the Karabakh Conflict) // *Communicology*. 2017. Vol. 5. № 5. P. 116-135.
- [14] Khoruzhy S.S. Dialogue of Religions: Historical Experience and Fundamental Foundations // *Christianity and Islam in the Context of Modern Culture: Interreligious Dialogue in Russia and the Middle East* / ed. D. Spivak. St. Petersburg; Beirut: FCIC “Eidos”, 2009. P. 160-171.
- [15] Christians and Muslims: problems of dialogue / comp. Zhuravsky A.V. M.: BBI St. app. Andrew, 2000.
- [16] Dialogue and Proclamation. 42. The forms of dialogue // *Bulletin of the Pontifical Council on Interreligious Dialogue*. 1991. № 26 (2). // URL: https://w2.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/interelg/documents/rc_pc_interelg_doc_19051991_dialogue-and-proclama

32 Мельник С.В. Православие и хасидизм Хабад: личностная модель межрелигиозного диалога. М.: РАН. ИНИОН. М., 2017. 250 с.

- tio_en.html (18 апреля 2022).
- [17] Islam N., Steinwert T., Swords D. 3 Dialogue in Action: Toward a Critical Pedagogy for Interfaith Education // *The Journal of Interreligious Studies*. Newton, 2014. Issue 13. P. 4-10.
- [18] Knitter P.F. Inter-Religious Dialogue and Social Action // *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester, 2013. P. 117-132.
- [19] Moe D. From a Trinitarian Theology of Religion to a Trinitarian Theology of Religions: Bridging 'First Theology' and 'Second Theology' // *The Expository Times*. UK, 2018. P. 1-20.
- [20] Moyaert M. *Interreligious Dialogue // Understanding Interreligious Relations* / edited by D. Cheetham, D. Pratt, and D. Thomas. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 193-217.
- [21] Payne D.P. Towards an Orthodox Understanding of Religious Freedom: An Exploration of the Theological Resources for Engaging Religious Pluralism // *Journal of Church and State*. 2017. Vol. 59. Is. 4. P. 608-625.
- [22] Sharpe E.J. The goals of inter-religious dialogue // *Truth and dialogue. The relationship between world religions* / ed. By J. Hick. London, 1977. P. 77-95.
- [23] Swidler L. The «dialogue of civilizations» at the tipping point: The «dialogosphere» // *Journal of ecumenical Studies*. Winter 2015. Vol. 50. Is.1. P. 3-17.
- [9] Мельник С.В. Православие и хасидизм Хабад: личностная модель межрелигиозного диалога. М.: РАН. ИНИОН. М., 2017. 250 с.
- [10] Мельник С.В. Проект всемирного этоса Г. Кюнга как подход к межрелигиозному диалогу // *Вестник Вятского государственного университета*. 2022. № 1. С. 45-64.
- [11] Основы межрелигиозного диалога в исламе / под. Ред. Гаджиева М.П. Махачкала, 2017. 15 с.
- [12] Полосин В.С. Гражданская идентичность мусульман России: учебное пособие / В.С. Полосин, Р.М. Мухаметшин, И.Д. Ибрагимов. М.: АНО НПЦ «Аль-Васатыя – умеренность», 2021. 256 с.
- [13] Сафонов Д.В., Мельник С.В. Миротворческий потенциал межрелигиозного диалога (на примере участия религиозных лидеров в разрешении Карабахского конфликта) // *Коммуникология*. 2017. Т. 5. № 5. С. 116-135.
- [14] Хоружий С.С. Диалог религий: исторический опыт и принципиальные основания // *Христианство и ислам в контексте современной культуры: межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке* / под ред. Д. Спивака. СПб; Бейрут: ФКИЦ «Эйдос», 2009. С. 160-171.
- [15] Христиане и мусульмане: проблемы диалога / сост. Журавский А.В. М.: ББИ св. ап. Андрея, 2000.
- [16] Dialogue and Proclamation. 42. The forms of dialogue // *Bulletin of the Pontifical Council on Interreligious Dialogue*. 1991. № 26 (2). // URL: https://w2.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/interrelg/documents/rc_pc_interrelg_doc_19051991_dialogue-and-proclamation_en.html (18 апреля 2022).

Список литературы

- [1] Борманс М. Две религии: общие доктринальные основания и точки соприкосновения в различных общественных сферах // *Христиане и мусульмане: проблемы диалога*. М.: Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея; 2000. С. 533-611.
- [2] Декларация Всемирного этоса / пер. Середкина Е.В. // URL: <http://anthropology.ru/ru/text/dokumenty/deklaraciya-mirovogo-etosa> (18 апреля 2022).
- [3] Декларация об отношении церкви к нехристианским религиям «Nostra aetate». // URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/page10.htm> (18 апреля 2022).
- [4] Иоанн Зизиулас, митрополит. *Общение и Инаковость. Новые очерки о личности и церкви*: пер. с англ. М.: Издательство ББИ, 2012. 407 с.
- [5] Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. *Подумайте о будущем человечества*. М.: Издательство Московской Патриархии, 2018. 160 с.
- [6] Мельник С.В. Дипломатический межрелигиозный диалог // *Миссия конфессий*. 2020. Том 9. Ч. 2 (№43). С. 217-225.
- [7] Мельник С.В. Классификация типов межрелигиозного диалога // *Коммуникология*. 2020. Том 8. №2. С. 25-51.
- [8] Мельник С.В. Православие и хасидизм Хабад: личностная модель межрелигиозного диалога : монография / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Философии ; отв. ред. Хлебников Г.В. М., 2017. 250 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Гульжихан Нурышева

*Доктор философских наук, профессор,
факультет философии и политологии,
Казахский национальный университет имени Аль Фараби. Алматы, Казахстан.*

Нурфер Терджан

*Докторант, факультет философии и политологии,
Казахский национальный университет имени Аль Фараби. Алматы, Казахстан.*

**Разум как причинная система
в философии музыки Аль Фараби***

Аннотация. Музыка дополняется более мощной системой познания, в которой мелодии имеют некоторые общие черты с математикой и языком в целом. Это исследование раскрывает основные аспекты анализа, музыки как самореферентной структуры и трансформирующей системы, и фокусируется на концепции и определении восприятия.

Одна из наиболее важных причин, делающих эту работу ценной, заключается в том, что работа Фараби «Китаб аль-Мусика» привносит новую информацию в его музыкальные исследования. В этом обзоре подробно рассказывается об эволюционном развитии музыки и ее культурном и психологическом влиянии на человеческий разум. Исследовано понятие музыкального восприятия, которое формируется в результате взаимосвязи восприятия и музыки.

Ключевые слова: философия когнитивной науки, теория разума, гравитация, музыкальное воображение, предсказательная обработка, познание воплощенной музыки.

Gulzhikhan Nurysheva

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor. Philosophy and Political Science,
Al-Fārābi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.*

Nurfer Tercan

*Doctoral student, Faculty of Philosophy
and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University. Almaty, Kazakhstan.*

Mind as a causal system in Al Farabi's philosophy of music

Abstract. Music elaborates through with a more powerful cognition system in which melodies shares some aspects with mathematics and language in general. This research reveals the basic aspects of analysis, music as a self-referential structure and transformative system, and focuses on the concept and definition of perception.

One of the most important reasons that makes this work valuable is that Farabi's Kitab al-Musika brings new information to his musical research. This overview details the evolutionary

* © Гульжихан Нурышева, Нурфер Терджан, 2022.
Разум как причинная система в философии музыки Аль Фараби

development of music and its cultural and psychological impact on the human mind. The concept of musical perception, which is formed as a result of the relationship between perception and music, has been studied.

Key words: philosophy of cognitive science, theory of mind, gravity, music imagination, predictive processing, embodied music cognition.

Introduction

Causality is gaining the most important questions related to this issue. Human naturally requires knowing the causality of his reactions to what he hears through external perception. How does our mind make sense of the information it hears? The motion of a body, or behaviours, are the definitions of the data in our mind. Regarding our primary purpose is cognitive activity analysis. The power, relationships, processes and general impressions of qualitative research depend on living and exploratory skills in actual knowledge. This work remained faithful to the foundation of philosophy, providing a theoretical explanation of its complex mood-regulating functions. It should be considered at the forefront that sound and music transform language and logic and that all disciplines as complex as philosophy support each other. With the scientific approach systematised by Al Farabi in philosophy, the goals and strategies set by this article and the behavioural role of music in individuals became clear.

Al Farabi's own life story determines the subject and purpose of the research. The true story; while discussing the artistic nature of music and the scientific nature of music, it also presents research methods. Farabi's experiential story improved this article in many ways. While this study allows discovering the meaning of music, it has also revealed that a significant part of the music is disappeared. The treatise of research succeeded in showing the expressive ability of music in essence revealed by the senses. The model created described

different regulatory processes and provided a sound theoretical framework for the psychological investigation of musical behavior. Here, it is necessary to refer to the founders of the philosophy of science centuries ago. If the researcher aims to understand a subject adequately in science and philosophy, first should reach the relevant fundamental issues. The secrets of the brain, perception and cognition continue to be the most fundamental issues of life. Humanity is rapidly moving towards creating a new lifestyle on deep learning and neural networks for the 21st century and beyond. Recently, the philosophy of neuroscience has taken this problem back into consideration.

Methodology

This research is qualitative (qualitative research) using archives data—the method used in this research, focusing on content analysis techniques and the basic structure. Our original text translation in inquiries is a sensitive approach to examining Farabi's reflections with the segmentation framework in the form of both primary data and secondary data. Primary data sources are Farabi's original Arabic manuscript "The Great Music Book, Kitab Al Musiqat Al Karim" and data on classification of sciences, secondary data sources research themes. The research steps were carried out by examining Farabi's philosophical views on the art study based on the science of music, classifying, analysing, systematising and then formulating the data. We compared existing data in the historical

classification of philosophy. With considerations of this century on the emotional response provided qualitative data. This discussion method has enhanced our commitment to the Philosophy of Art and Aesthetics, Psychology, and Neuroscience.

The Great Treatise on Music

The art of music that portrays mental activities with emotional feelings on an abstract ground affects the soul. Music, which creates oscillations in the inner world depending on time, place, frequency, and place, is the inner journey's unique assistant. According to Al Farabi, human acquires information through three forces. These are senses, imagination, and thought. The most important examples of the scientific perception transformation arising from the paradigm are in the history of science, astronomy, and physics. A philosopher can change perception patterns by bridging Western science and philosophical thought with the East's fundamental beliefs. This bridge, which still exists, is the "Second Master" (Al Mu'allim al-Thani) Al Farabi.

Muhammad Ibn-Tarkhan Abu Nasr Al Farabi (Alpharabius) was born in Transoxiana, was a Christian physician in Baghdad and studied the science of languages and letters. He died in Damascus in 950 at the age of eighty. Based on Plato and Aristotle's philosophy, he synthesized the studies of Islamic truth. This philosophy, which he outlined, became the bridge that reconciled eastern and western thought. Hence, he deserved the name "second teacher" (Al-Mualim Al Thani), together with First Master Aristotle, to represent Perfect instruction. Interpreting the knowledge of Aristotle and other Greek philosophers, Al Farabi's considerations are as follows; The best known are Risalat al Fusûl Hikâm (Book of Wisdom) and Risalat fi Ârâ Ahl al. Medine al Fadilah (Book on the views

of the superior townspeople). In the Second and Al Siyasâh al Madaniyah (political regime), Al Farabi presented it, inspired by Plato's Republic and Aristotle's Politics.

In two treatises consecrated to rhythm in Kitab al Musiqâ, Al Farabi discusses both the expressive and auditory aspects of music production and the various techniques that performers apply to basic structures. Aristotle's comments on De anima, Poetics and Nicomachean Ethics and his explanations on the effects of music in his studies on human intelligence.

Universal permanent systems have constantly been an effective source of innovation in Humanity's enlightenment and science. This particular type of consensus or collaboration is the basis of ordinary science, the typical administration model of the scientific community. Different perspectives on events and facts emerge during this period, but only one of these changes a paradigm. There may be different perspectives on the event and facts in this period, but only one of them shifts a paradigm. The paradigm change refers to the transformation to a new era of 'ordinary science.' In this respect, too, the new paradigm unveils the 'scientific revolution.'

The 'Great Music Book' (Kitab al Musiqâ Al Kabir), the most crucial Arabic work on music compiled by Al Farabi, has been translated into Hebrew and Latin. In addition, it has reached Europe with the content of the classification of the sciences, De Scientiis and De ortu Scientiarum, and maintained its effectiveness for centuries. Here, Al Farabi provides instructions on sound perception and psychological impacts of music in an Aristotelian setting based on Physics, On the Spirit, Nicomachean Ethics, and Posterior Analytics (concerning music classification).

"The source of music is nature, which is the senses and external laws. When some-

one perceives hearing as a mathematical network of relationships, they overcome prejudices; this thought transformation creates cognitive awareness with a universal approach to music. Al Farabi provided a reconceptualization of theories in music history, their paradigmatic potential, and cultural history.” [1, p. 177]

Al Farabi, *Kitab al Musiqā II*. He developed this concept of music, which he wrote in detail in the department. Music theory always points to speculative discipline. In these two parts of Farabi, we encounter a unified music system design as the theoretical and practical aspect of music and its scientific structure. In this context, according to the essential reference about this treatise, which confirms our point of view; “*Al Farabi tells us that three conditions are necessary for the theorist of any art: to know the rudiments, to be able to discover what is attendant on them, and to be able to recognise and correct errors of others.*” [2, p. 37]

Philosophy is the oldest and treasured of all disciplines in cognitive science. The first traces of issues related to the depths of consciousness are in ancient Greek philosophy. Philosophers have been active throughout most recorded human history, trying to devise and answer fundamental questions about the universe. This approach is free to examine any critical question on anything, from existence to knowledge, politics, ethics and beauty. Nevertheless, it still seems exceptionally mysterious that a subjective inner life accompanies the causality of behaviour. Still limited information about how consciousness arose or why it exists to believe that it originates from physical systems such as the brain. How does a physical system like the brain reach experience? What about the causality of such a system? Today’s scientific theories about consciousness touch tough ques-

tions. The answer to how consciousness is compatible with the natural order with a detailed approach is still mysterious.

Al Farabi provides an approach to all problems with the effects of music on the mind, allowing rhythm and harmony to penetrate the inner part of the soul. Farabi’s physiological metaphors are that sound waves with which the music evolves into direct physical contact are vibrating frequencies that reach the air. The emotional and aesthetic effects of music clarify directly from the physical properties of music sounds to their origin. Therefore, Farabi’s speculative psychology and experimental proof that he inscribed in an early century still are the only treatises in philosophical discussions of music. We can begin discussing the philosophy and psychology of music and then the consequences of musical image and neuroscience, with the reflections of *Kitab Al Musiqā*.

The powerful effectiveness of music designates that we can find imitations and likenesses of nature in melodies. Farabi’s musical experience includes cognitive theory, the conceptual framework of imagination (*takhayyulat*), and imitation (*taqlid*) interaction. Due to the different nature of the Harmony or rhythm and the synchronised, and music triggers emotional responses. When Caliph Councillors listened to Farabi’s performance, they did not realise that the music affected their minds. Theories of imitation and expression assemble in his statement about music. It will be clear to mention here the musical performance of Al Farabi, which he outfitted on human virtue and presented to the participants in the caliphate council.

“At last, he resolved to disguise himself and ventured to undertake the journey which promised him a rich harvest. Dressed in a mean costume, he made his appearance at the court just at the time when the caliph was being entertained with his daily

concert. Al Farabi, unknown to everyone, was permitted to exhibit his skill on the lute. Scarcely had he commenced his performance in a certain musical mode when he set all his audience laughing aloud, notwithstanding the efforts of the courtiers to suppress so unbecoming an exhibition of mirth in the royal presence. In truth, even the caliph himself was compelled to burst out into a fit of laughter. Presently the performer changed to another mode, and the effect was that immediately all his hearers began to sigh, and soon tears of sadness replaced the previous tears of mirth. Again he played in another mode, which excited his audience to such a rage that they would have fought each other if he, seeing the danger, had not directly gone over to an appeasing mode. After this wonderful exhibition of his skill, Al Farabi concluded in a mode which had the effect of making his listeners fall into a profound sleep, during which he took his departure. It will be seen that this incident is almost identical with one recorded as having happened about twelve hundred years earlier. The distinguished flutist Timotheus successively aroused and subdued different passions by changing the musical modes during his performance, exactly in the same way as did Al Farabi" [3, p. 57-58].

Al Farabi argues two types of sound theories. He did not accept the Pythagorean theory of modulation revealed by the planets. These are natural and artificial sound sources. Every vibration substance is a cause of acoustic. Sounds radiate by vibrating with the energy they receive from the source. Vibrating objects are flexible and create sound. Flexible objects can generate sound frequencies and transmit sound waves. Since sound is a mechanical wave, its propagation is relative to the environment in which it exists. Sound frequencies are waves that progress longitudinally in the form of compression and ex-

pansion in environments. It is the pressure of sound waves and creates interference impulse. Natural sound sources are spontaneously sound frequencies such as rain, wind, streams, thunder, live sounds and nature sounds.

The tendency to create melodies manifests one's strong affiliation to many different melodies. Comparing them to each other, contemplating the elements, rhythms, and how different notes correspond, integrates the mind with music's philosophy. When there is a natural tendency in this direction, one attains universal awareness of consciousness. Functionality increases as reasoning, feeling sound vibrations. It achieves perfection by determining the function of these melodic passages in each and repeating them. "The theory of sound, definition of the note, the different dossier and sizes of intervals accompanied by instructions as to their arithmetic calculations, the consonances, the genres and their various species, their combination into systems and elements of rhythm" [4, p. 54].

Emotion and Meaning in Music combine the principles of 'gestalt' psychology with knowledge theory in explaining how composers imagine expectations about music's progress. Although this scientific approach is not always at the forefront in music, harmony experiences always exist on scientific grounds. Therefore, Farabi's theory is an essential contribution to understanding how the musical pattern and experienced structure. Al Farabi states in his analysis that play (pleasure) is a beginning of serious pursuits (utility) and nothing is an end in itself. "So the inference is this; if art is for pleasure, then emotional and behavioural balance are essential. It is the first level towards human healing and perfect happiness. All forms of play are meant to enhance rest, which in turn aims at restoring the energy needed for serious

pursuits. So play in all its forms is, in fact, directed towards the more serious side of life. It is not an end in itself but rather a means to some of the things which ensure maximum happiness, so it is possible in this context to consider play as having a beneficial role to humanity" [5, p. 1185].

The reflections of the more recent philosophers and scientists, he declares, "have led to the belief that the external phenomena which produce sound in the ear, light in the eye, and heat in the organ of heat-perception have nothing in common with the experience of sound, light, heat, etc. On the contrary, these external phenomena are supposed to be certain motions of matter. So, then, the scientist seeks to discover what sorts of external motion-phenomena cause sound, light, heat, etc. to arise in the human soul" [6, p. 15].

The sciences aim to reach the result. However, research and inquiry methods are initially as ambiguous as 'perception' and 'imagination'. These two concepts determine the faculties or capacities. Perception is the 'ability' that causes or has the function of forming perceptual states. Imagination is the ability that produces or has the function of generating creative situations. The explanation Al Farabi induced to this subject is as follows. "Gesture has been included in the sense of seeing which, by coincident motions and corresponding proportions, has been arranged to agree with metre and sound. This art, therefore, is included in two particular senses-hearing and seeing." [7, p. 49]

First, images and imitations reveal mental images in the audience and listeners' minds. In most cases, the viewer or listener needs to be aware that there is an image or imitation that they are looking at or listening to a performance. However, the image can influence the perceiver to believe that they are looking at something real. Second, music elaborates through it-

self with a more efficacious cognition system in which music shares some aspects with mathematics and language in general. In this way, within the thresholds of similarity and analogy, many pivotal aspects of reasoning and emotion unite music with mathematical abstractions and numerous verbal and gestural intercourse aspects.

"The principles of instruction in most of what this science comprises are distinct from the principles of being,¹ and it is through the principles of instruction that one comes to know the principles of being. For in every genus of natural things the principles of instruction are inferior to the principles of being, since the principles of being in such a genus are the grounds to which the principles of instruction owe their existence." [8, p. 21]

Plato was referring to pre-existing ideas, 'Knowledge-data'. According to Plato, all science remembered the nature, proportions, and relationships of immutable essences, one of the access it initiated to Al Farabi. The pattern in which the human mind creates everything that it initially knew and imagined. The fluctuating representatives of the material world, the actions and virtues of people, the form and beauty appearing in the universe, the reflections of the archetypes are sufficient to approach these issues.

"Because rhythm and harmony enter in the strongest manner into the inward part of the soul, and most powerfully affect it, introducing at the same time decorum, and making every one decent if he is properly educated, and the reverse if he is not.⁶³ Music creates in the soul temperance.⁶⁵ And when one yields up himself to be soothed with the charms of music, and pours into his soul through his ears, as through a pipe, those we denominated the soft, effeminate, and plaintive harmonies, and spends the whole of his life chanting and ravished with melody; such an one, at the first, if he has

anything spirited, softens it like iron, and, from being useless and hard, renders it profitable" [9, p. 65-71].

In recent years, Medical Professionals have provided reasonable conclusions of the brain's in-depth details and functionality. There are many experiments on the power of neuronal activity to produce music. As a result of these experiences, neurons follow collective dynamics and correlate with each other. It inspires together in a complex but not random community activity. We also learn that neurons display their inhibitory action, which naturally creates incredibly rhythmic and bass parts. *"However, the central question of how the functional connectivity in the brain differs as a function of musical expertise during real music listening has still not been answered. Functional connectivity allows us to investigate brain states, or even categorize subjects, for example, distinguishing between patients and controls, and is a data-driven approach"* [10, p. 1:13].

Al Farabi strongly argues that one discovers something through rational ability, imagination, or sensation. He detailed the cognitive abilities of the soul (anima, soul) and spirit (spiritus), respectively, as sensitive, creative, and rational, corresponding to the triple structure of entirely, psychic, and spirituality (corpus). The Second Master also specifies the triple nature observation terms of perception and cognition. This terminological usage indicates his belief that microcosm and macrocosm correspond to each other. It also reflects the reality of the subject and the view that the object of knowledge constitutes a holistic. *"The things in common which all the people of the ideal city should know are, first, knowledge of the First Cause and all its attributes, then the things separate from matter, and the special attributes and grade of each, till one comes (sc. in descending order) to the active intellect', etc. The whole*

passage is illustrative of the present fasl. The 'spiritual beings' or immaterial things, of which the 'active intellect' (al-'aql al fa'al) is the type, are called in spiritual bodies" [11, p. 89].

What if the tradition of the ancient Ionian Greeks of the robust scientific, philosophical approach survived and flourished? Now philosophy has moved away from the nature of knowledge with the slave thought of beliefs, abandoned the meaning of life, day by day, the confusion of science and belief becomes meaningless. What if this light, born in the Eastern Mediterranean 2500 years ago, did not go out when it rose with Baghdad? Two thousand years before the Industrial Revolution, philosophy had gotten stronger. What if the power of this way of thinking could be appreciated more generally? The world could save itself ten or twenty centuries more today. In comparison, gravity was scripted in theatre performance and performing arts in the 5th century regarding neuroscience.

"The term 'musical knowledge' encompasses knowledge of both the speaking and writing disciplines in its broadest sense. It refers to the information learned and remembered by referring to rhythm, melody, and movement. Al Farabi begins by describing the melody (lahn) in the Kitab al Musiqā as an orderly performance (naghmât) of tones. Farabi's unique formulations have inspired subsequent theorists over and over again. "First of all, it is essential to indicate what the art of music means briefly. The word 'music' [al-musika] means music. Melody [al-lahn] means a set of different sounds formed in a specific order, and a set of phonemes 'al-khuruf' formed in a certain way to express the meaning as usual" [12, p. 47].

By the 20th century, it became more apparent that behaviourism is the subject of human psychology. Behaviourism

claims that consciousness is neither a definitive nor usable concept. Always empirically trained behaviourist, that belief in consciousness, superstitions and magic go back to the old days. Although psychology did not emerge as a separate discipline until the late 1800s, this article reveals its earliest history as far back as the early Greeks. *“In cognitive psychology, a central notion is that emotions must be based on the “default” mechanism for emotion induction, namely a cognitive appraisal. Juslin and Västfjäll (2008) suggest a theoretical framework including six additional mechanisms through which music listening may induce emotions: (1) brain stem reflexes, (2) evaluative conditioning, (3) emotional contagion, (4) visual imagery, (5) episodic memory, and (6) musical expectancy. These mechanisms have specific characteristics as related to, for example, information focus, ontogenetic development, brain regions involved, cultural impact, induction speed, and dependence on musical structure. Juslin and Vestfjäll conclude that music evokes emotions through mechanisms that are not unique to music, and that the study of musical emotions could benefit the emotion field as a whole by providing novel paradigms for emotion induction”* [13, p. 271].

The imagination described here has much in common with Aristotle’s fantasy. It occupies mainly the same place as a phantasy in the faculty hierarchy. Theoretical knowledge indeed is the best and primary. This information is sufficient on a system basis. This competence is characterized by what Al Farabi theoretically defined as the necessity to convey what is true in practical and meaningful terms - in other words, theoretical knowledge form practical knowledge.

“A slow succession of lengthened tones expressed moderation and firmness; a rapid inequality of verse revealed disorderly and passions; the mind was transported by

sudden transitions, and roused by impetuous reiterations of sound; a gradual ascent of notes accorded with all those affections which warm and expand the heart, and the contrary movement naturally coincided with such sentiments as depress the spirits, and extinguish the generous ardour of the soul. The natural perceptions of taste were gradually strengthened by habit; the principles of music were clearly ascertained and universally understood; and possessing the warmth and energy of the language of nature, they acquired the perspicuity and extent of the language of convention” [14, p. 53].

“It is possible to find [in some cases] that the “matter” respecting which the resemblance [with the example] obtains is [actually] conjoined with the example, and is not separated from it. But [in other cases] it [i.e., the “matter”] is [merely] imagined in the mind as connected with the example, so that the judgment about the “thing” in respect to which the resemblance obtains is [accepted as] true, it [i.e., the “matter”] being [thus] connected with the example [in imagination]” [15, p. 128].

The competitive music world cannot measure the composer by interpreting other common critiques. Instructors, supervisors, entrepreneurs and other players practice by standards. The “ego” feeling focuses heavily on the image that emerges from experience. This measurement is always subjective and deals with other people’s interpretations, making it a victim of other people’s emotions. What if music is about presenting something more practical? For example, when playing entertainment, if the purpose is to serve an ideal aesthetic beauty, the intent is to provide a timeless and awe-inspiring experience for the aim and the audience. Music, as the aesthetic role of the senses, is the unique art revealed by nature. The impressive reviews of scholars continuously inspire. The

descriptions of this segment feature that; Centuries ago and centuries later, appearances on the same subject in this examination revealed that they almost reached the same conclusion.

“Neuroscientists today have learned much about the organizing and structuring processes of neural connections and emotional response systems that influence higher thought processes” [17, p. 51]. We must remember that the words we select are not causes for behaviour; they only begin to specify the types of brain processes we must fathom in order to comprehend behaviour. One reason psychologists became hesitant to use traditional emotional terms was because they could not adequately define most of them. Without brain knowledge, such terms could be defined by behaviour criteria, but the ensuing verbal circles did not really help us predict new behaviours. With the advent of the neuro- science revolution, we can now hone definitions to a finer edge than was ever possible before. For some-even modern psychologists—it may still come as a bit of a surprise that words alone, which can arouse such intense feelings among people, are not powerful enough to scientifically specify the nature of those feelings. *“Many generations of psychologists who tried to discuss internal processes with folk psychological words found it impossible to agree on essential matters, such as what are we really talking about when we assert that someone did something because they felt this way or that way? It took psychologists some time to realize that the only things they could agree upon scientifically were visually evident empirical observations, such as the latency, speed, frequency, and quality of behaviour actions. For a long time, this made behavioural psychology a highly productive but conceptually conservative and intellectually sterile field (at least to those not initiated into its intricacies)”* [18, p. 13].

Faculty exercises enable us to distinguish musical phrases by our sense of hearing to understand that one composition is superior to another, to distinguish one component from another; this indicates that this is not art. Understanding music as an art (sina’a) that can engage our faculties of sense-perception, imagination (takhay-yul), and intellect (aql) emerges as a practice. Aristotle’s view that the application of reason requires imagination and that this requires sense-perception (hassasiya) is the essential content of Kitab al Musiqā. Farabi admits that some musicians can copy melodies only with concrete facts. Others may imagine new melodies and express real music without the support of existing conditions. Any description of components that do well for composing and performing melodies presupposes a view of what counts as distinctive features as heard. Farabi determined three purposes of the melody. It discusses the reaching method for these three purposes. The music of the poem and the features of the image draw attention at this point. He argues that there is a strong image on the basis of these features.

Musical sounds, especially instrumental sounds, are not something people can grasp with more than one sensory method. Therefore, musical sounds are the definition of perceptual, primarily auditory, revelation. This situation particularly paves the way for perceptual cognition and shows that propositional imagery cannot resolve the perceived content consistently with a perceptual structure. *“The melodies that musical instruments produce serve the following purposes: some are created to imitate what can be imitated from complete melodies, others to serve as repetitions (takthirat) of these melodies, preludes (iftitahat), endings (maqatic), and interludes (istirahat) between them throughout the imitative process, or to*

serve as complements to what throats cannot fully express. Other instrumental melodies are created in a way that makes it difficult for them to imitate complete melodies, or they are unable to assist complete melodies in any way. Rather they are like ornamentation that is not made to imitate anything, but rather is created for esthetic reasons only” [19, p. 68-69].

The issue is, what does this perception process involve, and how does it act? Since both are cognitive, what are the various ways of perception and how does it relate to thinking? Individuals of the mind point to a distinctive feature in terms of perception. Psychophysical experiments created the subjective visual perception of motion to measure the current threshold. The rhythm features of different compositions reach the subject as arousal frequency. Aural impulses reveal random or similar perceptions in the mind; these feelings transform into images.

Al Farabi explained his versatile music comparisons based on physics with universal details. This universal perspective is a great inspiring feature for the researcher. In his commitment to musical endowments, he explained the terms used by experienced listeners to describe tonal music and physical movement. In other words, he does not utter about music but also experiencing musical motion as if shaped by measurable analogues of physical gravity, magnetism, and inertia. It also presents a theory of melodic expectation based on this claim.

As the aim of action within a magnetic field of musical authorities”. Farabi achieves with three prototypical forces of music: - musical gravity -musical magnetism (the tendency of an unbalanced note to move (up or down) from the most approaching settled pitch musical movement. Thus, the model tends to continue in the same direction, similar to Gestalt’s law of regular progression.

Balance analysis has a significant influence on music dynamics. The gravity of the mods over the unbalanced sounds is of significant relevance to “modal building”. Furthermore, the concept of sound-gravity is central to explain its other musical characteristics. The perception of gravity and rhythm of centuries before and after: *“Breaking down the sense of gravity is a matter of being aware of its presence and mastering it as a force of nature. The process of breaking down and detecting gravity results in rhythm.... This rhythmic process of conquering the sensation of gravity, which was revealed with sound and perceived through sound, is the genuine birth of music The process of realizing gravity, mastering it as an organizing power, is rhythm, which gives shape to the sensation of gravity and its mode; together they form “modal rhythm”, which is the essence of musical language*” [20, p. 185-194]. The regular transition between various forms of balance (stability) and imbalance (imbalance) in music is key to understanding the psycho-physiological basis of different structures in art. The gravity reveals with all kinds of art. Painting and architecture (composition balance), choreography are often artistic, linguistic structures, all exist by gravity. In music, similarly, the trend. Music, which is the subject of our analysis, is explained by its effect on mind and body and the profound mystery of perception, including thought, sound, and the law of gravity from the fourth century of the ancient Greek era.

Music evokes various kinds of emotions, and there must be some difference between one piece of music and another, parallel to the variations in emotional responses produced by the various pieces of music. Why a piece of music is happy and differences in sound complexes must ultimately explain other sorrows. The core of our article’s first exit question of the jour-

ney. What differences exist in the various air vibration complexes to explain specific differences in the listener's experience?

Conclusion

This essay includes the belief in Al Farabi's proof through a combination of analytical methods that there is a best opportunity to illuminate the functioning of his musical compositions. However, Al Farabi's methods as a guide to music analysis are all about autonomous musical structures of our rich, complex and highly heterogeneous musical experiences. Therefore, although we have approached Farabi's great musical treatise with the full belief that we carry it, we would like to mention that it is impossible to reveal his depth to the corresponding extent.

The citations found as analysis is about the structure of the music and the findings of the cognition of the listeners as explained in Farabi's latest treatise, 'Kitab al Musiqā al Kerim'. It is a process that includes auditory, visual, emotional, kinesthetic, linguistic and other areas of experience - they need for notes, composition with notes. Here, the basic structure in question is the concept of embodied cognition and its evidential feature. The action characteristics of cognitive structures appear as repetitive patterns. The reference issue for understanding perception is no more comprehensive instruction but the sensuous experiential disclosure of the perceiver's nervous system.

Scientists think music a kind of perspective illusion in which the human brain imposes structure and order through a series of sounds. How this composition leads human to understand emotional responses is also part of the mystery of music. The impression of harmony and rhythm, musically and physically, has been the case of particular consistency from philosophers. The knowledge acquired through percep-

tion is separate from the mind, as is the case with inspiration. Perceptions and intuited knowledge, however, may be measured ultimately to a reasoning process. Moreover, Farabi infers that knowledge achieved by either of these two forms is made cognizable through experience. In this introduction, as Farabi suggests in *Kitab al Musiqā* with the phrase of an experienced instrument tuner, experience is more than knowledge or skill acquired through repetition. Accordingly, experience is phenomenological and existential. Furthermore, interpreted to include what happened in reality and the transition of an incident.

Farabi mentioned here which analogical thinking arises from uncertainty and connotation, either poetic or symbolic. On the other hand, induction and deduction set the bases for the process of reasoning, whether universal and expressive or fundamental. As with intuition and perception, thinking presents another aspect of imagination. Al Farabi considered correlating sense perception with the intellect. He did so by identifying it during the 10th century with a syllogism in an imperceptible time, a power of investigating the truth without supporting by imagination. Music is a universal language utilized to communicate thoughts, feelings, and moods and arouses the corresponding responses accordingly. The inquiry of similarities as particular systems and relationships in music is an almost infinite field, with an endless variety of subjects and situations. Nevertheless, repetition in its many singularities, and that of structural correspondences, make up just two immense subsets in the universe of attributions within musical similarity. Therefore, this research reveals the essential aspects of analysis, music as a self-referential structure and transformative system. Investigation and description of these aspects are the central tasks of this exploration.

References / Список литературы

- [1] Farmer Henry G. A History of Arabian Music to the XIIIth Century. London: Luzac, 1929. Chapter VI. P. 177-264.
- [2] Erlanger Rodolphe de, La musique arabe (I), Al-Fārābī : Le grand traité de musique; Kitābu l-Mūsīqī al-Kābir, Livres I et II. Librairie orientale Paul Geuthner, Paris 1930 [Institut du monde arabe 2001, Volume I., pp. 37- 202.
- [3] Engel Carl. Musical Instruments. London: Published for the Committee of Council on Education by Chapman and Hall, Published for the committee of council on education. South Kensington Museum Art Handbooks, Edit by William Maskell. Chapman and Hall Ltd., London.1875. P. 57, 58-158.
- [4] Shiloah Amnon. Music in the World of Islam: A Socio-Cultural Study. Detroit: Wayne State University Press, Print. by Raven Typesetters British Library, Chester and printed in Great Britain by Biddles Ltd, Guildford, 1995. P. 54-264.
- [5] Al-Farabi Abu Nasr Muhammad ibn Muhammad ibn Tarjan, and Gattas Abd al-Malik Jasaba. Kitab al musiqa al kabir. Cairo: Arab Writer, 1967. P. 1169-1183.
- [6] Wachsmuth Guenther. The Etheric Formative Forces in Cosmos, Earth and Man: A Path of Investigation into the World of the Living. London: Anthroposophical Pub. Co, 1932. P. 15-245.
- [7] Fārābī and Henry George Farmer. Al-Farabi's Arabic-Latin Writings on Music in the Ihsa' Al-'Ulum (Escorial Library, Madrid, No. 646), De Scientiis (British Museum, Cott. Ms. Vesp. B.X., and Bibl. Nat., Paris, No. 6298, and Bodleian Library, Oxford, No. 3623), Etc. / the Texts Edited, with Translations and Commentaries, by Henry George Farmer. New York: Hinrichsen Edition, 1965. P. 49-65.
- [8] Fārābī and Muhsin Mahdi. Al Farabi's Philosophy of Plato and Aristotle. [New York]: Free Press of Glencoe, by The Free Press of Glencoe, a Division of The Macmillan Company Printed in the United States of America. 1962. P. 21-153.
- [9] Friston K.J. Functional and effective connectivity: a review. Brain Connect. 2011. № 1 (1). P. 13-36. // doi: 10.1089/brain.2011.0008. PMID: 22432952.
- [10] Fārābī Dunlop D.M., Fuṣūl al-madani: aphorisms of the statesman. Cambridge [England]: University Press, 1961. P. 89-165.
- [11] Al-Farabi Abu Nasr Muhammad ibn Muhammad ibn Tarjan, and Gattas Abd al-Malik Jasaba. Kitab al musiqa al kabir. Cairo: Arab Writer, 1967. P. 47-1183.
- [12] Leman M., Lesaffre M. & Maes P.-J., Introduction : what is embodied music interaction? In M. Lesaffre, P.-J. Maes, & M. Leman (Eds.), The Routledge companion to embodied music interaction New York: Routledge, 2017. P. 1-10. // URL: <https://doi.org/10.4324/9781315621364-1>
- [13] Gillies J., The History of Ancient Greece: Its Colonies and Conquests, from the Earliest Accounts Till the Division of the Macedonian Empire in the East: Including the History of Literature, Philosophy, and the Fine Arts T. Cadell and W. Davies New York Public Library. 1831. P. 53-492
- [14] Fārābī and Rescher N., Al-Fārābī's Short Commentary on Aristotle's Prior Analytics. Pittsburgh University of Pittsburgh Press, 1963. P. 128-132. // URL: <http://digital.library.pitt.edu/cgibin/t/text/textidx?c=pittpress;view=toc;idno=31735057896809>.
- [15] Al-Farabi Abu Nasr Muhammad ibn Muhammad ibn Tarjan, and Gattas Abd al-Malik Jasaba. Kitab al musiqa al kabir. Cairo: Arab Writer, 1967. P. 50-1183.
- [16] Krumhansl, Carol. "Music: A Link Between Cognition and Emotion." Current Directions in Psychological Science 11 Current Directions in Psychological Science, SAGE Publications First Published, 2002. P. 45-50 // URL: <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00165>
- [17] Panksepp Jaak. Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions. New York: Oxford University Press, 1998. P. 13-480.
- [18] Al-Farabi Abu Nasr Muhammad ibn Muhammad ibn Tarjan, and Gattas Abd al-Malik Jasaba. Kitab al musiqa al kabir. Cairo: Arab Writer, 1967. P. 68-1183.
- [19] Yavorsky B.L. Basic Elements of Music, in Russian Iskusstvo Yavorsky's Forgotten Hypothesis and a Proposal for an Experiment in Zero Gravity Galeyev (1923) B.M. http://synesthesia.prometheus.kai.ru/yavorsky_e.htm (1, P. 185-194) Published in "Leonardo", 1993. № 1. Vol. 26. P. 76-78) Synesthesia and Musical Space: On

Шевченко О.П.*Кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет», г. Краснодар.*

Социокультурное содержание предпринимательской культуры: эмпирические аспекты*

Аннотация. В статье отмечается, что российская предпринимательская культура характеризуется наличием ряда признаков, формирующих ее актуальный социокультурный облик. Структура российской предпринимательской культуры весьма сложна и противоречива. Среди различных методологий и методов социологической науки, применяемых для анализа социокультурного содержания предпринимательской культуры, в наибольшей мере подходит именно качественная стратегия. Автором был проведено качественное социологическое исследование российских предпринимателей (глубинные интервью), позволившее систематизировать первичную информацию об основных содержательных элементах предпринимательской культуры.

Ключевые слова: общество, культура, предпринимательская культура, социокультурный облик предпринимателей, социокультурное содержание, эмпирический анализ, глубинные интервью.

Shevchenko O.P.*Candidate of Economics, Associate Professor of the Kuban State University, Krasnodar.*

Socio-cultural content of entrepreneurial culture: empirical aspects

Abstract. The article notes that the Russian entrepreneurial culture is characterized by the presence of a number of features that form its current socio-cultural appearance. The structure of Russian entrepreneurial culture is very complex and contradictory. Among the various methodologies and methods of sociological science used to analyze the socio-cultural content of entrepreneurial culture, it is the qualitative strategy that is most suitable. The author conducted a qualitative sociological study of Russian entrepreneurs (in-depth interviews), which allowed to systematize primary information about the main content elements of entrepreneurial culture.

Key words: society, culture, entrepreneurial culture, socio-cultural image of entrepreneurs, socio-cultural content, empirical analysis, in-depth interviews.

Предпринимательская культура играет важную роль в системе культуры российского общества. В научной литературе представлены различные точки зрения относительно содержания понятия «предпринимательская культура».

* © Шевченко О.П., 2022.

Социокультурное содержание предпринимательской культуры: эмпирические аспекты

По мнению О.Ю. Ожерельевой, «предпринимательская культура – это часть совершенно конкретной культуры с ее специфическим языком и стилем мышления, позволяющими воспроизводить и читать только ей присущий социокод, опираясь при этом на системы ценностей как ментального, так и прагматичного характера. В тоже время она включает специфические регуляторы жизнедеятельности в виде норм, систем отношений, социокультурных механизмов, имеющих свое социокультурное пространство проявления, которое порождается характером взаимодействия всей совокупности общественных отношений» [1, с. 8].

В.Г. Макеева считает, что предпринимательская культура представляет собой «совокупность образцов поведения, ценностной системы, социальных норм, фундаментальных принципов и общественных институтов, ориентирующих субъекты на те или иные формы экономической активности в системе предпринимательства, обеспечивающих передачу накопленного опыта, способствующих устойчивости предпринимательства во времени» [2, с. 90-98]. Некоторые исследователи полагают, что предпринимательская культура – «духовная жизнь людей в предпринимательской среде, в организации, их идейное нравственное состояние, ощущения, мышление и действия» [3, с. 59].

Анализ различных определений понятия «предпринимательская культура», оно трактуется весьма неоднозначно. Объединяющим семантическим элементом для большинства определений выступает передача социально-профессионального духовно-нравственного опыта от старших поколений предпринимателей к младшим. В духовно-нравственной сфере предприни-

мательская культура аккумулирует ценности, традиции, обычаи, нормы, идеалы и др. элементы социокультурного пространства.

Следует отметить, что социологический анализ культуры как социального института сопряжен с рядом серьезных гносеологических проблем, связанных с междисциплинарной отраслью научного познания, возникающим несовпадением методологий, как следствие, терминологической путаницей, непроясненностью индикаторов эмпирического анализа явлений и процессов в сфере культуры. Существующие теоретико-методологические подходы к анализу культуры как элемента социальной системы нередко противоречат друг другу. Более того, среди исследователей нет единства по поводу содержания понятия «культура», а также относительно специфики ее взаимодействия с социальной системой. На протяжении веков продолжают дискуссии на эту тему. Все вышеизложенное оказывает воздействие и на процесс социологического анализа предпринимательской культуры как элемента системы культуры российского общества XXI в.

Относительно определения понятия «предпринимательская культура» мнения исследователей существенно расходятся. Достаточно перспективным выглядит ее представление как системы взглядов, воззрений, установок предпринимателей относительно своего места в экономической и социальной системе, что, в свою очередь, формирует специфику их экономического поведения и жизнеощущения. Среди различных точек зрения относительно структуры предпринимательской культуры сложно выделить какую-либо доминирующую. В этой связи предложено авторское видение структуры предпринимательской культуры как

состоящей из двух элементов: внутреннего и внешнего уровней.

Предпринимательскую культуру современного российского общества целесообразно позиционировать в качестве локальной культурной формы, не тождественной субкультурам или контркультурам (они отличаются большей сплоченностью – поведенческой и духовной) своих членов. Однако сходство предпринимательской культуры и субкультур состоит не только в том, что они вступают интегральным элементом системы культуры российского общества, но и наличием доктринально ядра – упорядоченной системы ценностей, норм, идей, идеалов, мировоззрения и т.п., что позволяет эффективно осуществлять пресс социокультурной интеграции членов объединения. Именно доктринальное ядро предпринимательской культуры выступает основой процессов социализации и инкультурации, оказывает существенное воздействие на сознание и поведение бизнесменов.

Наряду с теоретическим изучением предпринимательской культуры весьма перспективно и эмпирическое направление социологического поиска. Сложный многоуровневый объект как предпринимательская культура, очевидно, требует симбиоза количественной и качественной стратегии эмпирического исследования. Кроме того, эмпирический социологический анализ предпринимательской культуры был бы неполным без всестороннего учета ее структуры, познания особенностей взаимосвязи ее основных элементов. В научной литературе в этой связи отмечается, что предпринимательская культура складывается из следующих элементов:

- материальные элементы;
- духовные элементы;

- личные элементы;
- институциональные элементы [4].

Многоуровневая, порой противоречивая, структура предпринимательской культуры ставит весьма серьезные задачи перед социологом-исследователем. Учет различных элементов, понимание характера взаимосвязей тех или иных подсистем предпринимательской культуры требует составления качественной программы социологического исследования, где центральным элементом выступает интерпретация и операция анализа основных понятий, способствующая фиксации системы эмпирически наблюдаемых индикаторов. Именно эмпирический уровень социологического поиска, как представляется, обладает наибольшим эвристическим потенциалом применительно к анализу предпринимательской культуры.

В целях получения подробной, глубокой информации о предпринимательской культуре российского общества был осуществлен качественный социологический анализ. Для достижения этих целей была проведена серия глубинных интервью с российскими предпринимателями. Общее число интервью – 16. Сфера деятельности опрошенных – малый и средний бизнес, возраст от 18 лет и старше.

В результате проведенного исследования были получены данные о том, что для изучаемого сообщества характерно двуполярное восприятие бизнес-среды. Она дифференцируется на «нормальных», «моральных», «правильных» и т.п. предпринимателей и «ненормальных», «аморальных», «подлых», «агрессивных», «излишне жадных» и др. Первых – явное большинство, с точки зрения респондентов, и они охотно себя идентифицируют с такими. *«Мои ожидания в целом по поводу морали бизнесменов оправдались,*

большинство – вполне нормальные, вменяемые люди, с которыми приятно иметь дело и общаться» (жен., 44 года). Вторые – составляют меньшинство, но действия этого меньшинства настолько резонансные для предпринимательского сообщества, что имеет далеко идущие последствия. «Из-за одного, скажем так, мутанта теперь обо всех предпринимателях начинаешь плохо думать» (муж., 34 года).

В ходе глубинных интервью мнения предпринимателей разделились при ответе на этот вопрос. Часть из них полагает, что в целом предпринимательская среда достаточно дифференцирована и какого-либо единства со стороны предпринимательского сообщества не ощущается. В качестве аргументов они обычно апеллируют к тому, что когда кого-то из бизнесменов необоснованно преследуют правоохранительные органы, за него никто из «коллег» не заступает. «Если кого-то из нас ни за что посадят, поверьте, ни один человек не выйдет на его защиту, слова даже не скажет» (жен., 44 года). Другая часть опрошенных бизнесменов, напротив, указывает, что, несмотря на отсутствие явных публичных выступлений в случае «атак» на бизнес, поддержка все же имеет место. «Семьи поддерживают, в сложных ситуациях деньги людям занимают без всяких оформлений – такое сплошь и рядом встречается, об этом тоже нужно говорить» (муж., 34 года). Как показало исследование, в целом уровень сплоченности российских предпринимателей весьма средний, а крайние оценки встречаются все же реже.

При ответе на вопрос: «Можно ли говорить о духовном единстве российских предпринимателей? В чем оно может находить выражение?», оказалось, что на обыденном уровне

сознания предприниматели редко задумываются о чем-то подобном. Для них «это высшие категории, которые только работать мешают» (жен., 44 года). В большей мере, они говорят о моральном единении. «Да, моральная поддержка чувствуется, особенно против государственного произвола, с которым мы нередко встречаемся – все не понаслышке это знают» (муж., 38 лет). По остальным критериям оценки духовного единства респонденты затрудняются ответить более содержательно. Согласно их комментариям, религия или идеология, иные элементы духовной регуляции не могут в современном российском обществе быть объединяющим началом для предпринимателей. По мнению опрошенных, предпринимателей объединяет скорее образ и стиль жизни, специфика профессиональной занятости. Часть респондентов указали на то, что «у многих таких же, как я предпринимателей, совпадают жизненные идеалы, то, к чему мы стремимся» (муж., 29 лет). Однако более глубоко этот вопрос они в своем сознании не подвергают оценке. Для целей более детального изучения этого аспекта респондентам был задан дополнительный вопрос.

Как показало проведенное качественное исследование, опрошенные (в силу особого социально-профессионального статуса) характеризуются наличием специфических жизненных целей («терминальные ценности» в терминологии М. Рокича). Отвечая на вопрос интервьюера, направленный на детализацию подобных ценностей, респонденты упоминали: 1) достижение успеха в бизнесе, под которым они понимают «высокий уровень богатства», «существенное превышение доходов над расходами» и т.д.; 2) достижение особого состояния свободы, когда че-

ловек имеет все необходимые жизненные блага и ему не нужно прилагать усилий для их последующего достижения; 3) благосостоянием своей семьи / ближайшего окружения, отсутствие необходимости «добывать средства для существования». Как показало исследование, в целом все терминальные ценности опрошенных российских предпринимательской укладываются в систему «собственное материальное благосостояние, а также своей семьи и близких». При этом свобода выступает для исследуемой среды в качестве некоей «производной» именно от материального достатка, т.е. позиционируется ими как следствие материального, а не духовного благополучия. Именно в материальных акцентах проявляется специфика современной российской предпринимательской культуры (например, в отличие от протестантского бизнеса, оказавшегося в центре внимания классика мировой социологии М. Вебера). Однако окончательные выводы по данному аспекту оценки предпринимательской культуры можно будет сделать только на основании репрезентативных количественных исследований (в целях верификации выдвинутой теоретической гипотезы).

При ответе на вопрос: «Ощущается ли у современных российских предпринимателей связь с традициями прошлых поколений?» мнения участников исследования разделились. Часть из них убеждены, что у современных российских предпринимателей сохранились традиции ведения бизнеса, идущие с древних времен. Основная аргументация состоит в том, что *«методы и приемы зарабатывания денег сейчас практически ничем не отличаются от тех, что применяли русские купцы тысячу лет назад, поэтому и связь времен очевидна»* (жен., 44 года). Респонденты,

входящие в эту группу, также приводят и «отрицательные» доказательства наличия связи времен: *«как были раньше коррупционные подряды с государством, почитайте хоть про железные дороги XIX в., так и остались подобные схему и в веке XXI в. – и железные дороги все такие же железные и денежные»* (муж., 52 года).

Другие участники исследования, напротив, не согласны с данной точкой зрения и продвигают мысль о том, что у постсоветских предпринимателей оборвалась связь с дореволюционными и именно советская эпоха этому способствовала. *«Какие в СССР могли быть предприниматели? Их всех в расход отправили. Именно поэтому наши нынешние бизнесмены никак не связаны с историей бизнеса, это совершенно новый класс коммунистов, решивших стать на рельсы капитализма»* (муж., 29 лет).

Несмотря на разногласия между различными выразителями мнений предпринимателей, общая тенденция становится довольно очевидной. Разрыв поколений российских предпринимателей был объективно обусловлен более чем 70-летней историей существования советской власти. В этот период времени произошла утрата преемственности предпринимательства, что повлекло за собой и потерю традиций, обычаев, ценностей, идеалов и т.п. Кроме того, существенным образом изменилось и общество в начале XXI в. Этот факт также необходимо принимать во внимание при проведении социологических исследований предпринимательской культуры.

Таким образом, эмпирический анализ показал, что российские предприниматели более дифференцированы, чем интегрированы. Эта тенденция наблюдается по различным показателям:

ценностям, нормам, традициям и обычаям, восприятию истории и современности. (В то же время респонденты ответили на многие четкие вопросы, согласившись с тем, что у них есть предпринимательская культура и они признают эффективность предпринимательского сообщества). В дополнение к существующей дифференцируемости внутри предпринимательского общества (что значительно усложняет формирование полноценной предпринимательской культуры), исследование показало, что ситуация осложняется очень значительными противоречиями и довольно высокими конфликтами между самими участниками предпринимательского общества. В результате предпринимательская культура в настоящее время выглядит как «поверхностное» образование, соответствующее «веяниям времени», но не имеющее глубокой социокультурной основы. Это дух полной интеграции российских предпринимателей в пространство особой и уникальной предпринимательской культуры, которая является предметом социологических исследований.

Влияние Интернета в глобальной компьютерной сети на предпринимательскую культуру России также имеет свои особенности. Предприниматели активно используют Интернет для ведения бизнеса и создания акаунтов в социальных сетях, но эффекты, связанные с виртуализацией социального пространства. На данный момент влияние глобальных сетей на предпринимательскую культуру России во многом представляется поверхностным, а не ограниченным. Именно основное состояние предпринимательской культуры, особенно ее доктрина, создает такую ситуацию.

References

- [1] Yuzhalina N.S. Mentality as a socio-cultural integrity: dis. ... cand. cultural studies. Chelyabinsk, 2003. P. 8.
- [2] Orlov V.B. Essential and content characteristics of the concept of "entrepreneurial culture" // Sciences of Europe. 2016. № 8. P. 90-98.
- [3] Asaul A.N., Voinarenko M.P., Erofeev P.Yu. Organization of entrepreneurial activity / ed. Doctor of Economics, prof. A.N. Asaula. St. Petersburg: "Humanistika", 2004. P. 59.
- [4] <https://center-yf.ru/data/ip/predprinimatelskaya-kultura.php> (01.15.2021).

Список литературы

- [1] Южалина Н.С. Менталитет как социокультурная целостность: дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2003. С. 8.
- [2] Орлов В.Б. Сущностные и содержательные характеристики понятия «предпринимательская культура» // Sciences of Europe. 2016. № 8. С. 90-98.
- [3] Асаул А.Н., Войнаренко М.П., Ерофеев П.Ю. Организация предпринимательской деятельности / под ред. д.э.н., проф. А.Н. Асаула. СПб.: «Гуманистика», 2004. С. 59.
- [4] <https://center-yf.ru/data/ip/predprinimatelskaya-kultura.php> (Дата обращения: 15.01.2021).

Гульжихан Нурышева

Профессор, доктор философских наук,
Факультет философии и политологии,
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Нурфер Терджан

Кандидат философских наук, кандидат политических наук,
Факультет философии и политологии,
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

**Перцептивное и когнитивное значение баланса
и энтропии в музыкальных ритмах***

Аннотация. Среди произведений, в парадигматической памяти музыкальной философии, есть произведение, известное как первый в истории философии трактат о науке о музыке. Этот трактат называется «Китаб аль-Мусика аль-кабир» Фараби, который до сих пор известен как наиболее полная энциклопедия музыкальной философии даже в наше время. В этом трактате Фараби исследует различные типы музыки в соответствии с их различными концепциями. Основная цель этой статьи — напомнить об авторитете Фараби в области музыкальной философии. В основу дискуссии легло положение о том, что музыка является своего рода образом в философии Фараби, а также результаты нейробиологических и когнитивных исследований в области философии нейробиологии за последние годы.

Ключевые слова: философия музыки, познание, нейромузыковедение, эффекты музыки, музыкальное познание.

Gulzhikhan Nurysheva

Professor, Doctor of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science,
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Nurfer Tercan

PhD in Philosophy, PhD in Political Science, Faculty of Philosophy
and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

**Perceptual and cognitive importance
of balance and entropy in musical rhythms**

Abstract. Among the works, in the paradigmatic memory of musical philosophy, there is a work known as the first treatise on the science of music in the history of philosophy. This treatise is called “Kitab al-Musika al-kabir” by Farabi, which is still known as the most complete encyclopedia of musical philosophy even in our time. In this treatise, Farabi explores different types of music according to their different concepts. The main purpose of this article is to recall the authority of

* © Гульжихан Нурышева, Нурфер Терджан, 2022.

Перцептивное и когнитивное значение баланса и энтропии в музыкальных ритмах

Farabi in the field of musical philosophy. The discussion was based on the position that music is a kind of image in the philosophy of Farabi, as well as the results of neuropsychic and cognitive research in the field of philosophy of neurobiology in recent years.

Key words: philosophy of music, cognition, neuro musicology, effects of music, musical cognition.

Introduction

A note reawakens a special moment that we can remember. The world consists of sound and vibration. The stimulation and movement of sounds and rhythms bear similarities to the way humans experience their inner rhythms and the flow of time. Other cosmic and physical phenomena that may be symbols or reflections of sounds; Understanding the music-mathematics-universe relationship emphasizes some knowledge in the existential dimension. As it is known, the universe moves circularly in a systematic order of mathematics and geometry. This perfect rhythmic order, which develops from the centre outward, brings the period phenomenon with it. In the boundless and unconditional nature of truth, everything that appears in the universe is subject to an endless transformation. There is no end to a circular motion mechanism. The repetitive elements in a structured sequence change in harmony at regular intervals, creating a rhythm that facilitates the perceptual integration of the form in question.

Music explains what words cannot express, whether emotions, an idea of beauty and goodness for which there is no reason yet, truth itself, or all the pains of history... How did famous philosophers and thinkers throughout world history establish the connection between music and philosophy? Musical works convey ideas. It is knowledge about the relationship between ideas, objects and people; They are generalizations that are the product of discovering and grasping the deep laws underlying countless human actions, nature, and so-

cial movements. Conversely, ideas transform people's real lives, thereby changing people's emotional lives. The arrangement of sounds according to human images was a creation of primitive tribal life. The paradox of musical memory: one hears the near in the present, the past in the present; hears the entire past not as the sum of past moments but compressed into the present. Hearing is the fulcrum from which the past of sound extends into the future. Another subject in which music is commonly associated with emotions is mathematics. Indeed, pointing out music as an art is a modern phenomenon.

We discuss methods of applying these foundations and examining what and how much this art involves. The interdisciplinary method supports our discussion of the dynamic analysis of musical sounds. Perceptual adaptability describes precisely how sounds become functional through systematic and independent influence on memory or aesthetic evaluation. This article aims to contribute by exploring musical creativity in the light of *Kitāb al-mūsīqā al-kabīr* in embodied cognitive science. Much of the literature on origin comes from relatively early times in the history of ethnomusicology. However, research into the sources of language, the psychology of music, and forms of intercultural communication for the anthropological study of universals has encouraged us to explore this. We discuss the approaches that reconstruct the historical sequences of philosophy as follows. The origins of music that interest us are those whose creators will be within the scope of philosophy in

bringing together the processes that make up the sound model in science, psychology, cultural and social environment. This research suggested one of two processes. Each separate act of musical creation is a kind of formation. As expressed in every such act, something generally valid can be identified about the origin of music. Also, human behaviour is unified and historically fixed. It gives information about the psychological understanding of scientific disciplines in medieval philosophy and the systematic functionality of other disciplines working in the art of music. This article considers different historical studies and presents distinctly different perspectives. Definitions are necessary to understand the concepts used in philosophical studies. Explanations of other scientific disciplines covering a wide spectrum of music science add another dimension to the discussion

Awakening to life through music

Simple functions of time elapsed between events, such as the mean or differences of the starting intervals of the rhythm, and their predictability can range from more complex functions. However, while some rhythmic features may have negligible or ambiguous effects on perception, others may be quite pronounced and have different perceptual effects that need to be repeated, highly correlated features may still have different perceptual effects. The connections between the physical qualities of rhythms and their perception remain unclear. Still, identifying the features that drive rhythm perception will provide important insights into exactly how the brain deconstructs and analyses periodic temporal patterns.

Auditory and visual perception recognizes visions formed in the mind and creates images of actions in various forms that can then be stored in the mind. It re-

quires strong emotions and imagination when it comes to reliable and accurate information. Because human cognition is more diverse than this force. Cognitive science's view of the mind is called the information processing process. Cognitive scientists view the human mind as an information processing system that receives, stores, transforms, and retrieves information. The general function of this complex system is expressed by the term "cognition". According to the information processing approach, it is a processor with limited capacity in terms of mind, structure, and resources and unlimited capacity in terms of processing power. In fact, this situation, which is also encountered with the term cultural memory in the fields of sociology and anthropology, also explains the need for individual-oriented psychology to gradually shift to the social field and the emergence of social psychology. Music includes all the features of socially shared cognition; even provides concrete examples in terms of group memory, cultural memory, shared knowledge, and actions. Examination of Fārābī's legacy shows that the peoples had centuries-old ties and their artistic values were assimilated.

Music is a system of rules. In other words, the arrangement of sounds is determined within the boundaries of music theory. However, from an entropic point of view, the entropy of each system tends to increase over time. In this case, entropy in music is the tendency of sounds to disperse as much as possible, and music theories emerge with the function of transforming sounds into as ordered systems as possible. It can be said that the limits of the tonal, modal system, rules and positions and combinations of the sounds in a composition are the definition and function of music theory. "Entanglement is a uniquely quantum mechanical resource that plays a key role in many of

the most interesting applications of quantum computation and quantum information; entanglement is iron to the classical world's bronze age. In recent years there has been a tremendous effort trying to better understand the properties of entanglement considered as a fundamental resource of Nature, of comparable importance to energy, information, entropy, or any other fundamental resource" (Nielsen and Chuang 2007, p. 11).

An in-depth and comprehensive review of the Great Music Book allows to check the logic of Fārābī's aesthetic views. Deep thoughts and ideas on aesthetics have been included in many of his works. While maintaining continuity, aesthetic categories reflect the art of each historical era, its social significance, and the characteristics of understanding the essence of aesthetic perception. Therefore, Fārābī's "Great Music Book" is a multi-disciplinary comprehensive scientific work. Al-Fārābī's wonderful music book is the work that reflects his life's work and world of thought along with his talents. It is an encyclopaedic study of cognition theory, logic, aesthetics, poetry, pedagogy, anatomy, mathematics, physics, acoustics, instrumentalism in detail. The Second Master systematizes extensive knowledge of the history of music. Fārābī's "Great Music Book" is not only his greatest work, but also one of the most valuable spiritual monuments of the past, which raises a wide variety of important methodological issues of science and art. The structure of both music science and poetry; It has found a place for itself in the treatises called "On the Origin and Classification of Sciences" and other treatises, and it is clearly seen that the thinker deals with aesthetic concepts on a scientific basis. It is based on the fact that each art can have its own laws. Considering these will enable you to get to know this art. According to Al-Fārābī, the main purpose

of music theory is the study of musical meaning, which is an art or a product of nature. "Music theory indifferently treats everything our ear perceives, whether it is natural or not, but its main purpose is what natural understanding means to us, and the rest is studied secondarily and indirectly. Here, as in natural sciences (physics), the main object is the study of all the natural properties and essence of the body, and random properties are considered secondary, indirect" [6, p. 276].

Abu Nasir claims that music is a mathematical discipline in the system of sciences and takes a more in-depth approach to art that tends to affect the listener emotionally. In the Great Music Book, he stated that the language used in music also depends on the syntax. It applies to both rhetoric and poetry, that is, the laws of the two types of art related to the dialectic ... Among his various treatises, what stands out is the Kitāb al-mūsīqā al-kabīr [Great Book of Music]. "Here he contained his melodies in the double octave, divided in accordance with the numerical ratios of the Greek tradition, that of Ptolemy in particular, where the notes were represented by letters of the alphabet." (Al Fārābī K. al Musīqā, 1967 p. 4, 20) Music is closely related to mathematics because its main purpose is the study of notes and related volumes and numbers. Music doctrine is related to mathematics as a measure. Therefore, the philosopher and scientist claim that some of the principles necessary for the study of music are derived from a number of related sciences, others from the natural sciences, namely physics, geometry, arithmetic, and most of them from the musical experience of different peoples.

Al-Fārābī divides the entire science of music into two parts: music practice and music theory. Pointing to the natural and spiritual aspects of music, Fārābī called it

practical and theoretical. The definition of the hierarchy of sciences is objective and subjective actions such as observation, perception, hearing, art, or philosophy, as different dimensions of the same structure based on science. “Al-Fārābī divides the art of music into the “practical art of music” (ṣinā‘at al-mūsīqa al-‘amaliyya) and the “theoretical art of music” (ṣinā‘at al-mūsīqa al-naẓariyya). To him, the “theoretical art of music” was equivalent to the science of music. It investigates the causes (asbāb) of melodies, addressing questions about “why” musical phenomena are the way they are. Why do certain melodies sound pleasant to the ear while others do not? Why are some combinations of notes harmonious while others are not? Such questions lead to discussions about the production of musical sounds, the different kind of intervals, the combinations of notes into groups such as tetrachords” (K. al-Musiqa, 1967 p. 144).

The Greek philosophers Pythagoras, Aristotle, and Plato were some of the first philosophers to approach music’s healing and transformative potential. Thus, the early roots of music therapy history are vast. He examined how the various melody combinations played or sung in the lyre could affect a range of moods. Kitāb al-mūsīqa al-kabīr details that music is a relaxing experience and its vibrations that move and change the soul. “Its utility [lies] in tempering the character of living beings that digress from the mean (æqualitas) and in perfecting the fitness of those that have not yet been perfected, and in maintaining those that appear [to possess the] mean (æquales) and have not yet gone to any of the extremes [in digressing from the mean]. It is also of utility to bodily health whenever the body is weakened by a languid soul and is impeded by the existence of its own impediment. Thus, the cure of the body is affected by the cure of the soul

through the adjustment of its own constitution, and combining this with its own substance by means of effective sounds, such as concordant [sounds]” (Farmer 1965, p. 49).

Al Fārābī strongly argues that one discovers something through rational ability, imagination, or sensation. He detailed the cognitive abilities of the soul (anima, soul) and spirit (spiritus), respectively, as sensitive, creative, and rational, corresponding to the triple structure of entirely, psychic, and spirituality (corpus). The Second Master also specifies the triple nature observation terms of perception and cognition. This terminological usage indicates his belief that microcosm and macrocosm correspond to each other. It also reflects the reality of the subject and the view that the object of knowledge constitutes a holistic. “The things in common which all the people of the ideal city should know are, first, knowledge of the First Cause and all its attributes, then the things separate from matter, and the special attributes and grade of each, till one comes (sc. in descending order) to the active intellect’, etc. The whole passage is illustrative of the present fasl. The spiritual beings or immaterial things, of which the ‘active intellect’ (al-‘aql al fa’al) is the type, are called in spiritual bodies” (Dunlop 1961, p. 89).

The definition stated in Kitāb al-Musiqa is the practical part, which is the art of performing musical works with the help of instruments. The theoretical part is the study of the rules and laws of the creation of musical compositions and the emergence of melodies. Al-Fārābī defines theoretical knowledge in the field of music as a tool to achieve practical goals. Similarly, Abu Nasir considers the study of music to be the main subject of mathematics, considering that poetics and rhetoric are an integral part of the science of logic. Musicology studies musical genres

(melody): what they are made of, what they are made for, what they must be in order to have an effective seductive effect. Under this name we understand two sciences: applied music science and theoretical science. Applied music science is characterized by the perceptual production of music from natural and artificial instruments. Music theory presents musical knowledge as intelligible objects; The causes of everything that composes music are given, but not in material form, but in absolute form and in an abstract form from any instrument, any substance; [music theory] generally accepts melodies regardless of the instrument from which they are taken. Al Fārābī explains the reasons for the emergence of Musicology in his treatise, *Kitab al-Musiqa*.

“I argue that when a substance is in motion, it has a sound, and the sound is divided into three as high, low and medium. From this arises a science that requires the recognition of the high, low and middle sounds among them.” (Al Fārābī K. al Musiqa, 1967, p. 28) The word music [el-musika] means music. Lyric [al-lahn], a set of different sounds arranged in a certain order, and a series formed in a certain way to express the meaning in which the expressions are formed, as usual, means “al-khuruf” sound unit (Al Fārābī K. al Musiqa, 1967 p. 59).

Along with the concepts of “science” and “enlightenment”, one of the main concepts of the Fārābī platform is “art”. “In the process of explaining his theory of “thinking,” he acquires his own understanding of the musical arts system. The practical form of art is composition (*siġa al-alhan*) and performing of melodies (*‘ada al-alhan*), which is defined as a way of thinking that acts on the basis of certain internally emerging concepts. Theoretical music art is pointed out as a way of thinking that knows the melodies and their results based

on the first known concepts that emerged in the inner soul” (Al Fārābī K. al Musiqa 1967, p. 414).

According to Fārābī, the the difference between them is not only in the real definition of one “form” and the understanding of the other, but more broadly in their methods in music and ways of cognition. Musical creativity process: formation of the idea of music producer and performer; apply it as a finished musical composition; The author explains his theoretical evaluation as a process of cognition. As the scope of art, there are laws of the process of cognition that occur in any sphere of human activity and, in turn, are based on an internal understanding of the primitive foundations and causes of existence. Determining the cognitive nature and characteristics of musical art forms, the second master divides them according to the type of “reasons” in question, and on this basis determines the “orientation” of the forms relative to each other. Identifying the highest sciences based on the logical development of cause and effect, aligning them with the hierarchy of the educational system is typical of medieval scientific thought and is a common way of determining the function of Fārābī’s individual discipline. Plato was referring to pre-existing ideas, “Knowledge-data”. According to Plato, all science remembered the nature, proportions, and relationships of immutable essences, one of the accesses it initiated to Al Fārābī. The pattern in which the human mind creates everything that it initially knew and imagined. The fluctuating representatives of the material world, the actions and virtues of people, the form and beauty appearing in the universe, the reflections of the archetypes are sufficient to approach these issues.

“Because rhythm and harmony enter in the strongest manner into the inward part of the soul, and most powerfully affect

it, introducing at the same time decorum, and making everyone decent if he is properly educated, and the reverse if he is not. Music creates in the soul temperance. And when one yields up himself to be soothed with the charms of music, and pours into his soul through his ears, as through a pipe, those we denominated the soft, effeminate, and plaintive harmonies, and spends the whole of his life chanting and ravished with melody; such an one, at the first, if he has anything spirited, softens it like iron, and, from being useless and hard, renders it profitable.” (Plato 1921, p. 90, 91) Early musical-theoretical thought of the Fārābī era considered music in connection with high humanistic ideas. Freedom-loving dreams are associated with songs and music. In his studies on musicology, Al-Fārābī has extensively developed the healing (philanthropic) properties of music while emphasizing the educational and social role of music.

The scientist emphasized the great emotional impact of music on the listener. The aesthetic values of this musical composition, melody and rhythmic composition were also considered. Al-Fārābī developed not only musical theory, but also musical aesthetics. Given the great emotional impact and educative role of music on the listener, he delved into the genres of music, particularly where they came from, their causes and actions.

Abu Nasir defines the nature of music, logically assesses its development, and comes to the following conclusions: The music makes the song perfect and attractive. The scientist considers music in the form of a clear song, a poem, which can convey different moods and images, which in turn is associated with the phonemes (sounds) that make up the word and combined in different ways. So, the art of music is the art of those who are engaged in music (song), but also make them very

strong and perfect. Al-Fārābī considers the doctrine of music as one of the pedagogical sciences, that is, education. He attributed these sciences to being called educational because they train students, are very sensitive, and lead directly to the recognition of other sciences.

The Great Music Book and his other reviews emphasize the need for musical education, that is, the ability to learn in the absence of innate talent. In the era under consideration, the idea of harmony has taken a leading place in aesthetics. Al-Fārābī's idea that harmony exists objectively exists not only in nature, but also in poetry, music, architecture, and other works of art. In the Great Book of Music, he devoted many pages to the following topics concerning the structure and characteristics of music: style, sound, natural rhythm, harmony of sound, and beauty. The scholar argues that the harmony of sounds produced by an instrument, or a human voice is proportional. There are also voices that “harmonize itself but interact with others and adapt to small changes.” They are hateful and not aesthetically pleasing. Therefore, inconsistent harmony of sounds has a negative effect and limits the possibility of aesthetic pleasure. Al-Fārābī believes that aesthetically valuable musical sounds are also emotionally satisfying. Sounds that affect hearing are also considered emotionally negative. Abu Nasir not only advocated the interrelationship of musical theory and practice, but also argued for the interdependence of music and harmony, that is, he defended the idea of their synthesis. Expanding and systematizing these musical doctrines, the thinker justified the nature of “mature music” and their close connection with harmonious phenomena and showed the cause-and-effect relationship in musical works. The thinker opposed the absolutization of the laws of harmony and those who said that only “pure music” was

beautiful in the world. He concluded that the sounds produced by various instruments allowed the sound of the human voice in degrees. Therefore, the Second Master enriches the singing, gives it a wonderful sound and brightness, accompanies, and decorates. Sounds devoid of harmony and melody are not strong (dominant), lack beauty, and serve no aesthetic purpose. The instrumental music combined with the song he wrote in the "Great Music Book" gives it great strength and expression and can complement it in different situations. Thus, these two genres of music are closely related".

"In scientific knowledge based on certain basic principles, the question arises about the way in which matter is formed and its actual level. And before the act of knowing there is the formation of a general understanding of the object. Now it's time for the part where we discuss the middle way: certain concepts known as being revealed in the soul, or, according to the definition of the author and composer, knowledge based on fundamentals and initiative." (Al Fārābī K. al Musīqā 1967, p. 419) Al Fārābī argues that the real and genuine evidence bases are formed by the perception of individual substances by the person's cognition. The way a scientist approaches this question demonstrates the systematic way to validate his or her opinion. Based on the general laws of human cognitive activity, he explains that reaching the first foundation is a step-by-step process arising from the relationship of sensory, emotional and intellectual origins.

Philosophy is the oldest and most valuable of all disciplines in cognitive science. The first traces of issues related to the depths of consciousness are in ancient Greek philosophy. Most philosophers throughout human history have been active in contemplating and trying to answer

fundamental questions about the universe and consciousness. "The human, says Al Fārābī, gains knowledge of a thing either through the rational faculty, the imaginative faculty, or sensation. In maintaining this tripartite division of the cognitive faculties, he echoed the ancient doctrine that "only the like can know the like." (Bakar, 1983 p. 49) "Sensation" (al-hiss) and "belief in consciousness" (taikkun al-'akl) are contrasted by Fārābī as the last two forms of knowledge formation: Confidence, the combination of opinions, is a conscious action that carries out what is based on this feeling" (Al Fārābī K. al Musīqā 1967, p. 421).

According to Al Fārābī, the field of mathematics extend incomparably, exceeding the Latin Quadrivium (arithmetic, geometry, astronomy, and music) and includes optics, weights, and ingenious devices that are part of physics in modern science. "The idea of measurement as applied to the ruler, directly or by implication and with reference to one of the subordinate classes in the ideal city in, where the unusual term 'measurers' or 'assessors' (muqaddirun) covers the 'accountants, geometers, doctors, astrologers and the like', seems traceable to the art of measurement" (Dunlop, 1961 p. 18).

Between the initial sensory perception of something and its true knowledge, there are several stages that form the emotion in the consciousness of the knower and create the "necessary preconditions" for the discovery of a clear understanding of the given thing. Neuroscience pioneer Christof Koch summarized the music-mind relationship outlined in Kitāb al-mūsīqā al-kabīr with the literature of the last centuries: "Without consciousness there is nothing. The only way you experience your body and the world of mountains and people, trees and dogs, stars and music is through your subjective experienc-

es, thoughts, and memories. You act and move, see and hear, love and hate, remember the past and imagine the future. But ultimately, you only encounter the world in all its manifestations via consciousness. And when consciousness ceases, this world ceases as well. Many traditions view humans as having a mind (or psyche), a body, and a transcendental soul.” (Koch 2012, p. 23) Gelbart’s experience shows the method to shed light on the subject; “Complex” and “difficult” are adjectives that many musicians and musicologists avoid, even though they seem easily applicable to many works of both music and visual arts. He states that this hesitation motivated Gelbart and increased his interest in somehow measuring the “difference” between the two songs. Recognizing pattern matching in music indicates that it is too chaotic to be accomplished in a year. He states that he explains this with the concept of entropy in information and coding theory as a way of analysing how a set of events behave (Gelbart 2007, p. 1-6).

The two main approaches to human cognition and the conflict between them have occupied the psychology literature. The first of these approaches is the cognitive tradition, which explains human cognition with symbolic operations, and the other is the situational cognition/action approach, which focuses on the interaction of environment, context, and socio-cultural conditions in human cognition (Thompson & Fine 1999, p. 278).

In the first of these approaches, human cognition was tried to be explained with information processing processes such as planning, problem solving, establishing cause-effect relationships, producing/using schemas, and memory. However, the second approach drew attention to the mutual interaction between the individual and the environment in the processes of reception, use and production of informa-

tion, claiming that human cognition does not consist of processes that have been imprisoned in several processing processes in the mind and have turned into a kind of closed box model.

Musical depictions have a long history. Fārābī’s research on rhythms and musical scales in the 10th century may still be the analysis of the answers sought. The meaning of the word is based on balanced systems that consider the grammatical rules of language and music, and in music it is related to the exclusion of calculated parts of speech and the transmission of sounds by quantitative and qualitative kinesthetics’ methods. The soul is instinctively drawn to the balanced systems that control style and composition, the sublimity of knowledge. This is due to a beautiful, gentle sound that the soul listens to and is then influenced by change agents. (Al Fārābī 1967) Newton’s synaesthetic illustration of the diatonic scale (Newton, 1730), through early iterations of music psychology (Bachem, 1950; Meyer, 1904; Révész, 1913), to contemporary music cognition (Deutsch, Dooley, & Henthorn, 2008; London, 2004; Shepard, 1964).

Music contains all the features of the concept of socially shared cognition. In fact, in terms of group memory, cultural memory, shared knowledge and actions, concepts such as emotions, cultural activities, all kinds of rituals, sharing environments, social and intellectual qualities of the composer/producer, anonymity, music is not just a shared sound system. This sharing capacity of music underlies Merriam’s (1964: p. 218) statement that perhaps there is no other human cultural activity that reaches, shapes and controls human behaviour as much as music. This quality is also highlighted in Blacking’s (1995: p. 55) definition of famous music: sounds organized by humans in relation to social and cognitive processes

in a particular sociocultural setting. In this definition, two points draw attention within the scope of the basic context of the study. The first is the socio-cultural context, and the second is the concepts of organizing. These concepts, which are related to each other, mean the interaction between the socio-cultural context and the two main subjects of musical practices, human and society.

The concept of organizing sounds is how the sounds in this environment come to a unity of sounds that can be considered as music. It refers to all kinds of given-non-data rules system regarding in this context, this system of rules is called the theory of music within that culture. In other words, music theory can be defined as given-non-data rule systems for the combination of sounds in a certain music culture in a way that can be defined as music. Linguistics involves the transfer of knowledge from one person to another, and the theory of knowledge brings a new perspective to the study of this subject and to the nature of language. It takes place by transferring data from one place to another, and information theory forms the theoretical background that enables this transfer to take place in the most effective way. Similarly, the reproduction of living things can be considered within the framework of information theory as the transfer of genetic information to the next generations. Music can also be expressed in the most fundamental way through the transfer of information. However, characterizing music using information theory and trying to understand its nature has so far not brought much success to scientists. The most important reason why it is difficult to reconcile information theory with music is that music cannot be easily reduced to the regular symbols mentioned above.

Things get complicated when different instruments play different notes at the

same time, and the different timbre, intensity, and other characteristics in each instrument are taken into account. The melodies that musical instruments produce were created to serve the following purposes: some were created to imitate what can be imitated from complete melodies, others to serve as repetitions (*takthīrāt*) to these melodies, preludes (*iftitāhāt*), endings (*maqāṭī'*), and interludes (*istirāhāt*) between them throughout the imitative process, or to serve as completions of what throats cannot fully express. Other instrumental melodies are created in a way that makes it difficult for them to imitate complete melodies, or they are unable to assist complete melodies in any way. Rather they are like ornamentation that is not made to imitate anything, but rather is created only to have beauty (Al Fārābī K. al Musīqa 1967, p. 68, 69).

Up to this point, we have adjudicated to reach different degrees of interpretation and cognitive methods as the rhythmic dimension of art as the harmonious transition of various notes. Thus, while considering the responses to the inquiries, we also focused on the potentialities of the deeper dimensions, as Al Fārābī mentioned, with adopting a varied perspective to discover the actual values of the goal and reach harmony in the depths of the subject. Because in such a situation, it is difficult to observe and measure the possibilities of information by focusing on one direction. Fārābī's *Musīqa* treatise represents one of the essential perspective changes in music history, from the harmonic paradigm to the melody. "As accent regulated the melody, quantity regulated the rhythm of ancient music. It is measure that animates the song, and which, combined with the inimitable charms of Grecian verse, produced those extraordinary effects, which the ignorance and credulity of early ages weakly deemed miraculous.

On measure principally depended the different modes of music, by which the most opposite passions were alternately excited in the mind ; and courage, pride, timidity, love, anger, resentment, successively diffused through a numerous assembly, at the will of a skilful composer. The difference of modes, indeed, arose also, in some measure, from the difference of key; and the same succession of sounds, pronounced with various degrees of acuteness or gravity, many doubtless produce effects more or less powerful; but dissimilar effects it never can produce” (Gillies 1831, p. 53).

Al Fārābī explained his versatile music comparisons based on physics with universal details. This universal perspective is a great inspiring feature for the researcher. In his commitment to musical endowments, he explained the terms used by experienced listeners to describe tonal music and physical movement. In other words, he does not utter about music but also experiencing musical motion as if shaped by measurable analogues of physical gravity, magnetism, and inertia. It also presents a theory of melodic expectation based on this claim.

“Referring to the Greeks, Al Fārābī says that they call this knowledge of eternal truth ‘unqualified’ wisdom and the highest wisdom. They called the acquisition of it ‘science,’ and the scientific state of mind ‘philosophy’. By the latter they meant the quest and the love for the highest wisdom. According to Al Fārābī, the Greeks also held that potentially this wisdom subsumes all the virtues. For this reason, they called it the science of sciences, the mother of sciences, the wisdom of wisdoms and the art of arts. What they meant, says Al Fārābī, is the art that makes use of all the arts, the virtue that makes use of all the virtues, and the wisdom that makes use of all the wisdoms” (Bakar 1983, p. 82).

Al Fārābī states that the purpose of mu-

sic as an art is to enable us to understand nature, with the definitions of philosophy and science. The distinction between the various terms from the word ‘khayal’ makes the subject obvious.

One of two methods, pointing to a particular method of demonstration or persuasion, Fārābī believed that a faculty of imagination was creative/causal, causing the ‘imagined’. “When one acquires knowledge of the beings or receives instruction in them, if he perceives their ideas themselves with his intellect, and his assent to them is by means of certain demonstration, then the science that comprises these cognitions is philosophy. But if they are known by imagining them through similitudes that imitate them, and assent to what is imagined of them is caused by persuasive methods, then the ancients call what comprises these cognitions” (Mahdi 1962, p. 44).

Theoretical virtues, persuasive methods in theoretical matters are an integral part of science. One can reach or develop many theoretical phenomena by imagining. This approach does not mean that a person cannot imagine learning many other things in concrete methods. The origins of life and connective myths are nothing more than expressions of simple perceptions or thoughts produced by the imagination of nature’s knowledge. In this case, we prefer the listeners’ perspective on music, the effect of melody types on the listener. The subject becomes more affluent with an approach to the human consequences of music. We can argue that Al Fārābī still has the essential value in the philosophy of music. “These forms are perceived with all their material attachments and relationships such as position, time, quality and quantity” (Bakar 1983, 52).

Philosophers cannot agree on the versions of the cognitive theory they advocate. While some insist that emotions

require believing in the existence of their objects, others consider emotion in cognitive attitudes a controversial point. Sensory patterns are personal; some refer to components of emotions. Others advocate the need for definitions for cognition. For example, music, especially its effective frequencies, makes people emotionally active without words. "The name of the tune is derived from the names of different emotions. We should compose a variety of melodies which correspond to those emotions from which they derive their names. We can call the melody which causes huznu (melancholy) either *mulizinu*, or *hazaniyy*, or *tahzin*; and that which causes 'aza wa salwa' (condolences or forgetfulness) can be called *mucazziyan* or *musalliyan*" (Al Fārābī K. al Musīqa, 1967, p. 1178).

Al Fārābī strongly argues that one discovers something through rational ability, imagination, or sensation. He detailed the cognitive abilities of the soul (*anima*, soul) and spirit (*spiritus*), respectively, as sensitive, creative, and rational, corresponding to the triple structure of entirely, psychic, and spirituality (*corpus*). "We have noticed that certain sounds result from a certain passion or a certain state of mind. We have to consider tones as the goal of this emotional state, its fulfilment, because we know that the consequence of a given thing is at the same time its aim and realization. The tones and sounds due to a state of mind have to be regarded also as a sign of the existence of this state of mind, this passion, since the necessary consequence of a thing is also a sign of its existence" (Al Fārābī 1967, p. 14-15).

Conclusion

Music is not just about sounds in terms of philosophy. Sounds are arranged to form the musical work. In this arrangement, silence can also be part of the music. It is the art of expressing life itself in a

melodious way through changes reflected in feelings and thoughts because of 'internal tensions'. It is to embody any content musically. Fārābī is a sophisticated scientist who has not only done research and studies in the fields of philosophy, logic, morality, politics, and music. With his unique point of view in the field of music, Fārābī systematized the ideas of the Ancient Greek philosopher and ensured that these works were included not only verbally but also in meticulous examinations. Fārābī, who operates the science of music within the framework of universal laws, has placed music on a scientific and philosophical basis. By writing this structure, he made great contributions to the art of music as the first Turkish music scientist and created it. The musical work embodied by the composer will reach the listener through the interpreter/performer. The role of the music performer is no different from that of an actor. Fārābī found the works of some scholars who lived before him in the field of music insufficient and later wrote his treatises on the art of music.

Fārābī, who attaches great importance to the art of music, placed music in the fifth rank of mathematical sciences among the sciences that he listed under the titles in his work titled "The Classification of Sciences". According to Fārābī, the largest numbers in a certain order mean that the melodies are heavy, and it depends on the length of the string of the instrument producing this tune. He emphasizes that the source of this problem lies not in the author, but in the connection between the melodies and the length of the strings. The vibration of the strings is a source of communication between melodies, explaining that continuous melodies can have the smallest numbers, and their arrangement in a certain order shows intensity. The Second Master compiled a table containing the proportions and the number of types

of four continuous melodies according to the estimated length of the string. In his treatise, he describes perfect melodies and types of melody that follow and combine. The review includes Greek and Arabic phrases with equally related melody differences for the same dimensions. Fārābī was the first music scholar to deal with the theoretical principles of music in the history of Turkish music. There is a widespread opinion among music researchers that Fārābī made use of ancient Greek music scientists and added a different meaning to the art of music as his understanding of music. Fārābī's idea of music, which sheds light on the following periods and is a reference, has not lost its importance and continues to maintain its influence in the present age.

References / Список литературы

- [1] Al-Fārābī Abu Nasr Muhammad ibn Muhammad ibn Tarjan, and Gattas Abd al-Malik Jasaba. *Kitāb al-mūsīqā al-kabīr al-kabīr*. Cairo: Arab Writer. 1967.
- [2] Bakar O. *Classification of Knowledge in Islam*. Cambridge, England: Islamic Texts Society. Perhaps the most comprehensive study of Muslim classifications of the sciences ever taken. It is a useful source of information on the place of science and technology in Muslim intellectual culture in different periods of Islamic history. 1998.
- [3] Bachem A. Tone height and tone chroma as two different pitch qualities. *Acta Psychologica* 1950. № 7. P. 80-88.
- [4] Blacking J. The problem of musical description, in: R. Byron (Ed.) *Music, Culture, and Experience: Selected Papers of John Blacking*, Chicago Studies in Ethnomusicology (Chicago, University of Chicago Press). 1995.
- [5] Deutsch D., Dooley K., Henthorn T. Pitch circularity from tones comprising full harmonic series. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2008. № 124 (1). P. 589-597.
- [6] Fārābī & Mahdi M. *AlFārābī's philosophy of Plato and Aristotle*. New York: Free Press of Glencoe. 1962.
- [7] Fārābī & Dunlop D.M. *Fusul al-madani: Aphorisms of the statesman*. Cambridge [England: University Press. 1961.
- [8] Gelbart M. *The Invention of "Folk Music" and "Art Music": Emerging Categories from Ossian to Wagner*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. Google Scholar. 2007. 10.1017/CBO9780511481918
- [9] Koch C. *Consciousness: Confessions of a romantic reductionist*. MIT Press. 2012.
- [10] London J., *Hearing in Time: Psychological Aspects of Musical Meter*. Oxford: Oxford University Press. 2004.
- [11] Merriam A.P., & Merriam V. *The anthropology of music*. Northwestern University Press. 1964.
- [12] Nielsen M.A., Chuang I.L. *Quantum Computation and Quantum Information*, ninth, printing edn. Cambridge University Press, Cambridge. 2007.
- [13] Plato Davies J.L., & Vaughan D.J. *The Republic of Plato*. Cambridge: Macmillan and Co. 1852.
- [14] Nielsen M.A., Chuang I.L. *Quantum Computation and Quantum Information*, ninth, printing edn. Cambridge University Press, Cambridge. 2007.
- [15] Thompson L., & Fine G.A. Socially shared cognition, affect, and behavior: A review and integration. *Personality and Social Psychology Review*. (1999). № 3 (4). P. 278-302.
- [16] Meyer M. On the attributes of the sensations. *Psychological Review*, 1904. № 11 (2). P. 83-103. // URL: <https://doi.org/10.1037/h0070602>
- [17] Révész G. *Zur grundlegung der tonpsychologie [Fundamentals of the psychology of sound]*, Leipzig, Germany: Veit & Company. 1913.
- [18] Shepard R.N. Circularity in judgments of relative pitch. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1964. № 36 (12). P. 2346-2353.

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ:
АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ**

**PHILOSOPHY, SOCIOLOGY:
ACTUALITY AND INNOVATION**

Терновая Л.О.*Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).***Астротопонимический мир как пример глобального согласия***

Аннотация. В мире есть множество предметов для геополитического соперничества и очень мало находится сфер, где между представителями разных стран и культур существует согласие, причем такое, которое указывает на их глубокое уважение к истории, традициям, верованиям, выдающимся личностям других народов. Одной из таких областей выступает астротопонимика, которая отвечает за наименование открытых человечеством объектов на других небесных телах. Астротопонимика в силу роста научно-технических возможностей изучения космоса будет активно развиваться. И по тому, какие новые имена получают обнаруженные части рельефа небесных объектов, можно будет судить, насколько способны люди договариваться по важнейшим проблемам их земной жизни.

Ключевые слова: геополитика, космос, история, астрономия, ономастика, астротопонимика.

Ternovaya L.O.*Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (Moscow Automobile and Road Construction University).***Astrotoponymic world as an example of global harmony**

Abstract. There are many subjects for geopolitical rivalry in the world and there are very few areas where there is agreement between representatives of different countries and cultures, and such that indicates their deep respect for history, traditions, beliefs, outstanding personalities of other peoples. One of these areas is astrotoponymics, which is responsible for the naming of objects discovered by mankind on other celestial bodies. Astrotoponymics will actively develop due to the growth of scientific and technical opportunities for space exploration. And by what new names the discovered parts of the relief of celestial objects will receive, it will be possible to judge how capable people are to agree on the most important problems of their earthly life.

Key words: geopolitics, space, history, astronomy, onomastics, astrotoponymics.

Человеку всегда был присущ дух открытий. История есть в самом прямом смысле дорога в неизвестное. Однако по понятным причинам природного или социального порядка на земле многие пути были для людей невозможны или

исключительно опасны. При этом уже в глубокой древности для насыщения жажды знать и понимать новое, а порой и просто выживать, часто не нужно было никуда идти. Требовалось лишь понять глаза к небу и представить бес-

* © Терновая Л.О., 2022.

Астротопонимический мир как пример глобального согласия

конечный мир космоса. Древнегреческий философ Демокрит утверждал: «Существует безграничное множество миров, различающихся по размеру и в некоторых из них нет ни Солнца, ни Луны, в то время как в других их больше, чем у нас и они больше по размеру. Промежутки между мирами не созданы равными, здесь они больше, там меньше, некоторые из них растут, другие процветают, третьи распадаются, здесь они рождаются, там умирают, уничтожаются при столкновении друг с другом. И некоторые из миров голые, без животных и растений, покрытые водой»¹.

Познавая всякий объект Вселенной, люди закрепляли свои знания в его наименовании. Это позволяло им не только идентифицировать небесные тела, но и руководствоваться картиной звездного неба в своей деятельности, например, выстраивать график сельскохозяйственных работ с опорой на даты, связанные с положением звезд на небосклоне. Поскольку нынешние очертания небесных тел с трудом позволяют находить в них черты тех земных существ, что дали им сохранившееся до нашего времени имя, можно предположить, что у человека как практический, так и поэтический интерес к космосу возник почти одновременно с появлением речи. Именно к такому выводу приходит Ю.А. Карпенко на основе анализа названия созвездия Большая Медведица, соотносимого со смыслом «медведь»². Имеются расчеты, указывающие на то, что оно по-

лучило название в индейских языках Северной Америки около 100 тысяч лет назад. Тогда его очертания напоминали обитавшего в регионе пещерного длинношерстного медведя. Название закрепилось, несмотря на то, что приблизительно 80 тысяч лет назад конфигурация созвездия уже не совпадала с образом этого животного.

Нельзя не согласиться с точкой зрения В.А. Никонова, который утверждает, что омонимы, связанные с космосом, дают пищу не только для лингвистических исследований. В силу того, что все названия космических объектов даны с Земли и отражали земное, они важны для исторических раздумий и разработок³. Эту мысль можно продолжить. Данные космонимии, изучающей самые общие названия галактик, звездных скоплений, туманностей, созвездий, и астронимии, анализирующей происхождение имени конкретных небесных тел: звезд, планет, астероидов, комет⁴, — также актуальны для геополитики. В ее контексте космос представляет собой пространство, непосредственно являющееся областью геополитических интересов.

В отличие от соперничества в военно-космической политике в ономастическом описании космоса ученым удалось достичь согласия, которое способно стать моделью нахождения общего языка и по земным геополитическим проблемам. Надежда на трансляцию такого согласия объясняется наличием единой научной астрономической терминологии, в значительной степени близкой во всех литературных языках, поскольку астрономы пользуются латинскими названиями космических

1 Дынник М.А. (Общая редакция и вступительная статья). Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 // URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_antichnaja/dynnik_materialisty_drevnej_grecii_geraklita_demokrita_ehpikura/7-1-0-1416.

2 Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1985. С. 59.

3 Никонов В.А. Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья 3. Уфа, 1973. С. 373-381.

4 Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С. 188.

тел. Еще в большей степени значимо то, что большая часть этих объектов получила наименование, исходя из их общего «внутреннего образа», подсказанного самим небесным объектом. Данный образ, во-первых, одинаково воспринимался представителями разных культур. Во-вторых, такое сходство могло быть свидетельством весьма развитых контактов древних народов, для которых именно звезды служили самыми надежными указателями пути для развития торговли и путешествий. При этом национально-культурная специфика из омонимов, связанных с космосом, не исчезла. Ее обнаружение позволяет находить своеобразие в развитии как территорий, так и социальных общностей, проживающих на них.

Также возможность рассматривать омонимы космических тел в качестве подтверждений примеров нахождения общего языка и по другим аспектам реальности связана с тем, что данное ономастическое поле открыто для множества заимствований. Наиболее активный поток в него вливается из мифонимики, которая имеет дело с собственными именами вымышленных объектов в мифах и сказках. Причем, используются все разряды мифонимов: мифоантропонимы, мифозоонимы, мифотопонимы, мифоперсонимы, мифохремотонимы. Не менее заметны среди космических наименований теонимы, относящиеся к самым разным пантеонам.

Исследователи стремятся этот поток поэтических, но разрозненных названий систематизировать. В частности, И.С. Михайлова предлагает классификацию омонимов, относящихся к небесной сфере, выделяя такие тематические блоки, которые отражают явления из мира людей и мира животных⁵. К пер-

вой группе — миру людей — относятся названия, передающие сферы образного отождествления: образ-модель «человек», образ-модель «семья», образ-модель «деятельность»; образ-модель «часть тела». В эту же группу включены омонимы, отсылающие к подвигам мифологических героев. Михайлова в омонимов, связанных с миром людей, вводит артефакты, которые являлись либо предметами домашнего обихода, либо геральдическими атрибутами, либо инструментами, необходимыми путешественникам и первооткрывателям. Во вторую группу — имен из мира животных — объединяются образы модели: «звери», «птицы», «рыбы и земноводные», «мифические животные и птицы». Такая классификация в полной мере оправдывает себя применительно к астротопонимике, которая раскрывает особенности названий объектов на поверхности других планет, их спутников и астероидов.

Особенностью астротопонимики выступает ее открытость присвоению имен вновь обнаруживаемым объектам на многочисленных небесных телах, которые с помощью современной техники становятся все более изученными. Например, на Марсе в 2020 г. под толстым слоем льда специалистами была обнаружена целая система озер с жидкой водой. Совершенствование научно-технической вооруженности исследователей космоса распахивает невероятный простор для активности в тех направлениях, которые сразу следуют за появлением определенного объекта на карте небесного тела. Ведь для того, чтобы изучать, сначала требуется присвоить ему имя.

Астротопонимика, которая до сих пор турная специфика космонимов в разносистемных языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (4). С. 93-99.

⁵ Михайлова И.С. Национально-куль-

пор являлась своеобразной небесной *terra incognita* из-за территориальной отдаленности и неоднозначности астральных тел, характеризующихся недоступностью наблюдению и обобщенной систематизации⁶, как и любая непознанная земля, отныне более активно будет привлекать внимание специалистов других наук, включая геополитику. Причина этого в существовании не только непосредственной астрономической задачи насыщения астротопонимического пространства для исследования космоса. Нельзя не заметить того, что именно в этой области люди сумели, несмотря на все свои земные разногласия, достичь наибольшего согласия. Его основой стала общая человеческая история, частью которой были мечты о космосе, запрос на трансляцию во Вселенную наиболее ярких образов этой истории, культуры, науки. Именно такой запрос отразился в практике наименования объектов на поверхностях известных человеку небесных тел.

Отправной моделью реализации такой потребности стали селенонимы (от греческого названия Луны *Σελήνη*, *Selene*), означающие имена объектов на Луне⁷. Всего за все время изучения этого спутника Земли было открыто около трех с половиной тысяч объектов. Начало активному описанию лунной поверхности было положено в 1645 г. бельгийским астрономом Михаэлем Флораном ван Лангреном, который на

первой составленной им карте Луны, обозначил и именовал более 300 деталей ее рельефа. Им он присвоил имена библейских пророков, христианских святых. Ряд объектов получили имена членов семьи испанского короля Филиппа IV, которому служил ван Лангрэн, и знатных дворян. Однако эти названия не прижились. А вот логика, исходящая из того, что Луна представлялась своеобразным зеркалом Земли, закрепила на спутнике нашей планеты селенонимы, повторяющие земные топонимы. Так, мыс Агар на Луне получил название по мысу на Азовском море; горная система Карпаты на Луне — по горному массиву Карпаты. На Луне, как и на Земле, имеются свои Альпы и Кордильеры.

Разнообразие селенонимов отразило этапы исследования Луны. В связи с тем, что сначала Луны могли достичь лишь герои произведений писателей-фантастов, именно эти авторы удостоились отражения своих имен в лунных названиях. Так появились кратеры Жюль Верна и Герберта Уэллса. Многие селенонимы связаны с именами выдающихся ученых, причем не только астрономов, но и исследователей в целом. Например, лунный ударный кратер на оборотной стороне спутника назван в честь Жана-Франсуа Шампольона, расшифровавшего Розетский камень. В сентябре 1959 г. произошел первый контакт космического аппарата «Луна-2» с лунной поверхностью в районе Моря Дождей, который получил название Залив Лунника. Далее селенонимы стали отражать имена российских космонавтов и астронавтов США. Из-за того, что названия лунных мест стали появляться до того, как оказалось возможным изучать это небесное тело с помощью материалов, полученных непосредственно с его поверхности, то существовало немало позже неоправ-

6 Брунов А. Формы выражения космического пространства в лексике английского языка. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2013.

7 Карта Луны / И.И. Катяев, В.А. Шишаков, В.А. Бронштэн (Всесоюзное астрономо-геодезическое общество). М.: Наука, 1967; Пчелов Е.В. Селена и ее дети: селенонимия, селенонимика, селенография // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. 2009. № 7-8. С. 14-15.

дававшихся гипотез о влиянии Луны на Землю, в частности, ее погоду. Поэтому остающиеся в употреблении селенимы не несут те смыслы, что сразу прочитываются в наши дни. Так, Море Кризисов (лат. *Mare Crisium*) вовсе не предвещает экономических потрясений. Это название указывало лишь на резкие перепады погоды.

Ближайшая к Солнцу планета — Меркурий. Ее название оправдано тем, что «Меркурий — самая быстрая из планет, а вестник богов, бог купцов и путешественников Гермес был очень быстрым, даже крылья имел на ногах. Красный цвет крови, свойственный Марсу, легко увязывался с богом войны Ареем»⁸. Римляне, божественный пантеон которых во многом соответствовал греческому, названия планет, возникшие в греческом мире, «перевели» на имена богов собственного пантеона, имевших «специализацию», соответствующую той, что существовала у богов эллинов. Так появились ставшие общепринятыми названия планет Солнечной системы: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн.

Значительная часть астротопонимов на Меркурии имеет мемориальный характер, то есть они названы в честь выдающихся личностей: астрономов, исследовавших эту планету, — морщинистые хребты Эжен Антониади, Джованни Скиапарелли; деятелей искусства — кратеры Гомер, Гёте, Шекспир, Рафаэль, Бах, Бетховен, Байрон, Достоевский, Толстой. Факулы, небольшие яркие области на поверхности небесного тела, — отразили слово «змея» на разных языках: африкаанс, баском, валлийском, игбо, йоруба, кечуанском, маори, сингальском, тамильском шведском, хауса и др. Змеи, как известно,

⁸ Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. С. 95.

обвивали кадуцей (лат. *caduceus*) Меркурия, который, по легенде, был подарком Аполлона и означал примирение этих богов. Откосы на этой планете получили названия кораблей великих исследователей: «Санта-Мария» — корабль Христофора Колумба; корабль Ее Величества «Бигль», на котором был в экспедиции Чарльз Дарвин; совершившие кругосветное плавание, во время которого была открыта Антарктида, «Мирный» — корабль Михаила Лазарева и «Восток» — корабль Фабиана фон Беллинсгаузена; «Фрам» — корабль Фридьофа Нансена, Отто Свердруп и Роальда Амундсена и прочие известные суда.

Венусоним — это собственное всякого любого природного объекта на Венере⁹. Уникальность венусонимов заключается в том, что они являются женскими именами. Это неудивительно, потому как сама планета получила название в честь богини красоты, плотской любви и процветания римского пантеона. Венусонимы отсылают нас к именам богинь, титанид, великанш и сказочных персонажей из разных традиций, например, плато Лакшми или Земля Иштар. Необязательно эти героини красивы и молоды, а также добры. На Венере, например, есть равнина Лохуи (фин. *Louhi*) — старухи-хозяйки Похьёлы в карельском народном эпосе и в финской поэме «Калевала», злой и могущественной колдуньи. Однако нельзя не отметить, что при широчайшем охвате культур, из которых берутся венусонимы, не все названия подходят жаркому и засушливому климату планеты. Так, равнина Снегурочки (лат. и англ. *Snegurochka Planitia*), обширно-

⁹ Бурба Г.А. Номенклатура деталей рельефа Венеры / Отв. ред. А.Т. Базилевский, Д.Я. Мартынов; АН СССР, Ин-т геохимии и аналит. химии им. В. И. Вернадского. М.: Наука, 1988.

го пространства в северной полярной области Венеры, лишь своим нахождением в северной части этого небесного тела соответствует облику снежной девочки, растаявшей от весеннего тепла.

Марсионимы — это собирательное название объектов на поверхности Красной планеты, в частности, Великая Северная равнина, равнина Утопия. Олимп (лат. *Olympus Mons*), потухший вулкан на Марсе высотой 27 километров от основания и протяженностью 600 километров, получил имя в честь мифической горы, на которой обитали древнегреческие боги¹⁰. Как известно, высочайшая вершина Земли Джомолунгма, находящаяся в Гималаях, достигает 8848 метров. А марсианский Олимп сам покрыт мелкими вулканическими образованиями.

Крупнейший спутник Нептуна, открытый английским астрономом Уильямом Ласселом 10 октября 1846 г. Тритон (др.-греч. *Τρίτων*) получил имя бога Тритона, сына Посейдона (в римской традиции — Нептуна). Название этому небесному телу было дано почти через сто лет после открытия. Оно вместе с другим спутником Нептуна — Нереидой — закрепило водную специализацию астротопонимов этих небесных тел. Здесь мы встречаемся с той же логикой наименований, что и на других объектах Солнечной системы: они передают смыслы имени небесного тела и взяты из мифологий, сказаний или литературы разных стран. На Тритоне наибольшая из обнаруженных ударных структур, имеющая диаметр 27 километров, была наименована Мазомбой в напоминание гигантской рыбе из мифологии чаги жителей Танзании. Еще на Тритоне имеются цепочки кра-

теров: Кракен — гигантское морское чудовище в скандинавской мифологии и Сет — водный монстр, олицетворение зла в египетской мифологии.

Проникаясь ономастической логикой, мы понимаем, почему на ближайшей к Солнцу карликовой планете Церере, получившей имя древнеримской богини урожая и плодородия, ответственной за произрастание и созревание злаков и других растений. Там для названий кратеров используются имена божеств земледелия и плодородия из мифологий народов мира: сирийского бога земледелия Асари, бога беременности и Луны, считавшегося в мифологии инков ответственным за ирригацию и террасное земледелие, Конирая (Кунирайа), богини зерна в мифологии хаттов Каит, божества плодородия в грузинской мифологии Задени и др. В некотором смысле столь широкий охват мифологий, давших материал для астротопонимов на Церере, совпадает с обликом этой богини, который сложился у римского плебса. Для него она была образцом демократии, защитником прав и законов низших слоев общества. Согласно закону диктатора Квинта Гортензия (лат. *Lex Hortensia*) 287 г. до н. э., законы, которые принимались плебеями, становились обязательными для всех граждан Рима, не исключая патрициев. В храм Цереры помещали официальные законы сената, чтобы они находились под защитой богини¹¹.

Международным астрономическим союзом в феврале 2017 г. были утверждены темы, согласно которым должны

¹¹ *Тит Ливий*. История Рима от основания города. Книга III. 55 / Перевод Г.Ч. Гусейнова. Комментарий Н.Е. Боданской. Ред. переводов М.Л. Гаспаров и Г.С. Кнабе. Ред. комментариев В.М. Смирин. Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1989. Т. 1 // URL: https://bookscafe.net/read/liviy_tit-istoriya_rima_ot_osnovaniya_goroda-19279.html#p1.

¹⁰ Бурба Г.А. Номенклатура деталей рельефа Марса / Отв. ред. К.П. Флоренский и Ю.И. Ефремов. М.: Наука, 1981. 87 с.

названия детали поверхности Плутона, ассоциирующегося с владыкой подземного царства: боги, богини и другие существа, ассоциированные с подземным миром в мифологии, фольклоре и литературе; названия подземного мира и мест в нем в мифологии, фольклоре и литературе; герои и другие исследователи подземного мира; ученые и инженеры, ассоциированные с Плутоном и поясом Койпера; новаторские космические миссии и космические корабли; исторические первопроходцы, достигшие новых горизонтов в исследованиях Земли, моря и неба¹².

Если из этого перечня удалить упоминание о подземной сфере, то можно заметить универсальную астротопонимическую схему: мифологические образы, образы художественной культуры, ученые и инженеры, космические миссии и аппараты, первопроходцы. Все имена, относящиеся к перечисленным разделам, являются общей гордостью человечества. Эта гордость не разделяется национальными границами и конфессиональными рамками. Она одинаково выражается с помощью разных языков. Поэтому у людей в этом сложном и конфликтном мире есть все основания убедиться в великой правоте этической теории Иммануила Канта, выраженной знаменитой фразой из «Критики практического разума»: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне»¹³.

12 Official Naming of Surface Features on Pluto and its Satellites: First Step Approved. IAU Press Release iau1702. 23 February 2017 // URL: <https://www.iau.org/news/pressreleases/detail/iau1702>.

13 Кант И. Критика практического разума / Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 4. Ч. 1 / Пер. с нем. под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гульги, Т.И. Ойзермана М.: Мысль, 1965. С. 439-500.

References

- [1] Brunov A. Expression forms of outer space in the vocabulary of the English language. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 220 p.
- [2] Burba G.A. Nomenclature of details of the relief of Venus / Ed. ed. A.T. Bazilevsky, D. Ya. Martynov; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Geochemistry and Analyt. chemistry them. V. I. Vernadsky. M.: Nauka, 1988. 62 p.
- [3] Burba G.A. Nomenclature of details of the relief of Mars. M.: Nauka, 1981. 87 p.
- [4] Dynnik M.A. (General edition and introductory article). Materialists of Ancient Greece. Collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus. M.: State publishing house of political literature, 1955. 239 p. // URL: https://platonanet/load/knigi_po_filosofii/istorija_antichnaja_dynnik_materialisty_drevnej_grecii_geraklita_demokrita_ehpikura/7-1-0-1416.
- [5] Kant I. Critique of practical reason / Kant I. Soch. in 6 vols. T. 4. Part 1 / Per. with him. under total ed. V.F. Asmus, A.V. Gulygi, T.I. Oizerman Moscow: Thought, 1965. 477 p.
- [6] Karpenko Yu.A. Names of the starry sky. M.: Nauka, 1985. 184 p.
- [7] Map of the Moon / I.I. Katyaev, V.A. Shishakov, V.A. Bronshten (All-Union Astronomical and Geodetic Society). M.: Nauka, 1967. 64 p.
- [8] Mikhailova I.S. National and cultural specifics of cosmonyms in different system languages // Bulletin of the Buryat State University. 2014. № 10-4. P. 93-99.
- [9] Nikonov V.A. Geography of the names of the Milky Way // Onomastics of the East: Sat. articles / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Oriental Studies, Institute of Ethnography; Editorial staff: E.M. Murzaev and others. M.: Nauka, 1980. P. 242-261.
- [10] Nikonov V.A. Cosmonymy of the Volga region // Onomastics of the Volga region 3. Responsible. ed. R.G. Kuzeev, V.A. Nikonov; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Ethnography im. N.N. Miklukho-Maclay, Bashkir. Phil. Bashkir. state univ. Ufa: Bashkir. Phil. Bashkir. state Univ., 1973. P. 373-381.
- [11] Pchelov E.V. Selena and her children: selenonymy, selenonymy, selenography // History. Scientific and methodological journal for teachers of history and social studies. 2009. № 7-8. P. 14-15.
- [12] Superanskaya A.V. General theory of proper name. M.: Nauka, 1973. 366 p.
- [13] Titus Livius. History of Rome from the founding of the city. Book III. 55 / Translated by G.Ch. Huseynov. Commentary by N.E. Bodanskaya. Ed. translations by M.L. Gasparov and G.S. Knabe. Ed. comments by V.M. Smirin. Rep. ed. E.S. Golubtsov. M.: Nauka, 1989. Vol. 1. 576 p. // URL: https://booksafe.net/read/liviy_tit-istoriya_rima_ot_osnovaniya_goroda-19279.html#p1.

[14] Official Naming of Surface Features on Pluto and its Satellites: First Step Approved. IAU Press Release iau1702. 23 February 2017 // URL: <https://www.iau.org/news/pressreleases/detail/iau1702>.

Комментарий Н.Е. Боданской. Ред. переводов М.Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе. Ред. комментариев В.М. Смирин. Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1989. Т. 1. 576 с. // URL: https://bookscafe.net/read/liviy_tit-istoriya_rima_ot_osnovaniya_goroda-19279.html#p1.

[14] Official Naming of Surface Features on Pluto and its Satellites: First Step Approved. IAU Press Release iau1702. 23 February 2017 // URL: <https://www.iau.org/news/pressreleases/detail/iau1702>.

Список литературы

- [1] Брунов А. Формы выражения космического пространства в лексике английского языка. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 220 с.
- [2] Бурба Г.А. Номенклатура деталей рельефа Венеры / Отв. ред. А.Т. Базилевский, Д. Я. Мартынов; АН СССР, Ин-т геохимии и аналит. химии им. В. И. Вернадского. М.: Наука, 1988. 62 с.
- [3] Бурба Г.А. Номенклатура деталей рельефа Марса. М.: Наука, 1981. 87 с.
- [4] Дынник М.А. (Общая редакция и вступительная статья). Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 239 с. // URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_antichnaja/dynnik_materialisty_drevnej_grecii_geraklita_demokrita_ehpikura/7-1-0-1416.
- [5] Кант И. Критика практического разума / Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 4. Ч. 1 / Пер. с нем. под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана М.: Мысль, 1965. 477 с.
- [6] Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1985. 184 с.
- [7] Карта Луны / И.И. Катяев, В.А. Шишаков, В.А. Бронштэн (Всесоюзное астрономо-геодезическое общество). М.: Наука, 1967. 64 с.
- [8] Михайлова И.С. Национально-культурная специфика космонимов в разносистемных языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-4. С. 93-99.
- [9] Никонов В.А. География названий Млечного Пути // Ономастика Востока: Сб. статей / АН СССР, Ин-т востоковедения, Ин-т этнографии; Редкол.: Э.М. Мурзаев и др. М.: Наука, 1980. С. 242-261.
- [10] Никонов В.А. Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья 3. Отв. ред. Р.Г. Кузеев, В.А. Никонов; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Башкир. фил. Башкир. гос. унив. Уфа: Башкир. фил. Башкир. гос. унив., 1973. С. 373-381.
- [11] Пчелов Е.В. Селена и ее дети: селенонимия, селенонимика, селенография // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. 2009. № 7-8. С. 14-15.
- [12] Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
- [13] Тит Ливий. История Рима от основания города. Книга III. 55 / Перевод Г.Ч. Гусейнова.

Шевченко О.П.*Кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет», г. Краснодар.*

Социологический анализ культуры: некоторые проблемные аспекты*

Аннотация. В статье отмечается, что социологический анализ культуры связан с рядом гносеологических проблем, которые не нашли своего эффективного разрешения с момента возникновения социологии в середине XIX в. Классический и модернистский этапы социологического познания характеризовались появлением нескольких перспективных объяснительных моделей культуры как элемента социальной системы, однако эпоха информационного общества ознаменовала генезис постмодерна как новой парадигмы социологического мышления. Современная социокультурная ситуация породила еще несколько познавательных проблем применительно к сфере социологии культуры, связанных с вхождением в жизнь социума информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: общество, социальные институты, культура, система культуры, социологический анализ, методология, проблемы познания.

Shevchenko O.P.*Candidate of Economics, Associate Professor of the Kuban State University, Krasnodar.*

Sociological analysis of culture: some problematic aspects

Abstract. The article notes that the sociological analysis of culture is associated with a number of epistemological problems that have not found their effective solution since the emergence of sociology in the middle of the XIX century. The classical and modernist stages of sociological cognition were characterized by the emergence of several promising explanatory models of culture as an element of the social system, but the era of the information society marked the genesis of postmodern as a new paradigm of sociological thinking. The modern socio-cultural situation has given rise to several more cognitive problems in relation to the field of sociology of culture related to the entry into the life of the society of information and computer technologies.

Key words: society, social institutions, culture, cultural system, sociological analysis, methodology, problems of cognition.

В рамках социологии культуры на протяжении достаточно длительного периода времени были всесторонне развиты теоретические положения, характеризующие как специфику систе-

мы культуры общества, так и детально описывающие различные элементы, подсистемы культуры, локальные культурные образования и т.д. Начиная с середины XIX в., с первых серьезных

* © Шевченко О.П., 2022.

Социологический анализ культуры: некоторые проблемные аспекты

работ в области социологии культуры, был сформирован особый научный подход к анализу духовной культуры, а также различных явлений духовной сферы. Вместе с тем, для социологической методологии ситуация осложняется тем, что культура как элемент общественной жизни выступает объектом анализа разливных наук – философии, истории, культурологии, социологии и др. В условиях объективно возникающих сложностей междисциплинарной области научного познания, социологической науке необходимо четкие и однозначные методологические основания анализа культуры именно как элемента социальной системы (как и различных видов, форм, способов культурного бытия). Следует отметить, что социология практически с момента своего возникновения в середине XIX в. обратила внимание на культуру как важное общественное явление. К времени появления отраслевой социологии культуры и полноценному генезису системы социологического знания в ее нынешнем виде (середина XX в.) данная проблемная область была весьма глубоко и всесторонне исследована.

Фундаментальная социологическая наука сформировала несколько основных концептуальных объяснительных моделей, касающихся взаимосвязей культуры и социальной системы. Серьезные различия между данными моделями связаны с тем, к какой именно социологической традиции они принадлежат. В рамках классической социологии общество и культура рассматривались как совокупность надындивидуальной социальной реальности, в которой отдельный индивид не играет серьезной роли, а главное заключается в функционировании социальных институтов, социальных систем и подсистем. В противовес этому подходу,

возникшая на рубеже XIX – XX столетий социология модерна в центре социума и культуры видела уже человека, а серьезное значение теоретиками социологии предлагалось уделять внутреннему духовному миру социальных акторов, в своей совокупности формирующих облик культуры.

В XIX в. в социологической науке господствовала классическая методологическая установка относительно анализа культуры. Ее типичным примером выступает социология и философия марксизма. Марксистское понимание культуры неотделимо от концептуального восприятия социальной системы, а также основных институтов. Общественные отношения в данной теории описываются через понятия базиса (уровень социально-экономического развития общества в определенный исторический период) и надстройки (совокупности социокультурных явлений и процессов, детерминированных базисом). Культура в марксистской теории отнесена к надстройке, соответственно, она определяется экономическим базисом общества. Марксистская концепция рассматривает культуру во взаимосвязи с процессами производства материальных благ, а также с человеческим трудом, которые являются главными источниками общественного прогресса. Маркс дает достаточно обстоятельную характеристику духовного производства. В характеристике духовного производства он делает акцент на социальной обусловленности сознания, духа. Производство идей, по словам Маркса, «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни [1, с. 62-75]. Марксистское понимание культуры в целом соответствует классической социологической традиции, в системе

координат которой главенствующее положение занимают обезличенные социальные системы, а отдельная личность рассматривается лишь как элемент этих социальных систем.

Сходные по пониманию роли отдельной личности в социуме научные идеи характерны для структурного функционализма – одного из наиболее ярких и широко распространенных в социологической науке направлений. В ракурсе анализа структурных функционалистов общество предстает как сложная система, состоящая из множества элементов и подсистем, нацеленных на обеспечение ее стабильного, равновесного состояния, преодоления возникающих рисков и угроз. В этом аспекте функционалистами рассматривается и социальный институт культуры. Один из основных теоретиков структурного функционализма Т. Парсонс полагал, что культура характерна для всех сфер деятельности социума, для систем регуляции. Большое значение для интеграции общества Парсонс придает социальным нормам – в этой связи культура позиционируется. Прежде всего, как соционормативная система. Важнейшим условием интеграции всей системы взаимодействия Т. Парсонс называет присущую всем членам общества основу нормативного порядка, т.е. общую культуру [2].

Один из основоположников функционализма – французский социолог Э. Дюркгейм, предложил собственную оригинальную концепцию культуры. Культура у Дюркгейма предстает как концептуальное целое, подчиненное действию универсальных законов бытия. При этом общество и культура неразрывно связаны между собой. Вследствие наличия такой связи они проходят два этапа в своем развитии, основным отличием между которыми

выступает мера «солидарности», ассоциированности членов общества того или иного этапа исторического развития. Основным критерием анализа солидарности Дюркгейм считает разделение труда в обществе. На первом этапе человеческой истории разделение труда носит еще неосознанный характер, люди участвуют в нем под давлением коллективных форм сознания. Это – «механическая солидарность». Разделение труда со временем становится все более сложным, а вовлеченность в него людей – все более осознанной и начинающей отвечать их склонностям. Возрастает функциональная зависимость между родами деятельности и институтами культуры («органическая солидарность») [3].

Немецкий социолог Г. Зиммель предложил оригинальную теорию культуры как элемента социальной системы. При этом, по мнению исследователя, одновременно существует два вида культуры:

- объективная культура включает в себя вещи, которые ведут к самоосуществлению души, к более возвышенному существованию;

- субъективная культура – достигнутая мера развития личности. Она оформляет, организует и гармонизирует личность изнутри, определяя место всех ее склонностей и дарований, давая простор каждому из них [4].

С точки зрения Г. Зиммеля, специфика современного ему общества такова, что усложнение культуры становится практически неизбежным – это своеобразная адаптация данного института к процессу модернизации социума. В то же время стилевое многообразие современной культуры открывает перед человеком мир экспрессивных возможностей, многообразия форм, в которых выражается жизнь как целое. Мир вы-

разительных возможностей, мир стилей обрел объективное существование. В этом, отмечает Зиммель, проявляется общая тенденция современной культуры – тенденция ее отделения от жизни, побуждаемая нарастающим разделением труда и специализацией всех сфер и аспектов жизни и культуры [5, с. 82-108]. Именно творчество Зиммеля способствовало вхождению в научный оборот дифференциации культуры, локализуемой как на индивидуальном, так и на социальном уровнях.

Российский социолог П.А. Сорокин предложил собственную концепцию культуры. В его представлениях культура тесным образом связана не только с функционированием социальной системы, но и внутренним духовным миром людей, являющихся членами общества в тот или иной исторический промежуток времени. Именно с учетом двойственной психобиологической природы человека – существа чувствующего и мыслящего, Сорокин выделял три типа культуры:

а) чувственный, в котором преобладает эмпирически-чувственное восприятие и оценка действительности преимущественно с утилитарной и гедонистической точки зрения;

б) идеациональный тип, где преобладают сверхчувственные, духовные ценности, поклонение некоему Абсолюту, Богу или Идее;

в) идеалистический тип, представляющий некий синтез чувственного и идеационального типов, где чувство уравнивается интеллектом, вера – наукой, эмпирическое восприятие – интуицией [6].

Таким образом, в представлениях Сорокина культура является сложной системой, состоящей из различных элементов духовной жизни социума (норм, ценностей, значений, символов и т.п.).

Именно культура предопределяет поведение людей, устанавливает неформальные правила поведения и реагирует на действия индивидов в зависимости от выбранных ими поведенческих стратегий. Кроме того, Сорокин был убежден, что три выделенных им типа культуры периодически сменяют друг друга и так в социальной системе реализуется процесс социокультурной динамики.

Современные социологи несколько скорректировали научные представления эпохи классики и модерна относительно культуры и ее места в обществе. Социология постмодерна, с одной стороны, разработала несколько эвристически сильных концепций культуры, с другой стороны, внесла еще большую неопределенность и вариативность в понимание места и значения культуры в современной социальной системе.

В частности, Дж. Александер предлагает различать социологию культуры и «культурную» социологию как по предмету, так по методам исследований. Дж. Александер считает, что признать возможность «культурной» социологии означает подписаться под идеей, что каждое действие, не важно, инструментальное ли, рефлексивное, или навязанное по отношению к внешнему окружению, укоренено в определенной степени в горизонтах аффекта и значения. Трактовка Александра предполагает, что институты, не важно, насколько они обезличены, имеют идеальную основу, которая фундаментальным образом определяет организацию и цели. Более традиционный подход к социологии культуры видит ее как зависимую переменную, в то время как для «культурной» социологии культура является «независимой переменной», обладающей относительной автономией в определении действий и институтов, рассматривающей все входящие

как более материальные или инструментальные силы [7, с. 143-146].

По мере становления глобального информационного общества социологическая наука предприняла попытки дать всестороннее объяснение происходящих изменений, в том числе по отношению к культуре. В частности, воздействие прогресса информационно-компьютерных технологий было всесторонне рассмотрено в рамках группы теорий, которые можно условно объединить под наименованием «теории социальных изменений». По своей сути подобные теоретические построения близки к социологической парадигме социально-исторического детерминизма, родоначальником которой стал легендарный немецкий ученый К. Маркс и группа его последователей. Представители данной парадигмы понимают социальную реальность как совокупность объективных отношений, возникающих в конкретных социально-экономических условиях. Таким образом, прогресс экономики, науки, техники, информационных технологий и т.д. в представлениях теоретиков парадигмы социально-исторического детерминизма выступает в качестве решающего фактора изменений в социуме на макро- и микроуровне реальности, в том числе – и в сфере предпринимательской культуры как элементе духовной жизни. Именно такой позиции придерживались, в частности, классики постиндустриальной социологии М. Маклюэн и Э. Тоффлер [8], доказывавшие факт наличия глубоких изменений в социокультурной среде социума под воздействием информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий (как результат, возникают «глобальная деревня» и «клип-культура», соответственно).

Французский социолог А. Моль в

своей работе «Социодинамика культуры» [9] попытался интегрировать новую информационную среду в объяснительную модель культуры. В теории Моля культура редуцируется фактически до некоего набора сообщений, «хранилища» информации в ее математическом понимании, прежде всего. Соответственно, культура (как ее уровень мы бы ни рассматривали) представляет собой коллективную память, принимающую формы ценностей, норм, символов, установок и т.д. Моль одним из первых социологов поднял проблему энтропии культурного пространства, ее мозаичности, что серьезным образом влияет на отдельные элементы культуры, в том числе на их взаимоотношения с доминирующей культурой общества [9].

В конце XX – начале XXI в. социологические представления о культуре как элементе социальной системы были скорректированы прогрессом информационно-компьютерных технологий и Интернета. Результатом процесса модернизации социума стали научные идеи, связывающие культуру с миром виртуальной компьютерной реальности.

В рамках парадигмы социально-исторического детерминизма рассматривали виртуализацию социума такие зарубежные исследователи как А. Крокер, М. Вейнштейн, А. Бюль [10] и др. Как полагают ученые, развитие Интернета, информационно-компьютерных технологий с неизбежностью способствует появлению новой виртуальной реальности, которая выступает объективным следствием происходящих технико-технологических модернизаций социума. Виртуальная реальность оказывает серьезное воздействие на культуру, с одной стороны, привнося в нее различные новые элементы – так происходит модернизация культуры.

С другой стороны, создание «копий вещей» и опосредование реальных взаимодействий компьютерной коммуникацией лишает культуру привычных институциональных основ, которые позволяли ей выполнять комплекс критически важных функций в социуме на протяжении многих веков. Эту проблему еще предстоит более глубоко осмыслить социологам и представителям других общественных наук.

Таким образом, теоретические представления о культуре как элементе социальной системы, созданные в рамках социологии, начиная с XIX в., не пришли к единому пониманию ключевых элементов социальной реальности. В частности, дискуссионными остаются вопросы о соотношении общества и культуры, о способности культуры испытывать воздействие различных социальных процессов, в том числе связанных с прогрессом информационно-компьютерных технологий и Интернета. Одним из основных остается вопрос о том, как изменилась внутренняя структура культуры в современных условиях. В настоящее время сложно выделить какую-либо одну концепцию, теорию, парадигму в качестве доминирующей при характеристике современной системы культуры. Часть теоретических построений были валидны при описании индустриального общества и в настоящее время нуждаются в модернизации (марксизм, функционализм и др.). В то же время новые теории, связанные с развитием информационного общества и виртуализацией социального пространства не обладают способностью описать широкий круг проблем, связанных с современными локальными культурами в рамках системы культуры. Современная социология культуры по-прежнему находится в стадии активного поиска инструментов решения основных гносеологических проблем.

References

- [1] Rogozin N.P. Marx's categorization of the concepts "culture" and "civilization" // Science. Art. Culture. 2016. № 3. P. 62-75.
- [2] Parsons T. The system of modern societies. M.: 1997.
- [3] Durkheim E. On the division of social labor. M.: 1996.
- [4] Simmel G. Selected. M.: 1996.
- [5] Levit S.Ya. Philosophy of culture G. Simmel // Bulletin of Culturology. 2019. № 1. P. 82-108.
- [6] Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. St. Petersburg: 2000.
- [7] Kultygin V.P. Sociology of culture or sociology of the cultural and spiritual sphere // Socis. 2008. № 8. P. 143-146.
- [8] McLuhan M., Culture is Our Business. N.Y.; McGraw Hill, 1970 Toffler A. Revolutionary Wealth. Knopf, 2006.
- [9] Mol A. Sociodynamics of culture. M.: 1973.
- [10] Kroker A. Weinstein M. Data Trash: The Theory of Virtual Class. Montreal, New World Perspectives, 2001; Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000.

Список литературы

- [1] Рогозин Н.П. Марксова категоризация понятий «культура» и «цивилизация» // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 3. С. 62-75.
- [2] Парсонс Т. Система современных обществ. М.: 1997.
- [3] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: 1996.
- [4] Зиммель Г. Избранное. М.: 1996.
- [5] Левит С.Я. Философия культуры Г. Зиммеля // Вестник культурологии. 2019. № 1. С. 82-108.
- [6] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: 2000.
- [7] Кultygin V.P. Социология культуры или социология культурно-духовной сферы // Социс. 2008. № 8. С. 143-146.
- [8] McLuhan M., Culture is Our Business. N.Y.; McGraw Hill, 1970 Toffler A. Revolutionary Wealth. Knopf, 2006.
- [9] Моль А. Социодинамика культуры. М.: 1973.
- [10] Kroker A. Weinstein M. Data Trash: The Theory of Virtual Class. Montreal, New World Perspectives, 2001; Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000.

Чумаченко З.М.*Магистр, слушатель программы DPA. ИГСУ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Преимущества и риски политического PR в России с привлечением инфлюенсеров*

Аннотация. Использование социальных сетей для успешного политического PR дает серьезные преимущества в виде лояльной аудитории, популярности у молодежи, возможности донести свои мысли по тому или иному вопросу и быть услышанным потенциальными избирателями. Для продвижения можно использовать как собственные аккаунты партий или политиков, так и площадки инфлюенсеров. Как показала кампания за поправки в Конституцию РФ 2020 года, привлечение популярных блогеров для продвижения общественно-политической повестки становится все более популярным явлением. Предметом исследования данной статьи являются преимущества и риски, политической PR-кампании с привлечением инфлюенсеров.

Практическая новизна исследования состоит в попытке подробно рассмотреть возможности, которые дают площадки известных блогеров для продвижения того или иного политического явления, вывести закономерности их работы и определить проблемные, с точки зрения политического PR, тенденции.

В ходе исследования рассматривает трактовка понятия «инфлюенсер», анализируются особенности их работы и способы влияния на аудиторию. В основу исследования легли данные российской и зарубежной социологии о влиянии инфлюенсеров на общественное мнение. Для анализа механизмов работы инфлюенсеров применяются классические подходы маркетинга влияния, рассматривается феномен парасоциальных отношений и эффективность продвижения с точки зрения Теории двухступенчатого потока информации.

В ходе исследования автор приходит к выводу об эффективности привлечения инфлюенсеров к политическим PR-кампаниям, при соблюдении определенных условий, формулирует плюсы и минусы такого продвижения, приводит конкретные примеры из современной российской практики.

Ключевые слова: политический PR, маркетинг влияния, инфлюенсеры, блогеры, социальные сети, политические кампании, молодежь, интернет.

Chumachenka Z.M.*Master, student of the DPA program. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.*

Advantages and risks of political PR in Russia with the involvement of influencers

Abstract. The use of social networks for successful political PR provides serious advantages in the form of a loyal audience, popularity among young people, the opportunity to convey their

* © Чумаченко З.М., 2022.

Преимущества и риски политического PR в России с привлечением инфлюенсеров

thoughts on a particular issue and be heard by potential voters. For promotion, you can use both your own accounts of parties or politicians, and platforms of influencers. As the campaign for amendments to the 2020 Constitution of the Russian Federation has shown, the attraction of popular bloggers to promote the socio-political agenda is becoming more and more popular. The subject of this article is the benefits and risks of a political PR campaign with the involvement of influencers.

The practical novelty of the study consists in an attempt to examine in detail the opportunities that are provided by the platforms of well-known bloggers to promote a particular political phenomenon, to deduce the patterns of their work and to identify problematic, from the point of view of political PR, tendencies.

The study examines the interpretation of the concept of «influencer», analyzes the features of their work and ways of influencing the audience.

The research is based on the data of Russian and foreign sociology on the influence of influencers on public opinion. To analyze the mechanisms of influencers' work, classical approaches of influence marketing are used, the phenomenon of parasocial relations and the effectiveness of promotion are considered from the point of view of the Theory of two-stage information flow.

In the course of the research, the author comes to the conclusion about the effectiveness of attracting influencers to political PR campaigns, subject to certain conditions, formulates the pros and cons of such promotion, gives specific examples from modern Russian practice.

Key words: political PR, influencer marketing, influencers, bloggers, social networks, political campaigns, youth, internet.

Развитие социальных сетей привело к стремительному увеличению процента населения, которое проводит существенную часть своего времени в них. По данным агентств We are social и Hootsuite, на 2021 год в социальных сетях зарегистрировано более половины населения земного шара. 53,6% или 4,2 миллиарда человек имеют аккаунты на одной или нескольких платформах. В России в 2021 году соцсетями пользуется 67,8% населения или 99 млн человек (+5,1% с начала 2020 года) 28,6% пользователей интернет в России решения о покупках принимают на основе информации из социальных сетей [1].

Возможность влиять на покупательское поведение подписчиков, повышая тем самым продажи, способствовала развитию целого направления в маркетинге, связанного с социальными сетями. Вслед за бизнесом, который уже много лет успешно использует этот ресурс, в социальные сети потянулись политики, которые также заинтересованы в использовании любых инстру-

ментов влияния на потенциальных избирателей. И если в США ни одна крупная избирательная кампания последних 15 лет не прошла без активного вовлечения социальных сетей, крупных блогеров – инфлюенсеров, то для России политические пиар в социальных сетях пока еще является слабоизученной темой. Между тем, кампании последних лет в России уже показывают, что грамотное использования этой площадки может принести преимущество политике. Существующие замеры социологов фиксируют растущий потенциал социальных сетей. Так, по данным исследования ВЦИОМ 63% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет читают, либо смотрят видеозаписи в блогах [2].

Планируя политическую пиар кампанию в социальных сетях специалисты, как правило, используют два пути – развитие собственных страниц политика либо использование для продвижения инфлюенсеров. Чтобы понять о ком идет речь важно определиться с самим понятием «инфлюенсер». Тра-

диционно в обществе присутствует категория так называемых лидеров общественного мнения – ЛОМов, которые популярны, авторитетны, чье мнение важно для большого количества граждан. В социальных сетях также есть такая категория – инфлюенсеры, от английского influence - влияние. Термин чаще всего применяется для обозначения пользователя (блогера) в социальных сетях, имеющего обширную и лояльную аудиторию. Важны оба свойства: инфлюенсером называют именно такого блогера, публикации которого оказывают заметное влияние на подписчиков. Причем помимо известных актеров, спортсменов, журналистов и других знаменитостей, инфлюенсеры – это зачастую простые люди: мамы, домохозяйки, увлекающиеся кулинарией, просто активные граждане. Они стали популярны благодаря своим публикациям в социальных сетях [Чумаченко, 2021, С. 263]. Но западные исследователи утверждают, что влияние на аудиторию у таких инфлюенсеров гораздо выше, чем у традиционных ЛОМов. Их публикации считают более «продающими», несмотря на то что контент выглядит менее профессионально, чем профессиональная реклама [4]. Исследование Association of National Advertisers (ANA) об использовании бизнесом рекламы у инфлюенсеров показывает, что 86% маркетологов включают популярных блогеров в свои маркетинговые стратегии [5].

Фактически инфлюенсер выполняет функции средства информации и коммуникации, которое «не только обеспечивают социальную связь, но и модифицируют сознание аудитории, управляют и направляют ее поведение, выполняют функцию как социальной компенсации, так и дистанцирования» [Силкин, 2015, С. 99].

Эталонным примером инфлюенсера можно назвать эко-активистку Гретту Тунберг. Эта шведская школьница стала фактически «флагом» экологического движения. В социальных сетях у нее миллионы подписчиков. Казалось бы, далекая от политики эко-активистка тем не менее была задействована в политической кампании на выборах в США: «Просто организуйтесь и проголосуйте за Байдена», — написала она в Twitter [7].

Возвращаясь к российским реалиям, можно вспомнить избирательную кампанию в Мосгордуму 2019 года, когда из-за вмешательства инфлюенсеров выборы проиграли сразу несколько политических «тяжеловесов». Журналист Екатерина Винокурова [8], в частности, приложила массу усилий и вполне успешно, чтобы на востоке Москвы не победил секретарь Политсовета Московского отделения партии «Единая Россия» Андрей Метельский [9].

Признавая несомненный ресурс инфлюенсеров, важно разобраться в специфике работы пиарщика в этом сегменте. Для того чтобы проанализировать и систематизировать преимущества и риски политического пиара в социальных сетях автор использовала данные социологии и исследований аудитории как российских центров – ВЦИОМ, ФОМ, так и зарубежных агентств - We are social, Hootsuit, Alexa, Association of National Advertisers (ANA), Forbes Agency Council. Теоритическую основу исследования составили классические подходы к маркетингу и теории Пола Лазарсфельда и Бернарда Берельсона, принципы информационно-коммуникативных отношений, изложенные доктором политических наук, профессором РАН-ХиГС Владимиром Силкиным, подходы маркетинга влияния, изложенные в трудах экспертов Санкт-петербург-

ского государственного университета управления. Поскольку сфера политического пиара в социальных сетях слабо изучена в России, большая часть исследования построена на актуальной информации, поступающей из СМИ, результатах проведения полуструктурированных интервью с блогерами, а также монографиях практиков, работающих в социальных сетях – Анны Федоровой, Кристины Потупчик, Сергея Щербакова, Джарона Ланье.

В результате проведенного исследования удалось систематизировать существующие подходы и выявить 10 преимуществ и 12 рисков, связанных с продвижением политика или политической силы с помощью инфлюенсеров в социальных сетях.

К числу преимуществ можно отнести:

1. Возможность использовать готовый раскрученный блог с большим количеством подписчиков.

Сегодня большинство политиков имеют свои аккаунты в социальных сетях. Однако, очень мало из них действительно популярны. «Чемпионом» по раскрученности в социальных сетях можно назвать заместителя председателя Совета безопасности РФ, экс-президента и премьер-министра Дмитрия Медведева, у которого 4 миллиона подписчиков в Twitter [10], 2,4 миллиона в Инстаграм [11], 2,2 миллиона в ВКонтакте [12] и более миллиона в Facebook [13]. Однако активно использовать их, особенно аккаунт ВКонтакте и Телеграм, он начал несколько месяцев назад, до этого несколько лет он использовал социальные сети крайне редко, чаще всего на его страницах размещались фотоработы, которыми увлекается политик. Еще один пример – лидер ЛДПР Владимир Жириновский, который очень активно вел свои

социальные сети и имеет стабильную аудиторию. У него миллион подписчиков в Twitter [14] и по полмиллиона в Инстаграм [15] и ВКонтакте [16]. После его смерти аккаунты продолжают использоваться ЛДПР.

Пример Д. Медведева и В. Жириновского – это скорее исключение из правил. Ведь даже мэр Москвы Сергей Собянин будучи главой столицы не может похвастаться миллионным блогом. Самая популярная из его соцсетей площадка Инстаграм не дотягивает до миллиона [17]. У большинства российских политиков в среднем блоги по 10-15 тысяч подписчиков, что, учитывая задачи, которые стоят перед ними по росту популярности, узнаваемости, мобилизации электората, ничтожно мало. В такой ситуации ресурс инфлюенсеров, конечно, в разы больше и возможности, которые открывают для продвижения политика, очень перспективны.

2. Возможность получить доступ к лояльной аудитории при содействии инфлюенсера.

Инфлюенсер используется в продвижении политика, как посредник, который предоставляет свою площадку и используя свое влияние на аудиторию, доносит его идеи, программу и намерения до интересующей его целевой аудитории. Феномен эффективности инфлюенсера при работе с аудиторией в такой схеме прекрасно описывают классические маркетинговые теории. Блогеры в коммуникации от лица брендов выступают «посредниками» между брендом и аудиторией. Такой формат распространения информации в масс-медиа был описан Теорией двухступенчатого потока информации [Лазарсфельд, 1968, С.203]. Анализируя влияние СМИ на принятие решения за кого проголосовать на президентских выборах,

исследователи столкнулись с тем, что граждане чаще упоминали неформальные личные связи, как инструмент, который повлиял на их решение, нежели СМИ. По мнению исследователей, это феномен связан с запросом на «личную» коммуникацию. Практика показывает, что оценку человека, который вызывает доверие, люди ценят больше, чем даже самое авторитетное СМИ или бренд. В современных реалиях инфлюенсер работает как раз по этой схеме, только уже с помощью социальных сетей.

Еще одна теория - о парасоциальных отношениях [19] более подробно останавливается на причинах популярности лидеров общественного мнения и их влияние на аудиторию. Термин «парасоциальная интеракция» был введен антропологом Дональдом Ортоном и социологом Ричардом Воллом в 1956 году для описания психологической привязанности, которую зрители телевизионных программ испытывают к персонажам, участвующих в них: например, ведущим ток-шоу, актерам, певцам, знаменитостям и другим известным личностям [20]. В случае с блогерами работает та же схема. Причем блогер, в отличие от участника ток шоу, находится в постоянной коммуникации с аудиторией, что создает иллюзию близкого знакомства.

3. Экономия средств и времени на продвижение собственных блогов.

Даже учитывая высокие ставки на рекламу у крупных блогеров, такое продвижение обойдется дешевле, чем многолетние попытки развить собственные соцсети. Если не пытаться сделать это самостоятельно, то работа в социальных сетях требует найма специалиста или специалистов, а это регулярные расходы. Учитывая, что содержание блога политика, за редким исключением сложно назвать развлекательным, шансов на

быструю и эффективную раскрутку собственных площадок невелики, а расходы могут потребоваться серьезные даже без существенного эффекта.

4. Получить экспертную обратную связь от инфлюенсера.

Работая с инфлюенсером политик или его команда получают огромный опыт работы в социальных сетях. В отличие от специалистов по социальным сетям, которые редко являются крупными блогерами, большая часть инфлюенсеров развили свои блоги с нуля, не имея больших средств и возможности задействовать таргетологов, копирайтеров и других помощников. Кроме того, 76% блогеров утверждают, что именно творческая свобода, отсутствие строгих и жестких рамок побуждают их к сотрудничеству [21].

5. Возможность провести социологию в аудитории у блогера.

Существенным плюсом работы с инфлюенсером является возможность получения объективной социологии. Вовлекая активную аудиторию в обсуждение, инфлюенсер может получить достаточно четкое представление о симпатиях – антипатиях своих подписчиков. А системы мониторинга социальных сетей позволяют таргетологу выявить возраст, пол, территориальное положение аудитории и достаточно четко понимать эффективность сотрудничества с тем или иным блогером.

6. Возможность получить сторонника с большой аудиторией.

Если у политика или политической силы есть уже сложившиеся отношения с инфлюенсером – дружба, знакомство, предыдущие сотрудничество, то эффективность продвижения через его площадку резко возрастает. Аудитория, зная о ваших контактах, воспринимает любую агитацию, как естественный процесс.

7. Возможность работы с аудиторией, не задействованной другими ресурсами.

Порядка 69% молодежи (от 18 до 24 лет) предпочитают пользоваться интернетом и практически не смотрят телевизор, следует из данных опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [22]. По данным аналитики UBS Evidence Lab молодые люди в возрастных группах от 18 до 35 лет проводят ежедневно более 3 часов в социальных сетях [23] и именно там их можно охватить рекламой.

8. Выработка с помощью инфлюенсеров наиболее выигрышной тактики политической кампании

Продвижение через инфлюенсера можно использовать и как апробацию образа, посылов, программы, подходов и тем, с которыми идет политик на выборы. Обратная связь через соцсети поступает очень быстро, что позволяет оперативно скорректировать неудачные моменты. Более того, наличие «посредника» позволяет не только выявить проблемные точки, но и посредством общения блогера и его аудитории выяснить в чем проблема.

9. Способ донести до широких масс свою программу

Используя инфлюенсера, как посредника или проводника своих идей, политик получает возможность донести до более широких масс свою программу, цели и убеждения. Если самого политика во многих случаях аудитория не готова слушать, то авторитетного человека в своем кругу люди всегда слушают внимательно и его мнению доверяют.

10. Полная свобода в выборе формата продвижения

Серьезным преимуществом социальных сетей являются широкие возможности для выбора форматов про-

движения. Здесь нет ограниченности телевидения видео форматом или радио – аудио форматом.

К числу рисков продвижения с помощью инфлюенсеров можно отнести следующие:

1) Слабая управляемость.

Популярные инфлюенсеры с большой аудиторией не всегда бывают избирательны в рекламе. Зачастую сам блогер, особенно если речь идет о блогерах миллионниках, не участвует в процессе переговоров с заказчиком. Этим занимается агент, помощник или агентство, которое предлагает его услуги или комплексно занимается размещением в соцсетях. Таким образом, сам инфлюенсер может смутно представлять себе, что или кого он рекламирует. А учитывая тот факт, что тематика блогов может быть далека от политики, соответственно, и сам блогер может не быть специалистом в вопросе, возможны любые непредвиденные ситуации.

2) Сложность в грамотной оценке аудитории.

Политики, которые заказывают рекламу у блогеров, должны понимать, что цифры в шапке профиля не дают объективной информации о реальной популярности блога и как следствие эффективности рекламы. Для того чтобы дать реальную оценку числу подписчиков, их территориальную принадлежность и активность блога нужно привлекать специалистов по работе в социальных сетях.

3) Политическая реклама может вызвать отторжение аудитории инфлюенсера.

Опыт кампании по поправкам в Конституцию РФ, где были задействованы крупные блогеры, показал, что степень изученности этого направления оставляет желать лучшего. В основном реклама сводилась к побуждению

граждан прийти на участки и высказать свое мнение, мало кто из инфлюенсеров откровенно заявлял о своей поддержке и конкретной позиции по изменениям, предлагаемому в основной закон страны. Посты и подача информации в рамках пиара голосования по поправкам в Конституцию у каждого инфлюенсера отличалась, одинаковой была только бурная реакция, как положительная, так и отрицательная, подписчиков на появление подобной рекламы, что в определенной степени свидетельствует об ее эффективности. Особенно если главной задачей кампании было именно привлечение внимания к поправкам в Конституцию РФ, вовлечение людей в их обсуждение и необходимость проголосовать. Однако если задача была склонить к голосованию именно «за» поправки, то кампанию в социальных сетях можно смело назвать провальной.

4) Перспективы сотрудничества.

Выбирая инфлюенсера для размещения политической рекламы, имеет смысл рассматривать его как рекламного партнера на долгосрочную перспективу. Если долго размещать продвижение кандидата через одного и того же блогера такой формат будет вызывать больше доверия у аудитории. Разовые акции у разных блогеров в этом плане могут нанести больше вреда, чем пользы.

5) Желание блогера нарастить популярность в ущерб политика.

Предлагая блогеру политическую рекламу, нужно просчитывать риск использования этого предложения как способа заработать дополнительную популярность, привлечь подписчиков и других рекламодателей.

6) Свой стиль подачи.

Договариваясь о рекламе с инфлюенсером, политики зачастую действуют по шаблонам размещения на других

площадках и по принципу крупных компаний, которые досконально прорабатывают техническое задание ролика или рекламного обращения. Для социальных сетей такой подход губителен.

7) Зависимость от личных отношений.

Лояльность или нелояльность инфлюенсера категория достаточно изменчивая. Сегодня он может взять у вас деньги, разместить рекламу, а завтра прозрачно намекнуть аудитории, что на самом деле поддерживает другую политическую силу или просто далек от политики. Соответственно все ваши усилия и потраченные средства уйдут в никуда.

8) Юридическая беспомощность.

Даже хорошие юристы не гарантируют политику или политической силе спокойствие при работе с инфлюенсерами. Досконально составленный договор, прописанное в деталях техническое задание, переписка при согласовании могут защитить только от части рисков. Регламентировать дальнейшие заявления блогера его реакцию на комментарии невозможно.

9) Неоднозначный имидж самого инфлюенсера.

Зачастую попытки «привлечь молодежь» приводят к неоднозначным решениям, которые заканчиваются скандалом. Примером такой истории может служить Петербургский международный экономический форум 2021, лицом которого стал юный «музыкант», звезда TikTok Даниил («Даня») Милохин. Его участие в Форуме и появление на премии МузТв вызвало шквал критики в адрес Сбербанка, с которым инфлюенсер работает [24].

10) Непредсказуемая реакция аудитории.

Политическая повестка для продвижения в социальных сетях – это новое

и слабоизученное для России направление. Высокая политическая вовлеченность населения и достаточно настороженное отношение к политикам приводит к тому, что даже грамотно просчитав целевую аудиторию и информационный посыл можно не получить желаемую реакцию от подписчи-ков инфлюенсера.

11) Слабые возможности для мобилизации

Даже если реклама у блогера в целом получила позитивный отклик и даже если подписчика от этого инфлюенсера перешли в блог политика или политической силы нет никаких гарантий, что такая поддержка в соцсетях отразится на результатах выборов.

Как видно из вышеобозначенных пунктов у продвижения с помощью инфлюенсеров есть существенные преимущества и достаточно много сложных моментов. В случае с политиками, особенно когда речь идет о продвижении личного бренда учитывать риски критически важно. Бизнес в случае неверной ставки на инфлюенсера теряет деньги, в самом худшем случае дискредитируется бренд, но ничего не мешает бизнесмену запустить новый бренд и заработать новые деньги. В случае с политиком ценой ошибки может стать репутация и, как следствие, карьера, причем восстановить ее практически невозможно.

При этом отказываться от политического продвижения с помощью инфлюенсеров, опасаясь возможных рисков также не целесообразно. При грамотно спланированной кампании, хорошей социологии и выстроенных отношениях с инфлюенсерами эффект от такого пиара будет в разы больше, чем от любого другого вида рекламы. За социальные сети говорит эффект новизны, слабая конкуренция, возмож-

ность повлиять на молодую аудиторию, которую крайне тяжело задействовать с помощью традиционных СМИ.

References

- [1] DIGITAL 2021 // URL: <https://wearesocial.com/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital>
- [2] From bloggers to influencers: the struggle for attention and influence on the audience. New trends // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10560><https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10560>
- [3] Chumachenko Z.M. The growing influence of influencers on political PR in Russia on the example of the campaign for amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 / Social and humanitarian knowledge. 2021. № 2. P. 263.
- [4] Influencers on Instagram: Antecedents and consequences of opinion leadership Luis V. Casalo, Carlos Flavian, Sergio Ibanez-Sanchez // Journal of Business Research. 2018. P. 117.
- [5] The Value of Influencer Content // URL: https://www.linqia.com/wp-content/uploads/2020/04/The-Value-of-Influencer-Content-2020_Final_Report.pdf
- [6] Silkin V.V. Journalism in the information and communication space: new horizons in the training of journalists // Communicology. 2015. Volume 3. № 2. P. 99.
- [7] Greta Thunberg's call to vote for Joe Biden // URL: <https://twitter.com/GretaThunberg/status/1314900271332458496>
- [8] Telegram channel of Ekaterina Vinokurova // URL: t.me/ekvinokurova
- [9] Metelsky Jr. taught the voters of life // URL: <http://infopressa.com/2019/05/20/metelskii-mladshii-poychil-izbiratelei-jizni/>
- [10] Dmitry Medvedev's blog on Twitter // URL: <https://twitter.com/medvedevrussia>
- [11] Dmitry Medvedev's Instagram blog // URL: <https://www.instagram.com/damedvedev/>
- [12] Dmitry Medvedev's blog on Vkontakte // URL: <https://vk.com/dm>
- [13] Dmitry Medvedev's Facebook blog // URL: <https://ru-ru.facebook.com/Dmitry.Medvedev>
- [14] Vladimir Zhirinovskiy's blog on Twitter // URL: <https://twitter.com/zhirinovskiy>
- [15] Vladimir Zhirinovskiy's Instagram blog // URL: <https://www.instagram.com/zhirinovskiy/>
- [16] Vladimir Zhirinovskiy's Instagram blog // URL: <https://vk.com/zhirinovskiy>
- [17] Sergei Sobyenin's blog on Instagram // URL: <https://www.instagram.com/mossobyenin/>
- [18] Lazarsfeld P., Berelson B. and God H. People's Choice / 3rd Edition Columbia University Press, 1968. P. 411.
- [19] Horton, Donald and R. Richard Wohl // Mass

- Communication and Para-social Interaction: Observations on Intimacy at a Distance', *Psychiatry*, 1956. P. 215.
- [20] Parasocial Relationships - Wikipedia article // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парасоциальные_отношения
- [21] Influencer marketing: 10 scenarios for working with influencers // URL: <https://www.cossa.ru/trends/223108/>
- [22] VTsIOM: almost 70% of young Russians have abandoned television in favor of the Internet // URL: <https://tass.ru/obschestvo/10823361>
- [23] Analysts found out how much time Russians spend in social networks
- [24] A very controversial youth face of Sberbank came to the Muz-TV ceremony in a half dress // URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/ochen-spor-noe-molodezhnoe-litso-sbera-priperlos-na-tseremoniyu-muz-tv-v-poluplate-287786>
- <https://vk.com/dm>
- [13] Блог Дмитрия Медведева в Facebook // URL: <https://ru-ru.facebook.com/Dmitry.Medvedev>
- [14] Блог Владимира Жириновского в Twitter // URL: <https://twitter.com/zhirinovskiy>
- [15] Блог Владимира Жириновского в Инстаграм // URL: <https://www.instagram.com/zhirinovskiy/>
- [16] Блог Владимира Жириновского в Инстаграм // URL: <https://vk.com/zhirinovskiy>
- [17] Блог Сергея Собянина в Инстаграм // URL: <https://www.instagram.com/mossobyenin/>
- [18] Лазарсфельд П., Берельсон Б. и Год Х. Выбор народа / Издание 3-е Columbia University Press, 1968. P.411.
- [19] Horton, Donald and R. Richard Wohl // *Mass Communication and Para-social Interaction: Observations on Intimacy at a Distance', Psychiatry*, 1956. P. 215.
- [20] Парасоциальные отношения – статья в Wikipedia // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парасоциальные_отношения
- [21] Маркетинг влияния: 10 сценариев работы с лидерами мнений // URL: <https://www.cossa.ru/trends/223108/>
- [22] ВЦИОМ: почти 70% молодых россиян отказались от телевидения в пользу интернета // URL: <https://tass.ru/obschestvo/10823361>
- [23] Аналитики выяснили, сколько времени россияне проводят в соцсетях // URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/news/76189-analitiki-vyasnili-skolko-vremeni-rossiyane-provodyat-v-socsetyah>
- [24] Очень спорное молодежное лицо Сбера приперлось на церемонию «Муз-ТВ» в полуплате // URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/ochen-spor-noe-molodezhnoe-litso-sbera-priperlos-na-tseremoniyu-muz-tv-v-poluplate-287786>

Список литературы

- [1] DIGITAL 2021 // URL: <https://wearesocial.com/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital>
- [2] От блогеров - к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&tuid=10560https://wciom.ru/index.php?id=236&tuid=10560>
- [3] Чумаченко З.М Рост влияния инфлюенсеров на политический PR в России на примере кампании за поправки в Конституцию РФ 2020 года / Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2. С. 263.
- [4] Influencers on Instagram: Antecedents and consequences of opinion leadership Luis V. Casalo, Carlos Flavian, Sergio Ibanez-Sanchez // *Journal of Business Research*. 2018. P. 117.
- [5] The Value of Influencer Content // URL: https://www.linqia.com/wp-content/uploads/2020/04/The-Value-of-Influencer-Content-2020_Final_Report.pdf
- [6] Силкин В.В. Журналистика в информационно-коммуникативном пространстве: новые горизонты в подготовке журналистов // *Коммуникология*. 2015. Том 3. № 2. С. 99.
- [7] Призыв Гретты Тунберг голосовать за Джо Байдена // URL: <https://twitter.com/GretaThunberg/status/1314900271332458496>
- [8] Телеграм-канал Екатерины Винокуровой // URL: t.me/ekvinokurova
- [9] Метельский-младший поучил избирателей жизни // URL: <http://infopressa.com/2019/05/20/metelskii-mladshii-poychil-izbiratelej-jizni/>
- [10] Блог Дмитрия Медведева в Twitter // URL: <https://twitter.com/medvedevrussia>
- [11] Блог Дмитрия Медведева в Инстаграм // URL: <https://www.instagram.com/damedvedev/>
- [12] Блог Дмитрия Медведева в Вконтакте // URL:

Третьякова И.В.

*Кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры социальных технологий социологического факультета,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.*

К вопросу о технологиях социальной работы с трудовыми мигрантами*

Аннотация. Увеличение потоков иностранных граждан, ежегодно пребывающих в РФ с целью реализации трудовой функции, придает актуальности вопросам их социальной адаптации к российским реалиям. Существующие социальные технологии позволяют оптимизировать процесс интеграции иностранных граждан в трудовую среду российского государства. В статье автором были охарактеризованы социальные технологии и средства социальной поддержки, реализуемые специальными службами в РФ, целью которых является облегчение адаптации трудовых мигрантов к новым жизненным, профессиональным и бытовым условиям.

Ключевые слова: социальные технологии, социальная помощь, социальная поддержка, трудовые мигранты, Российская Федерация, иностранные граждане, адаптация, интеграция, социокультурная среда.

Tretyakova I.V.

*Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University.*

On the issue of technologies of social work with labor migrants

Abstract. The increase in the flow of foreign citizens annually staying in the Russian Federation for the purpose of fulfilling their labor function makes the issues of their social adaptation to Russian realities topical. Existing social technologies make it possible to optimize the process of integrating foreign citizens into the working environment of the Russian state. In this article, the author characterized social technologies and means of social support implemented by special services in the Russian Federation, the purpose of which is to facilitate the adaptation of labor migrants to new life, professional and living conditions.

Key words: social technologies, social assistance, social support, labor migrants, Russian Federation, foreign citizens, adaptation, integration, socio-cultural environment.

Актуальность исследования проблем социальной адаптации мигрантов на сегодняшний день определяется стремительным ростом миграционных процессов не только на территории

России, но и в мире. В силу указанного обстоятельства, как сами миграционные потоки, так и процессы социальной адаптации мигрантов нуждаются в эффективном регулировании.

* © Третьякова И.В., 2022.

К вопросу о технологиях социальной работы с трудовыми мигрантами

Миграционная политика любого государства является составной частью ее внешней и внутренней политики¹. Несмотря на реализацию различного рода государственных программ², целью которых является комфортная интеграция мигрантов в социокультурное пространство современной России, большинство из них испытывает значительные трудности в силу ряда обстоятельств. В первую очередь, значительное количество трудовых мигрантов не позволяет им получать эффективную помощь в плане первичной реабилитации, адаптации, а затем и интеграции в государстве-реципиенте, так как усилия социальных служб направлены, в первую очередь, на остро нуждающихся в социальном содействии трудовых мигрантов. Во-вторых, рост миграционных потоков в особенности, в последние годы, был сопряжен с кризисными явлениями в области отечественного здравоохранения, экономики и т.д., что, в свою очередь, создало препятствия для выработки эффективных решений проблем трудовой миграции, так как усилия государства были сосредоточены на внутренних вопросах. В то же время, Россия не может отказаться от значительного притока трудовых мигрантов, так как испытывает в этом насущную необходимость: часто именно мигранты согласны выполнять работы, малоприятные для местного населения³.

Вместе с тем, социальная работа с

трудовыми мигрантами положительно отличается от той, которую требуется вести сотрудникам социальных служб, например, с беженцами. В данном случае, исследуемая категория мигрантов является изначально ориентированной на исполнение трудовой функции в государстве-реципиенте, пребывая на его территорию, по крайней мере, с минимальным уровнем языковой подготовки, представлений о законодательстве РФ, ее культуре и традициях. В результате, социальная работа с трудовыми мигрантами осуществляется уже не в столь экстремальных условиях, как с вынужденными переселенцами.

По мнению Г.И. Касперович, исследовавшей вопросы миграции населения в города, а также этнические процессы, трудовую миграцию следует понимать как миграцию рабочей силы или трудовых ресурсов в целях трудоустройства не только за пределами государства-донора, но и в иных регионах своей страны⁴. Однако, это достаточно широкое понимание трудовой миграции, и в рамках настоящего исследования предметом анализа будут выступать только социальные технологии адаптации внешних мигрантов, т.е. пребывающих в РФ из других государств с целью заработка. В таблице ниже представлена динамика трудовой миграции за период с 2014 по 2020 гг., позволяющая говорить об актуальности вопроса адаптации мигрантов к новым трудовым условиям.

Таким образом, несмотря на сокращение количества разрешений, выдаваемых в России мигрантам на осуществление трудовой деятельности, что, вероятно, было обусловлено ужесточением миграционного законодательства за данный период, численность иностранных граждан, пребывающих в

1 Шагбанова Х.С. Правовое регулирование миграционных процессов во Франции // Современное право. 2020. № 8. С. 129.

2 Основные направления социальной поддержки мигрантов в РФ в 2020 году [Электронный ресурс] // Поставщики социальных услуг Волгоградской области. Официальный портал. 15.12.2020. // URL: <https://442fz.volganet.ru/025210/news/318123/> (дата обращения: 28.01.2022).

3 Третьякова И.В. Динамика восприятия мигрантов в российском обществе в период 2005-2021 гг. // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 9А. С. 266.

4 Касперович Г.И. Миграция населения в города и этнические процессы / Под ред. В.К. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1985. 149 с.

Таблица № 1. Динамика легальной трудовой миграции в Российской Федерации за период с 2014 г. по 2020 г.⁵.

Годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество официальных разрешений на работу	1328119	214559	149013	148326	130136	127049	62686

Россию с целью заработка, продолжает оставаться значительной.

Следует отметить, что существующие социальные технологии работы с мигрантами предполагают не только оказание различных видов помощи – индивидуальной и групповой, мигрантам, попавшим в сложную ситуацию в условиях другого государства, но также трансформацию внутренней социальной среды принимающей страны. Иными словами, ведущим условием, определяющим успешность адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям, является толерантное отношение к ним местного населения.

Несмотря на длительную и непростую историю развития взаимоотношений русских с народами, пребывавшими на территорию РФ с целями долгосрочного проживания, исполнения трудовой функции и т.д., понятие толерантного отношения к мигрантам в сознании россиян претерпело значительные трансформации. В частности, в начале XXI в. национальные антипатии у русских были менее ярко выражены, нежели у жителей стран Содружества⁶. Вероятно, этим обусловлено постоянно возрастание потоков мигрантов на тер-

риторию России.

Прежде чем перейти к анализу социальных технологий, направленных на эффективную интеграцию трудовых мигрантов в РФ, необходимо остановиться на основных причинах, препятствующих успешной адаптации к условиям российской действительности выходцев из ближнего и дальнего зарубежья.

В первую очередь, переезд на новое место, тем более – в другую страну, неизбежно сопряжен с трудностями в пространственно-социальном ориентировании. Трудовому мигранту в краткие сроки необходимо привыкнуть к новым условиям жизни и быта (климату, месту проживания и т.д.), а также установить, по крайней мере, минимальные социальные связи, что обусловлено исполнением трудовой функции. Последние, в свою очередь, способствуют также более быстрой психологической адаптации, в особенности, если человек пребывает на территорию принимающего государства без семьи.

Вместе с тем, трудовые мигранты нередко сталкиваются с проблемами правового и культурного характера. Так, незнание законов Российской Федерации может привести к вовлечению трудовых мигрантов в преступную активность, совершению, даже по незнанию, противоправных деяний. Без знания норм права трудовые мигранты не смогут реализовать и эффективно отстаивать в случае необходимости свои права на работу, жилище, получе-

⁵ Сводки основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2014-2019 годы [Электронный ресурс]. // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 28.01.2022).

⁶ Юдина Т.Н., Вартамова М.Л. Совершенствование технологий социальной работы с трудовыми мигрантами // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 1 (35). С. 450.

ние медицинской помощи, воспитание и обучение детей, если последние прибыли совместно с родителями в РФ.

Несмотря на внутреннюю готовность трудовых мигрантов к возникновению подобного рода трудностей, они далеко не всегда способны эффективно противостоять им в одиночку. Для решения данного рода проблем необходимо участие социальных служб, оказывающих как практическое содействие мигрантам в решении их проблем, так и реализующих консультативные функции, состоящие в разъяснении мигрантам их прав и обязанностей. В частности, к таковым относятся информирование иностранных граждан относительно возможности получения ими прописки по месту жительства, подачи заявлений на устройство детей в российские сады и школы, наличия языковых центров, где трудовые мигранты могут повысить знание русского языка, получить сведения о культуре страны пребывания и т.д.⁷

Социальные технологии работы с трудовыми мигрантами должны учитывать ряд обстоятельств, значимых с точки зрения определения направлений социальной работы.

В первую очередь, необходимо принимать во внимание фактор времени в рамках трудовой миграции. В частности, В.И. Моисеенко выделяет следующие виды миграции:

1) безвозвратная миграция, предполагающая постоянное проживание в стране-реципиенте, чаще всего – со сменой гражданства;

2) постоянная миграция, в рамках которой выходцы из других стран приезжают в принимающее государство на сравнительно длительный срок;

3) краткосрочная миграция, когда

человек выезжает из страны на территорию другого государства на один год, либо иной непродолжительный срок, который определен национальным законодательством;

4) сезонная миграция, предполагающая временный отъезд трудовых мигрантов из страны для выполнения работ, зависящих от времени года (чаще всего – на летний период);

5) маятниковая миграция, предусматривающая еженедельные и даже ежедневные перемещения трудовых мигрантов;

6) эпизодическая миграция, в рамках которой выходцы из других государств въезжают в принимающую страну не обязательно с деловыми, но и с туристическими целями⁸.

Принимая во внимание столь значительный диапазон трудовой миграции по временному фактору, социальные технологии, реализуемые в целях повышения адаптации трудовых мигрантов к новым условиям жизнедеятельности для их будущей успешной интеграции в российскую трудовую среду, должны учитывать, на какой период выходцы из ближнего и дальнего зарубежья въезжают в Российскую Федерацию. В частности, всесторонняя социальная поддержка вряд ли потребуется гражданам, приезжающим в РФ по работе на несколько дней, в отличие от трудовых мигрантов, деятельность которых в России предполагает пребывание на ее территории длительный срок (от года и более). Безусловно, значимыми критериями с точки зрения определения наиболее эффективной социальной стратегии в работе с мигрантами, являются также их гендерные, возрастные и социокультурные характеристики⁹.

⁷ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» [Электронный ресурс]. // URL: <https://base.garant.ru/70170940/> (дата обращения: 28.01.2022).

⁸ Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. – М.: ТЕИС, 2004. 285 с.

⁹ Прончев Г.Б., Третьякова И.В., Любимов А.П., Прончева Н.Г. Особенности трудовой

При этом все существующие на сегодняшний день социальные технологии работы с трудовыми мигрантами можно охарактеризовать как комплекс приемов и методов, реализуемых в работе социальных служб и учреждений, а также социальных работников в целях успешного решения различных проблем мигрантов, обеспечения им общественной защиты и поддержки.

Указанные методы и приемы, в свою очередь, образуют два основных вида социальной поддержки трудовых мигрантов. К первому из них относится практическая социальная работа, в рамках которой социальные технологии реализуются в самых разных направлениях помощи иностранным гражданам: в области их информирования, правовой поддержке, медицинской и педагогической помощи, психологическом и материально-финансовом содействии. Все эти меры направлены на адаптацию трудовых мигрантов в краткие сроки к новым условиям жизни и деятельности в обществе, отличном от привычного им, в правовом, социальном и культурном плане.

Вторым видом социальной поддержки иностранных граждан является организационная работа, состоящая не в единичных и адресных мероприятиях, (как предыдущий вид), а в комплексной, системной помощи трудовым мигрантам. При этом необходимо учитывать характер солидаризации на старом месте, а также атмосферу в конкретном регионе принимающего государства и его общества в целом¹⁰.

Необходимо отметить, что в рамках вышеуказанных видов социальной поддержки иностранных граждан ведущее

миграции в современной России // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 1-2. С. 53-57.

10 Акмалова А.А., Капицын В.М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учебное пособие / Отв. ред. П.Д. Павленок. – М.: ИНФРА-М, 2008. С. 203.

место должно отводиться именно адаптационным технологиям, так как психологически устойчивое состояние выходцев из ближнего и дальнего зарубежья является залогом их быстрого и легкого вхождения в новую социокультурную среду, а также надлежащего исполнения ими трудовых функций. В данном случае, помощь российских социальных служб, равно как и отдельных социальных работников, позволяет мигрантам преодолеть чувство неуверенности и беспомощности, возникающие в первое время в непривычных жизненных обстоятельствах¹¹. Она реализуется, прежде всего, через оказание психологической поддержки мигрантам, а также их семьям с целью создания нормальных трудовых и бытовых условий жизни.

Социальные технологии в работе с трудовыми мигрантами осуществляются за счет привлечения социальным работником специалистов соответствующего направления и координирования их работы. Последняя состоит, в частности, как в оказании помощи по преодолению кризисных состояний, так и в социально-педагогическом воздействии, консультировании в вопросах воспитания и образования детей, а также в правовых вопросах.

Подводя итоги, следует отметить, что существующие в России социальные технологии работы с мигрантами предполагают осуществление достаточно широкого комплекса мероприятий, индивидуальной и групповой работы, оказание поддержки во всех сферах жизнедеятельности выходцев из других государств, в которых у них могут возникнуть трудности: от психологической под-

11 Антонок Т.В. Работа с мигрантами как направление социальной работы // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VIII международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 129-130.

держки до юридических консультаций.

Вместе с тем, развитие отечественных институтов помощи трудовым мигрантам – это непрерывный и динамический процесс, продолжающийся и в настоящее время. Представляется, что использование конкретных социальных технологий в работе с трудовыми мигрантами должно учитывать длительность их пребывания на территории РФ, а также быть направлено на минимализацию отрицательных последствий смены места постоянного жительства. Помимо этого, работникам социальных служб необходимо аккумулировать новую информацию относительно форм и способов работы с трудовыми мигрантами, а также оптимизировать те, которые уже были опробованы на практике и имели положительные результаты.

References

- [1] Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 № 602 "On ensuring inter-ethnic harmony" // URL: <https://base.garant.ru/70170940/> (01.28.2022).
- [2] The main directions of social support for migrants in the Russian Federation in 2020 // Suppliers of social services of the Volgograd region. Official portal. 12.15.2020. // URL: <https://442fz.volgnet.ru/025210/news/318123/> (01.28.2022).
- [3] Summaries of the main performance indicators on the migration situation in the Russian Federation for 2014-2019 // URL: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (01.28.2022).
- [4] Akmalova A.A., Kapitsyn V.M. Social work with migrants and refugees: Textbook / Ed. ed. P.D. Peacock. – М.: INFRA-M, 2008. 220 p.
- [5] Antonyuk T.V. Work with migrants as a direction of social work // Social work in the modern world: the interaction of science, education and practice: materials of the VIII international scientific and practical conference. – М.: Publishing house "Pero", 2016. P. 127-133.
- [6] Kasperovich G.I. Population migration to cities and ethnic processes / Ed. V.K. Bondarchik. – Minsk: Science and technology, 1985. 149 p.
- [7] Moiseenko V.M. Internal migration of the population. – М.: TEIS, 2004. 285 p.
- [8] Pronchev G.B., Tretyakova I.V., Lyubimov A.P., Proncheva N.G. Features of labor migration in modern Russia // Representative power - XXI century: leg-

islation, comments, problems. 2019. № 1-2. P. 53-57.

- [9] Tretyakova I.V. Dynamics of the perception of migrants in Russian society in the period 2005-2021 // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 11. № 9A. P. 263-272.
- [10] Shagbanova H.S. Legal regulation of migration processes in France // Modern law. 2020. № 8. P. 129-138.
- [11] Yudina T.N., Vartanova M.L. Improving the technologies of social work with labor migrants // Regional problems of transformation of the economy. 2013. № 1 (35). P. 448-457.

Список литературы

- [1] Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» [Электронный ресурс]. // URL: <https://base.garant.ru/70170940/> (дата обращения: 28.01.2022).
- [2] Основные направления социальной поддержки мигрантов в РФ в 2020 году // Поставщики социальных услуг Волгоградской области. Официальный портал. 15.12.2020. // URL: <https://442fz.volgnet.ru/025210/news/318123/> (дата обращения: 28.01.2022).
- [3] Сводки основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2014-2019 годы // URL: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 28.01.2022).
- [4] Акмалова А.А., Капицын В.М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учебное пособие / Отв. ред. П.Д. Павленок. – М.: ИНФРА-М, 2008. 220 с.
- [5] Антонюк Т.В. Работа с мигрантами как направление социальной работы // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VIII международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 127-133.
- [6] Касперович Г.И. Миграция населения в города и этнические процессы / Под ред. В.К. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1985. 149 с.
- [7] Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. – М.: ТЕИС, 2004. 285 с.
- [8] Прончев Г.Б., Третьякова И.В., Любимов А.П., Прончева Н.Г. Особенности трудовой миграции в современной России // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 1-2. С. 53-57.
- [9] Третьякова И.В. Динамика восприятия мигрантов в российском обществе в период 2005-2021 гг. // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 9А. С. 263-272.
- [10] Шагбанова Х.С. Правовое регулирование миграционных процессов во Франции // Современное право. 2020. № 8. С. 129-138.
- [11] Юдина Т.Н., Вартанова М.Л. Совершенствование технологий социальной работы с трудовыми мигрантами // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 1 (35). С. 448-457.

Андриевская Ж.В.

*Доцент, кандидат психологических наук, докторант.
Южный Федеральный Университет.*

Национальная идея и национальное сознание в русской философии*

Аннотация. В статье рассматривается феномен национальной идеи, как части национального сознания. Интерес к данной теме возрастает в переломные моменты истории и выражается в поиске смыслов исторического существования России. В условиях возрастания тенденций русофобии, отрицающей возможность для русского народа быть носителем великой идеи, русская мысль не только приобретает высокую значимость и актуальность, но и становится одной из главных тем научного поиска.

Ключевые слова: национальная идея, русское сознание, русская идея, идентичность, цивилизация, русский мир, национальное сознание, национальная идеология, западный космополитизм.

Andrievskaya Z.V.

*Associate Professor, Candidate of Psychological Science.
Doctoral Candidate, Southern Federal University.*

National idea and national consciousness in Russian philosophy

Abstract. The article deals with the phenomenon of the national idea as part of the national consciousness. Interest in this topic increases at turning points in history and is expressed in the search for the meaning of the historical existence of Russia. In the context of the growing tendencies of russophobia, which denies the possibility for the Russian people to be the bearer of a great idea, Russian thought not only acquires high significance and relevance, but also becomes one of the main topics of scientific research.

Key words: national idea, Russian consciousness, Russian idea, identity, civilization, Russian world, national consciousness, national ideology, Western cosmopolitanism.

В отечественной философии, истории, политологии, вопрос национальной идеи всегда представлял собой актуальную тему социально-политического, научного поиска. Отличительной особенностью любых дискуссий,

связанных с национальными вопросами, для России, является её многонациональный состав. Важным условием, здесь будет являться соотношение человека, с какой либо общностью в государстве. Подобный процесс само-

* © Андриевская Ж.В., 2022.

Национальная идея и национальное сознание в русской философии

идентификации позволяет человеку определить себя в качестве народа или национально-культурной совокупности. Преимущественное большинство народов России определяет свою идентичность, термином «россиянин», что позволяет в рамках статьи рассматривать феномены национальной идеи и национального сознания, применительно ко всей отечественной национально-культурной общности. Большую роль в процессе появления феномена «россиянин», безусловно, играет универсальное средство обмена информацией, русский язык. Здесь стоит отметить, что общественное внимание к теме национальной идеи, в критические периоды истории, как правило, возрастало. В настоящее время, возрастание тенденций русофобии по отношению к России со стороны государств Запада, не только бросает вызов русской идентичности, но и создаёт условия к деформации национального сознания. Здесь стоит отметить, что в рамках данной статьи обобщенный термин «коллективный запад» представляет собой США и другие страны, проводящие недружественную, по отношению к России, стратегию в различных сферах от политики до экономики, культуры и т.д.

Сам термин национальная идея, в многочисленных работах отечественных исследователей, имеет идентичные смысловые признаки, что и термины: национальная идеология, русская идея, русская мысль. Ретроспективно формулировка русской идеи имеет, в качестве идеологического начала, концепцию «Москва-третий Рим» [3, с. 164]. Авторство идеологемы, историки соотносят с посланием монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея, князю Владимирскому и Московскому, Василию III. Москва, в данном посла-

нии интерпретировалась, в качестве политико-религиозной наследницы Византийской империи, и позволяла в контексте «Святой Руси», говорить об исключительном значении православия во всех сферах общественной жизни государства. Развитие данной концепции, в дальнейшем, легло в основу образования централизованной системы управления Русского государства. Появление идеологии «Великой Руси», исследователи связывают с европейским историческим периодом Просвещения и реформами, проводимыми Петром I. Декабристы, выступая за ограничение самодержавия, формулировали принципы «Свободной Руси», развивая демократическое направление «русской мысли».

Национальное сознание, представляя собой форму общественного сознания, фактически сформировалось в середине 30 – 40 годов XIX века. В этот исторический период большую популярность в научном мире приобретает термин «русская идея» или «национальная идея». Объединяя в своей совокупности ответы на вопросы о роли и месте России в процессах общемирового развития, «русская идея» и сейчас остается краеугольной концепцией национального сознания России. В отечественном научном дискурсе XIX, начала XX века, концепция «русской идеи», содержащая, в своей основе, потребности народа в культурной, государственной, национальной идентичности, имеет характер важнейшего философского принципа. Известный русский религиозный философ Н.А. Бердяев, в своей работе «Судьба России», отмечал, что «Россия, имея миссию по отношению к Европе, призвана быть освободительницей народов» [2, с. 15]. Концепция философа, опираясь на дуалистическую теорию

Восток – Запад, позволяет говорить о «русской идее», как о «особом пути». Русский философ, писатель, публицист И.А. Ильин, находил главный смысл «русской идеи» в духовной русской культуре, развитии русского сознания, свободе, созерцании. «При этом», - отмечал исследователь, - «русским, является всякий, кто интерес единой русской родины ставит выше индивидуализма и всякой коллективной части» [4, с. 22]. Совмещая православие с русской самобытной культурой, И.А. Ильин, раскрывает смыслы «русской идеи». Развивая концепции христианского мирозерцания, русский историк-медиевист, поэт, философ Л.П. Карсавин, полагает, что в основе «русской идеи» лежит принцип «созидания великого будущего» [5, с. 15-16]. Взгляды русских философов конца XIX, начала XX века, имеют общую направленность в сторону реализации духовных принципов человеческой жизни. Развитие подобных философских взглядов легло в основу научного поиска в области формулирования принципов национальной идеи.

Современная интерпретация национальной идеи, по нашему мнению должна включать в себя комплекс разнообразных конструкций, таких как культура, экономика, быт, идеи и т.д. Россия, исторически связана с идеей великой цивилизации. Такая интерпретация позволяет говорить о том, что Россия, как государство имеет особый исторический путь. Подобная мысль сильна в отечественном национальном сознании, поскольку она представляет собой некую альтернативу сложившимся западным цивилизациям. Действительно концепция «другого», не западного пути, по существу является своеобразным противовесом, направленным против коллективно-

го западного влияния. Действительно влияние США на европейские культуры, можно назвать унифицирующим, то есть уменьшающим многообразие. Так, например, идея либерализма сегодня является доминирующей константой для «коллективного запада», не допуская, при этом, любое отклонение от заданного стандарта. В то же время идея «русского», не западного, мира становится антагонизмом, другим полюсом цивилизации. Такая формулировка, в контексте «особого пути», позволяет говорить о России, как регулирующему равновесие сил, факторе. Подобное построение концепции национальной идеи России может и становится привлекательным аспектом для многих культур в Азии, Европе, Америке.

Особый путь России, выросший из концепции Москва-третий Рим, в начале XX века, получил развитие в рамках общественно-политического учения, формулируемого, как «евразийство». В основу концепции легли тезисы, подчеркивающие самобытность России, как особого государства, сочетающего в себе культуру Запада и Востока. Один из авторов «евразийства», русский философ, историк, этнограф Н.С. Трубецкой, находя «истинную идеологию в православии, отмечал, что «Россия, осознавая исключительные особенности своего географического положения, может сохранить себя как государство, создав при этом самодостаточную, не зависящую от других экономику» [6, с. 108]. Наличие «особого пути» предопределяет «особую миссию» России по отношению к остальному миру. В этом случае Запад, являясь цивилизационным оппонентом «русского мира», стремится к ослаблению России. Действительно, исторические события XIX, XX века,

связанные с Российской империей и, позднее с Советским Союзом, наглядно подтверждают стремление западного мира к сдерживанию России. Развал СССР привел не просто к потере социального государства, он привел к утрате значительности, потере своего великого места в мире для каждого жителя страны. И в этом, значительную роль сыграл коллективный Запад. Подобное стремление препятствовать развитию России, пройдя фазу скрытых действий, в настоящее время перешло к открытому противодействию. Наблюдаемые сегодня факты неприкрытой русофобии, дискредитирующие «любое русское», насаждающие идеи априорного западного доминирования становятся обыденным явлением и не могут быть проигнорированы Россией.

Важным аспектом концепта «особой миссии» является правда и справедливость. Движение к целям национальной идеи, для «россиянина» не может происходить в условиях отсутствия честных и, что самое главное, справедливых ориентиров. Формулировка целей должна быть простой и понятной подавляющему большинству в обществе. Так, приобщение к «особой миссии» России является весьма привлекательной идеей и позитивно воспринимается широкими слоями отечественного общества. Отражение ключевых моментов национальной идеи посредством литературы, философии, поэзии, искусства, истории, представляя собой, смысловой базис национальной идеи, будет создавать условия к процессу общественной консолидации. Другими словами, формулировка национальной идеи должна быть проста и способна находить отклик, как в обыденном сознании человека, так и в обществе интеллектуалов. Так человек, имеющий низкий уровень доходов, или

находящийся в самом низу социальной лестницы, способен ощущать себя значимым, находясь в обществе имеющим «особый путь», «особую миссию». Или, например, успех русской дипломатии на Ближнем Востоке, способен инициировать позитивные отклики в сознании человека. Стоит отметить, что упрощение жизненных смыслов в обществе, как правило, приводит к деградации социума. Так, целеполагание, выраженное национальной идеей, нельзя заменить исключительно удовлетворением биологических потребностей человека, хотя, и это тоже важно, необходимый уровень благосостояния должен присутствовать. В существе национальной идеи, человек находит силу, успешность, значительность и здесь важно учитывать не только социальные, но и духовные предпочтения масс. Национальная идея должна быть способна интерпретировать понятную всем картину мира, и данный аспект является наиболее сложным к осмыслению.

Идея, объединяющая народ в целях реализации духовных смыслов человека, приобретает качество национальной идеологии. Поиск национальной идеи, пройдя долгий исторический путь от обретения Православия до постсоветского возрождения государственности не окончен, а стал традиционным в отечественном научном сообществе. В качестве заключения стоит отметить, что сегодня, научная дискуссия о методологии в вопросе формулирования национальной идеи, её современной трактовке в настоящем историческом контексте не потеряла свою общественную востребованность, а значит, она будет продолжена. В этой связи, примечательны слова Президента России, В.В. Путина. Выступая в рамках дискуссионного клуба «Валдай», в октябре 2021 года, он, в

частности сказал: «мы полагаем, что должны опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа... можно назвать это даже национальной идеей» [1]. Подобная формулировка не просто созвучна идеям русской философской мысли, но позволяет, также, говорить о возможности для России пережить разрастание глобального цивилизационного кризиса современности, сохранив при этом духовные ценности и культуру.

Л.П. Карсавин. - Петербург: Academia, 1922. 80 с.

- [6] Трубецкой Н.С. Евразийство [Текст]: избранное / Н.С. Трубецкой. - Москва: ИНФРА-М, 2016. 357 с.

References

- [1] Akopov P.A. Healthy conservatism: why Putin buried the era / P.A. Akopov. RIA Novosti // URL: <https://ria.ru/20211022/putin-1755717845.html> (03.10.2022).
- [2] Berdyaev N.A. The fate of Russia / N.A. Berdyaev. - Moscow: CJSC "Svarog and K", 1997. 540 p.
- [3] Zolotukhina N.M. Political and legal thought of Russia in the 16th century. Filofey and "Filofeev cycle" [Text]: monograph / N.M. Zolotukhin; Russian state un-t of justice. - Moscow: Yurlitinform, 2015. 427 p.
- [4] Пыин И.А. Russian Bell: [Electronic resource]: a journal of strong-willed ideas / I.A. Pyyin. - Moscow: St. Tikhon Orthodox Humanitarian University, 2008. 854 p.
- [5] Karsavin L.P. East, West and the Russian Idea / L.P. Karsavin. - Petersburg: Academia, 1922. 80 p.
- [6] Trubetskoy N.S. Eurasianism [Text]: favorites / N.S. Trubetskoy. - Moscow: INFRA-M, 2016. 357 p.

Список литературы

- [1] Акопов П.А. Здоровый консерватизм: зачем Путин похоронил эпоху / П.А. Акопов. РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20211022/putin-1755717845.html> (Дата обращения 10.03.2022).
- [2] Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. - Москва: ЗАО «Сварог и К», 1997. 540 с.
- [3] Золотухина Н.М. Политико-правовая мысль России XVI в. Филофей и «Филофеев цикл» [Текст]: монография / Н.М. Золотухина; Российский гос. ун-т правосудия. - Москва: Юрлитинформ, 2015. 427 с.
- [4] Ильин И.А. Русский Колокол: [Электронный ресурс]: журнал волевой идеи / И.А. Ильин. - Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2008. 854 с.
- [5] Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея /

Вознесенский И.С.

Старший преподаватель,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению*

Аннотация. С конца прошлого столетия четко обозначилось понимание времени как приоритетного витального ресурса. Осознается, что время не менее активно, чем на макроэкономические и социальные процессы, воздействует на каждого человека. Всякий раз новое поколение не только перенимает от предшествующих шаблоны восприятия времени, но и проживает отведенный ему период в соответствии с возможностями своего темпорального интеллекта переосмысливать его. В условиях ускорения социально-экономических процессов людям все сложнее оказывается выдерживать темп гонки за временем. Они становятся пленниками urgentной зависимости и заложниками бесчисленных дедлайнов. Единственным выходом из этой ловушки оказывается развитие темпорального интеллекта.

Ключевые слова: эволюция времени, эластичность времени, хроноцепция, хроностазис, вертикальное развитие, urgentная зависимость.

Voznesenckiy I.S.

Senior Lecturer, MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Temporal intelligence: from the secret of mastering time to effective management

Abstract. Since the end of the last century, the understanding of time as a priority vital resource has become clear. It is realized that time is no less active than on macroeconomic and social processes, it affects every person. Each time, the new generation not only adopts time perception patterns from the previous ones, but also lives the period allotted to it in accordance with the capabilities of its temporal intellect to rethink it. In the context of accelerating socio-economic processes, it is becoming more and more difficult for people to maintain the pace of the race against time. They become prisoners of urge addiction and hostages of countless deadlines. The only way out of this trap is the development of temporal intelligence.

Key words: evolution of time, elasticity of time, chronoception, chronostasis, vertical development, urgent dependence.

Бытие и небытие, счастье и несчастье – все это имеет свой корень во времени.
Время приводит к зрелости существа, время их же уничтожает.
Время вновь успокаивает время, сжигающее существа.

* © Вознесенский И.С., 2022.

Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению

Именно время изменяет в мире все благоприятные и неблагоприятные чувства и мысли.

Время уничтожает все существа и создает их вновь.

Время проходит неудержимо одинаково для всех существ.

Зная, что те явления, которые уже прошли, или еще не наступили, либо происходят в настоящий момент, – созданы временем, ты не должен терять свой разум.

Махабхарата

В¹ качестве эпиграфа к статье предложены строки из первой книги индийского эпоса «Махабхарата», где о значимости времени говорит колесничий (сута) и наиболее доверенный советник слепого царя Кауравов Дхритараштры Санджая. Этот памятник, относящийся ко второй половине первого тысячелетия до н.э., служит доказательством вневременности разговора о времени, который важен для всех периодов, и который, чтобы понять социальные особенности полихронности, синхронизации, хроноцепции (чувства времени), хронемики (использования времени в невербальном коммуникационном процессе), истоки рождения хронофагов («пожирателей времени»), ловушек, компрессии и других искажений времени, необходимо вести, включая не только данные истории, психологии², социологии, экономики³, точных наук, но и антропологии, физиологии, нейронауки, когнитивистики и т.д. Благодаря такому интегральному подходу можно приблизиться к пониманию темпорального интеллекта как способности человека осознанно выстраивать свои отношения со временем

1 Махабхарата // URL: https://www.bharatiya.ru/india/mahabharata/mbh1_1.html.

2 Михальский А.В. Психология времени (хронопсихология): Учебное пособие. М.: МПГУ, 2016; Савкина О.В. Психология управления временем // Лесной вестник. 2006. № 7. С. 147-148.

3 Архангельский Г.А. Организация времени от личной эффективности к развитию фирмы. 2-е изд. СПб.: «Питер», 2005; Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб: Издательский дом «Питер», 2011.

во всех его проявлениях, измерениях и состояниях. Используя научные знания и развивая хроноцепцию, человек способен достичь подлинного интегрального восприятия времени, сделав его союзником на пути развития социума, подняться на более высокий уровень самоорганизации и управления.

Следует признать, что ни одна, даже самая эффективная модель тайм-менеджмента, не универсальна. Люди представляют разные культуры, профессии, социальные слои, поколения и стили жизни. Они отличаются по темпераменту, темпам психических процессов и ритму жизни. На эволюционном пути человечество неизбежно приходит к тому, что привычные отношения со временем становятся барьером в развитии и требуют пересмотра. Несмотря на то, что каждому новому поколению приходится эти отношения трансформировать, изменяясь, они все равно несут следы прошлого. Эти следы проявляются в том, что люди или слишком быстрые, или слишком медленные. Они застряли в мыслями прошлом, или тревожатся о будущем, или отвергают всякое иное состояние, кроме модели «здесь и сейчас».

Особенно болезненны разночтения в подходах к планированию. Сторонники цикличности превозносят размеренные и повторяющиеся ритмы. Приверженцы линейности — прямолинейны и жестки. Адепты параллельности пытаются успеть все, распараллеливая восприятие. Ошибка многих состоит в

игнорировании хронометрии в коммуникациях, не разделении на «время МОЕ» и «время НАШЕ», не направлении локуса контроля времени внутрь себя. Людей не учат управлять паузами, цейтнотами и потоковыми состояниями. В итоге многие десинхронизируются с внутренними ритмами в попытках поймать внешние ритмы. Все это влияет на все стороны жизни человека. Выгорание может стать результатом того, что его внешние темпы не синхронизированы с внутренним ритмом. В племени, будь то рабочая группа или семья, люди склонны «выжигать» друг друга разными скоростями и ритмами, поэтому им требуется не только общее пространство, но и общее разделяемое время для синхронизации. Иначе «соплеменники» растащат, разорвут друг друга, а вся их совместность на этом закончится.

Известно множество потенциальных точек десинхронизации. Через призму интегрального подхода видно, как каждый по-своему воспринимает время, по-своему строит свои практики взаимодействия с ним. В разных группах случается разное «междунамые», а социальное время больших систем, частями которых являются люди, может течь совсем по-разному. Эволюционный взгляд подсказывает, что мы, как личности и как группы, можем находиться на неодинаковых этапах своих отношений со временем, живя кто в цикличном, кто в линейном, кто в параллельных мирах. Существуют три ключевых принципа групповой синхронизации: во-первых, темп задается внешним стандартом; во-вторых, участников объединяет сопричастность к решению определенной задачи; в-третьих, синхронность, с одной стороны, требует здоровых отношений между людьми, а с другой — помогает развивать их. Другими словами, группам приходится синхронизироваться на трех

уровнях: с начальником, с сообществом в целом и с душами (чувствами, настроениями, привычками...) участников. Для облегчения этого процесса специалисты предпринимают попытки систематизации людей по различным хронотипам.

Первая из них имела место в 1976 г. Тогда ученые из Швеции и Великобритании опубликовали методiku оценки хронотипа посредством теста из девятнадцати вопросов. Позже хронобиологи М. Мерроу и Т. Реннеберг разработали Мюнхенский опросник для определения хронотипа (MCTQ), в котором выделяются различия особенностей сна и его продолжительности у людей в «рабочие дни» и в «выходные». А затем Реннебергом был предложен еще более простой способ определения хронотипа. Оказалось, что количество оголтелых «сов» превышает число заядлых «жаворонок»⁴. Эксперименты показали, что при отсутствии внешних сигналов — заката и восхода — продолжается привычный ритм сна и бодрствования, питания и изменений температуры тела. Такая цикличность указывает на то, что где-то в организме имеются внутренние часы, отсчитывающие ритм жизни. В глубине мозга каждого человека есть структура, называемая гипоталамусом, а в глубине гипоталамуса, над перекрестом нервов (хиазмом), несущих информацию от левого и правого глаза, располагается супрахиазматическое ядро, в котором и живет наше внутреннее время. У животных, ведущих ночной образ жизни, период циркадного ритма чуть меньше 24 часов, а у ведущих дневной образ жизни, он чуть больше 24 часов. Поэтому человек навечно обречен немного не успевать и не укладываться в отведенные рамки дня, как бы хорош не был в тайм-менеджменте.

Исследуя циркадные ритмы, ученые

4 Пинк Д. Таймхакинг. Как наука помогает нам делать все вовремя. М.: Альпина Паблишер, 2018.

выделили различия «англо-европейского» и «арабского» времени. Первое, являющееся результатом индустриальной революции, описывает время так, что одно событие происходит после другого. Работа конвейера требует, чтобы все рабочие приходили без опозданий, а само время было структурировано линейным образом. На каждом этапе сборки каждый рабочий вносит специфический вклад в изготавливаемое изделие. События в «англо-европейском времени» располагаются как на конвейере. В «арабском времени» все происходит в одно и то же время. Во взаимодействиях этих культур возникает коллизия. Несмотря на то, что человек, определяемый с помощью координат «англо-европейского времени», прибывает вовремя, для другого человека, живущего с арабским пониманием времени, время не имеет значения⁵.

Драматизм этой коллизии нарастает и все больше влияет на современную экономику спешащего класса, а в будущем при еще большем ускорении изменений вообще вероятно шок восприятия течения времени. Экономия времени превращается в важнейший экономический фактор. Эффективность компании все больше будет измеряться не традиционными показателями, а анализом ее ритмов. Часть их них лежит на поверхности: планирование, нормирование и контроль использования времени, оформляемые в договоренностях и документах (планы, графики, регламенты). Но многие такие ритмы скрыты: бизнес-циклы, учитываемые при планировании, нормировании и контроле; неучитываемые ритмы бизнес-процессов и развития организации; социальные циклы (в т.ч. карьерные, коммуникативные, инновационные научения,

организационного настроения); неосознаваемые ценности и нормы, регулирующие отношение ко времени. Возникает закономерный вопрос, на какие ритмы организациям следует ориентироваться в своем развитии: «сверхконкурентные», «спешащие», «пульсирующие», «вневременные»?

Во многом ответ на этот вопрос зависит от того, как ритмы организации трансформируются в связи с личной эволюцией отношения человека ко времени, когда изменяется восприятие, растет горизонт планирования и т.д. Для иллюстрации этого можно обратиться к модели вертикального развития Б. Торберта, в которой по-разному выглядят отношения со временем на каждом из уровней. На уровне ОПОРТУНИСТА время — всегда чрезвычайная ситуация: человек или едва успел выбраться из неприятностей, или чуть-чуть не попал в новую историю. Для ДИПЛОМАТА время означает возможность делать вещи во время, например, приехать на совещание. Время ЭКСПЕРТА объясняет, как использовать его наиболее эффективным образом, чтобы достигать целей. В каждой из ролей горизонт планирования все больше увеличивается. Так, ДОСТИГАТЕЛЬ способен смотреть через призму одного-трех лет и заинтересован в координации различных элементов большого проекта. На стадии ИНДИВИДУАЛИСТА (ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ) наблюдается настоящая революция в восприятии, в том числе, времени. В первую очередь человек способен одновременно наблюдать значительно больший объем времени, например, как организация вписывается в общество, в целом. Вместе с тем, это новый опыт пребывания в моменте. СТРАТЕГ (ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙ) видит время как развивающийся организм. Человек начинает осознавать эти

5 James T., Woodsmall W. Time Line Therapy and the Basis of Personality. Cupertino: Meta Publications, 1988.

переменные процессы в самом себе. Физика, биология, теперь еще социология и экономика показывают эволюционное развитие через различные уровни сознания. Например, мы видим время как разворачивающийся процесс, наблюдаем, как различные группы в организации и отдельные сотрудники изменяются во времени, воспринимая эти процессы параллельно, а не линейно. Человек осознает, что он применяет свои знания и научные подходы для того, чтобы достичь своевременного действия⁶.

Известно множество примеров абсолютно безопасных ситуаций, в которых люди переоценивают длительность времени. Это происходит по той причине, что наше субъективное ощущение хода времени подвержено влиянию множества обстоятельств. Пребывание на скучной лекции или ожидание окончания подготовки самолета непосредственно перед вылетом может создать ощущение остановки времени — хроностазиса (греч. χρόνος — время и στάσις — застой). Одно из определенных хроностазиса — вид временной иллюзии, в которой первое впечатление после введения нового события или задачи кажется, растянутыми во времени.

Для того чтобы разобраться с искажениями времени сначала следует разграничить два способа отсчета времени. Включение хронометра на старте забега обеспечивает информацией относительно перемещения бегунов, но ничего не сообщает о том, сколько времени они провели на линии старта. Это — пример измерения проспективного времени, являющегося определением длительности интервала времени от настоящего к будущему. Наблюдая, как через горлышко песочных часов проскальзывают последние песчинки, можно сделать за-

ключение, сколько времени прошло от начала предыдущего события. Но если немедленно не перевернуть часы вновь, они ничего не расскажут о том, сколько времени человек уже находится в комнате. Так измеряется ретроспективное время, которое есть определение длительности интервала от какого-то момента в прошлом до настоящего момента. Такое действие не имеет отношения к отсчету времени. Это — попытка оценки длительности прошедшего интервала времени путем восстановления сохранившихся в памяти событий. Еще в 1890 г. психолог У. Джеймс писал об эластичности времени, что «обычно время, насыщенное разнообразными и интересными событиями, в текущий момент кажется очень кратким, но растягивается, когда мы о нем вспоминаем. Напротив, пустой отрезок времени кажется долгим в настоящем, но очень коротким в ретроспективе. Неделя путешествий и осмотра достопримечательностей в воспоминаниях может растянуться на три недели, а месяц болезни в воспоминаниях сократится до одного дня»⁷. События в прошлом — не константа в нашей памяти. Воспоминания изменчивы. Если становятся известны новые сведения, впечатление принимает несколько иной вид. Поэтому, пытаясь разобраться в событиях, можно изменить впечатление.

Память выступает одним из ключевых факторов, вызывающих искривление времени. В момент испуга впечатления от окружающего мира запечатлеваются в мозгу с повышенной интенсивностью. В обычной ситуации определенный промежуток времени вмещает в себя определенное количество воспоминаний. Однако в момент угрозы для жизни интенсивность вос-

6 Торберт Б. Исследование действием. Лидерство на острие настоящего. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

7 James W. The Principles of Psychology, in two volumes. New York: Henry Holt and Company, 1890 [Электронный ресурс] // URL: <https://psychclassics.yorku.ca/James/Principles/prin15.htm>.

приятия ведет к увеличению количества воспоминаний, которые впоследствии мы способны вспомнить (а иногда даже приукрасить). Помимо отмеченных двух причин существенного замедления времени: избыточность впечатлений и отсутствие внешней информации о скорости протекания времени, имеется третье предположение: мозг отмеряет время путем наблюдения за собственными процессами, а, значит, в чрезвычайной ситуации скорость его работы увеличивается, количество сигналов возрастает и, следовательно, времени для него проходит больше. Когда ускоряются процессы в борющемся за жизнь мозге, ускоряются и его «часы». Возникает вопрос: зачем в случае кризисной ситуации мозг ускоряется и подмечает все события с невероятной интенсивностью, но по прошествии некоторого времени сам же подвергает наши воспоминания пересмотру, тем самым буквально искажая прошлое? Может ли жизнь в нехватке времени стать привычкой? Для такой аддикции придуман специальный термин — «ургентная зависимость» (англ. *urgency addiction* — зависимость от срочности)⁸. Одной из первых на это явление обратила внимание американская поэтесса, журналист и преподаватель английского языка Н. Тасси в одноименной книге о том, как часто люди одержимы срочностью настолько, что в итоге буквально теряют самих себя⁹.

Известны шесть признаков ургент-

8 Горовая А.Ю. Ургентная зависимость как ответ на феномен нехватки времени в постмодернистском мире // Практическая медицина. 2017. № 1 (102). Т. 2. С. 26-27; Шибко О.Л. Диагностика ургентной аддикции // Психологический журнал. 2008. № 1 (17). С. 33-38; Шибко О.Л. Ургентная аддикция как форма аддиктивного поведения личности // Психологический журнал. 2006. № 3. С. 65-68; Шибко О.Л. Типология стилей саморегуляции произвольной активности у лиц с ургентной аддикцией // Философия и социальные науки. 2007. № 1. С. 71-75.

9 Tassi N.C. *Urgency addiction*. New York: A Signet Book, 1993.

ной зависимости человека: постоянно следить за часами, чем бы не был занят; жить на слишком высокой скорости, хотя это не комфортно; готов взяться за любую работу в любое время; отказывается от личного времени, в пользу активной социальной деятельности; разучился радоваться жизни здесь и сейчас, все время переживает прошлые неудачи или обдумывает планы на будущее; откладывает свои желания на потом, чувствуя, что тонет под напором обязанностей и внешних факторов.

Движущей силой такой зависимости выступает страх не успеть решить задачи, важные для карьеры или других сфер жизни. Одной из причин такого страха стал культ скорости жизни. Профессор Новосибирского гуманитарного института Б.Р. Мандель считает, что ургентная зависимость связана с «поклонением» скорости и акселерации. Социум руководствуется формулой: «чем скорее, тем лучше»¹⁰. Людям навязывается модель успеха, основанного на выполнении все большего количества задач во все более короткие интервалы времени. Чем больше задач, тем выше статус, однако, тем меньше времени остается на себя и близких. Все более иллюзорным становится предложенный маркетологами еще в середине прошлого столетия облик успеха, а жизнь буквально превращается в «крысиные бега».

Рабство у времени и успеха отнимает у человека жизнь не только в переносном, но и в прямом смысле. Ургентная зависимость заставляет жить в постоянном напряжении. Состояние перегрузки становится более комфортным и желаемым, чем состояние покоя. Оказавшись

10 Мандель Б.Р. Аддиктология. Иллюстрированное учебное пособие для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (все уровни подготовки). М.: Директ-Медиа, 2014; Мандель Б.Р. Ургентная зависимость: истинно велик тот, кто сумел овладеть своим временем... // Мир психологии. 2015. № 4 (84). С. 262-268.

в ситуации, когда времени предостаточно, urgently зависимый ощущает дискомфорт, тревогу и даже страх. Постоянный стресс приводит к истощению, а следом за этим — к инфарктам и инсультам. В некотором смысле жизнь такого человека прекращается еще раньше, поскольку он утрачивает способность ощущать красоту окружающего мира, получать удовольствие от жизни. Эмоции сводятся к переживанию нехватки времени. Человек теряет свою идентичность: утрачивается связь с бессознательным, с архетипической памятью¹¹; ослабевают творческие способности.

Можно выделить различные типы людей страдающих от чрезмерного темпа жизни. Первый тип: «планирующий аддикт» ставит перед собой амбициозные цели, редко задумываясь о возможности их реального воплощения. Не выделяя время на рефлекссию, человек не осознает причин своих ошибок. При обнаружении расхождения между планом и конечными результатами ему проще ухватиться за новую цель, чем разобраться, почему возникли сложности. Второй тип: «немоделирующий аддикт» напрочь игнорирует внутренние условия и внешние обстоятельства деятельности. Бег на высокой скорости отключает для такого зависимого тонкое мировосприятие, он становится не способным учитывать меняющиеся условия среды, продолжая действовать по ранее установленному плану. Третий тип: «негибкий аддикт» отличается высокой степенью самоорганизации, упорно занимается деталями и нюансами, любит все контролировать. Но в планировании такой человек скорее полагается на прошлый опыт и готовые сценарии, из-за чего испытывает сложности адаптации к новым обстоятельствам.

¹¹ Малышева Н.Л. Перформер как современное воплощение архетипа трикстера // Ярославский педагогический вестник. 2016. С. 189-192.

Ургентная зависимость оказывается подругой дедлайн-аддикции, при которой проблема не в загруженности дня, а в стремлении каждый раз совершать невозможное, успевая доделывать дела в самый последний момент. Приятно быть сверхсильным победителем, но от этого тоже можно стать зависимым. Придется расплачиваться низким качеством работы и стрессом от «адреналиновых горок», переходящим в эмоциональное и физическое истощение. В концепции вертикального развития отношений человека со временем «достигаторский» этап, связанный с постоянной спешкой и дедлайнами, — вполне оправданная эволюционная ступень.

Когда-то в прошлом цикличное, а еще недавно и привычное линейное восприятие времени начинают заменяться параллельным восприятием. Его девиз: «Столько одновременно происходит — хочу успеть все это». Человек буквально пытается распараллелиться и присутствовать сразу во многих процессах. Постоянное взвинчивание темпа жизни ведет к субъективному восприятию времени как чего-то пролетающего мимо и следующему за ним обесцениванию себя и своих усилий. Многие люди, лишь набегавшись и выгорев, обретают понимание, что в осознанном замедлении (англ. *slow life*) заключено немало мудрости. Путь исцеления от ургентной зависимости лежит в работе со страхом «незаполненного времени» в календаре и выращивании собственной внутренней ценности. Постепенно запускается новый конструктивный механизм: чем больше времени и внимания мы уделяем переключению, отдыху, рефлексии, тем больше появляется сил для последующей успешной деятельности и достижения новых вершин. В литературе людей, не страдающих ургентной зависимостью, называ-

ют интегрированными во времени. Не следует так упрощать. Ведь подлинное интегральное взаимодействие со временем, это — уметь и поспешить, ускоряясь до максимальных скоростей, и замедлиться, когда наступает нужный момент, иначе говоря, осознанно жить на разных скоростях, поддерживая баланс. А переход к практикам *slow life* — только один из многих шагов на пути.

References

- [1] Arkhangelsky G.A. Organization of time from personal effectiveness to the development of the company. 2nd ed. St. Petersburg: "Peter", 2005. 441 p.
- [2] Gorovaya A.Yu. Urgent addiction as a response to the phenomenon of lack of time in the postmodern world // Practical medicine. 2017. № 1 (102). Volume 2. P. 26-27.
- [3] Ilyin E.P. Work and personality. Workaholism, perfectionism, laziness. St. Petersburg: Piter Publishing House, 2011. 224 p.
- [4] Malysheva N.L. Performer as a modern embodiment of the trickster archetype // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2016. P. 189-192.
- [5] Mandel B.R. Addictology. Illustrated textbook for students of higher educational institutions of the humanitarian direction (all levels of training). M.: Direct-Media, 2014. 536 p.
- [6] Mandel B.R. Urgent addiction: truly great is the one who managed to master his time... // World of Psychology. 2015. № 4 (84). P. 262-268.
- [7] Mahabharata // URL: https://www.bharatiya.ru/india/mahabharata/mbh1_1.html.
- [8] Mikhalsky A.V. Psychology of time (chronopsychology): Textbook. M.: MPGU, 2016. 72 p.
- [9] Pink D. Timehacking. How science helps us do everything on time. M.: Alpina Publisher, 2018. 364 p.
- [10] Savkina O.V. Psychology of time management // Forest Bulletin. 2006. № 7. P. 147-148.
- [11] Torbert B. Research by action. Leadership at the forefront of the present. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2019. 304 p.
- [12] Shibko O.L. Diagnosis of urgent addiction // Psychological journal. 2008. № 1 (17). P. 33-38.
- [13] Shibko O.L. Urgent addiction as a form of addictive behavior of a person // Psychological journal. 2006. № 3. P. 65-68.
- [14] Shibko O.L. Typology of styles of self-regulation of voluntary activity in individuals with urgent addiction // Philosophy and social sciences. 2007. № 1. P. 71-75.
- [15] James W. The Principles of Psychology, in two volumes. New York: Henry Holt and Company, 1890 // URL: <https://psychclassics.yorku.ca/James/Principles/prin15.htm>.
- [16] James T., Woodsmall W. Time Line Therapy and

the Basis of Personality. Cupertino: Meta Publications, 1988. 282 p.

- [17] Tassi N.C. Urgency addiction. New York: A Signet Book, 1993. 197 p.

Список литературы

- [1] Архангельский Г.А. Организация времени от личной эффективности к развитию фирмы. 2-е изд. СПб.: «Питер», 2005. 441 с.
- [2] Горовая А.Ю. Ургентная зависимость как ответ на феномен нехватки времени в постмодернистском мире // Практическая медицина. 2017. № 1 (102). Том 2. С. 26-27.
- [3] Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб: Издательский дом «Питер», 2011. 224 с.
- [4] Малышева Н.Л. Перформер как современное воплощение архетипа трикстера // Ярославский педагогический вестник. 2016. С. 189-192.
- [5] Мандель Б.Р. Аддиктология. Иллюстрированное учебное пособие для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (все уровни подготовки). М.: Директ-Медиа, 2014. 536 с.
- [6] Мандель Б.Р. Ургентная зависимость: истинно велик тот, кто сумел овладеть своим временем... // Мир психологии. 2015. № 4 (84). С. 262-268.
- [7] Махабхарата // URL: https://www.bharatiya.ru/india/mahabharata/mbh1_1.html.
- [8] Михальский А.В. Психология времени (хронопсихология): Учебное пособие. М.: МПГУ, 2016. 72 с.
- [9] Пинк Д. Таймхакинг. Как наука помогает нам делать все вовремя. М.: Альпина Паблишер, 2018. 364 с.
- [10] Савкина О.В. Психология управления временем // Лесной вестник. 2006. № 7. С. 147-148.
- [11] Торберт Б. Исследование действием. Лидерство на острие настоящего. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.
- [12] Шибко О.Л. Диагностика ургентной аддикции // Психологический журнал. 2008. № 1 (17). С. 33-38.
- [13] Шибко О.Л. Ургентная аддикция как форма аддиктивного поведения личности // Психологический журнал. 2006. № 3. С. 65-68.
- [14] Шибко О.Л. Типология стилей саморегуляции произвольной активности у лиц с ургентной аддикцией // Философия и социальные науки. 2007. № 1. С. 71-75.
- [15] James W. The Principles of Psychology, in two volumes. New York: Henry Holt and Company, 1890 [Электронный ресурс] // URL: <https://psychclassics.yorku.ca/James/Principles/prin15.htm>.
- [16] James T., Woodsmall W. Time Line Therapy and the Basis of Personality. Cupertino: Meta Publications, 1988. 282 p.
- [17] Tassi N.C. Urgency addiction. New York: A Signet Book, 1993. 197 p.

Попов С.И.*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии. Кемеровский государственный медицинский университет.***«Площадки» для игры в мир и «поход» против философии***

Аннотация. Исследуются основания и «маршруты» «походов» против философии в истории интеллектуальной культуры. Анализируется процесс возникновения и исторического становления философии как формы рациональности и ее фундамента. Становление рациональности видится в качестве последовательности сменяющихся мыслительных «площадок». Выявляются философские площадки мышления – те платформы, которые выступают духовными основаниями конкретной интеллектуальной эпохи и, одновременно, пунктами духовного неприятия этой эпохи. Новая мыслительная площадка, развивая предыдущую, каждый раз все точнее конкретизирует круг духовных явлений, относительно которых она находится в оппозиции. Обсуждаются предполагаемые контуры современной мыслительной площадки, судьба философии и философов в наше время.

Ключевые слова: мыслительная площадка, рациональность, философия, поход против философии, метафизика, наука, позитивизм, христианство.

Popov S.I.*PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Kemerovo State medical University.***«Forecourts» for playing the world and a «crusade» against Philosophy**

Abstract. Observing the bases and «directions» of «crusades» against philosophy in the history of intellectual culture is considered. The process of emergence and historical formation of philosophy as a form of rationality and its foundation is analyzed. The formation of rationality is seen as a sequence of changing mental «platforms.» Philosophical platforms of thinking are being revealed as those platforms that act like the spiritual foundations of a particular intellectual era and, at the same time, the points of spiritual rejection of this era. A new mental platform, developing the previous one, each time more and more accurately specifies the circle of spiritual phenomena, with respect to those it acts as opposition. Discussing the alleged contours of the modern thinking platform, fate of philosophy and philosophers in our time is taking place.

Key words: thinking platform, rationality, Philosophy, crusade against Philosophy, Metaphysics, science, positivism, Christianity.

Как известно, возникновение рационального мышления было воплощено проектом античности. Тогда под

этим мышлением понимали и то, что мы относим к философии, и то, что мы сегодня относим к науке. Новая форма

* © Попов С.И., 2022.

«Площадки» для игры в мир и «поход» против философии

вѣдения мира была встречена неоднозначно. Философское умонастроение не имеет шансов «стать жизненной программой ни для какой группы в том обществе, где выжить могут одни только «борцы за существование»¹. Деятельность философов была опасной в «прекрасных Афинах» и воинственном Риме. Христиане сразу противопоставили себя сначала философам «языческим», а потом и «своим», которых стали подозревать в ересь. Наука, став в Новое время наиболее величественным плодом многовековой философской деятельности, окрепнув, тоже (в лице сциентизма) отправилась в антифилософский «поход». Не сложилась репутация «любви к мудрости» и среди носителей единственно правильной идеологии, сомнительна она (уже по другим причинам?) и в современном обществе. Периодически, то разгорающееся, то затухающее настороженно-негативное отношение в обществе к философии и философам является культурно-историческим фактом и должно иметь какое-то объяснение.

Цель исследования: объяснить причины и понять «траектории» периодических «выпадов» против философии в истории интеллектуальной культуры. Материалы и методы исследования: история философии, понятийный аппарат методологии науки, культурно-исторический метод, анализ современных массовых ценностей.

Вопрос о том, чем занимается философия, по существу, относящийся уже к метафилософии, кажется ровесником самой «любви к мудрости». Долгое время ответ на него бесхитростно виделся как поиск истины, выходящей за злобу дня, как выработка некоего истинного

мировоззрения, миропонимания. Поскольку указанный поиск выказал все признаки бесконечности, философские проблемы стали видаться вопросами, на которые нет определенных ответов, которые не столько решаются, сколько обсуждаются, продолжая оставаться открытыми. В этом ракурсе философия оказывается вполне содержательным, хотя и небесспорным рассказом о мире, каковым был, например, миф.

Другой – «перпендикулярный» изложенному – подход к сущности и предназначению философии отправляется не от мира, а от самого мышления. Философская деятельность начинается с эпохэ – символического отстранения от мира – и заканчивается смысловым «сдвигом», позволяющим увидеть мир как бы впервые. То есть, собственно философская работа, философский «прорыв» сводится к свершившемуся «сдвигу»; дальше осуществляется рутинный труд в рамках приобретенной перспективы вѣдения. Иначе говоря, указанное смещение перспективы выводит на новую мыслительную «площадку». Вне этого «фазового перехода» в философии происходит мало значительных событий. Понятно, что философы производят идеи и создают воображаемые миры из идеальных конструкций, но последние иногда очень уместно отнести к разновидности жанра фантастики.

Указанный взгляд на то, чем занимается философия, небесспорен, но он преодолевает архаическое восприятие философии как замкнутой области, которая «варится» внутри себя; он предполагает некие внешние философии движения (наука, религия, вненаучное знание, словом – «культура»), в контексте которых философские поиски и находки выступали бы «двигателем» или хотя бы одной из «шестерен». Послед-

1 Чайковский Ю.В. Лекции о долатонном знании / Ю.В. Чайковский. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 91.

нее, впрочем, не так уж очевидно, хотя обычно излагается в учебниках в рамках учебного курса философии, а также входит обязательной частью во введения и заключения диссертаций по семейству философских специальностей.

Первый духовный сдвиг, который в конечном счете и привел к возникновению философии, мы можем обозначить как метаморфозу, случившуюся в архаической античности с оргиастической формой «духовности». В последней дух привходит в человека извне. Сам же человек лишен субъектности, как бы «одержим» таинственной и непреодолимой внешней силой. В ранней античности таковая ассоциируется с именем Вакха-Диониса – бога с сомнительной репутацией, бога вина и пьянства². Безумие и буйство, порождаемые опьянением, греки склонны были понимать как вселение Вакха в поклоняющегося ему человека. Это состояние уничтожало повседневное благоразумие, человек вновь обретал «интенсивность чувства», мир предстал перед ним «полным наслаждения и красоты», его воображение вдруг освобождалось «из тюрмы повседневных забот»³. Иначе говоря, человек претерпевал мир, не будучи в силах его узреть.

Цивилизованный человек отличается от дикаря благоразумием, самоконтролем. Переход к благоразумию, а символически – к отстранению от мира и обретению субъектности – связан с деятельностью «орфиков», последователей Орфея – персонажа полупоупендарного и неясного. Видимо, этот духовный сдвиг и привел к философскому умонастроению – символической

отстраненности (эпохэ) от мира, его бурь и забот. Орфики переосмыслили вакхический культ, заменив физическое опьянение – духовным, а одержимость – подвижничеством. Орфики мысленно разделили человека на тело (земное начало) и душу (небесное начало)⁴. Воспринимая обыденную жизнь в основном как страдание и скуку, они не пытались бежать от последних в исступление и помрачение рассудка, а жили надеждой на грядущее небесное упокоение. Однако в земной жизни они видели шанс очистить душу уже в этом мире духовно-аскетическими упражнениями, например, воздержанием от гнева, от насилия, от употребления мяса⁵. Орфические таинства – мистерии – дополняли эту «отрицательную программу» позитивной частью – знанием. Речь в этих таинствах, видимо, шла о том же, о чем «пел» (философствовал?) Орфей: «...что земля, небо и море, прежде сплоченные между собой в едином образе, разделились под действием лютой вражды на отдельные существа, и о том, что навеки незабываемый предел имеют в эфире Звезды, Луна и пути Солнца. И как выросли горы, и как родились шумящие реки...»⁶.

Орфическая реформа вакхического культа не касается его мифологического содержания и образности; орфическое философствование осуществляется в форме теогоний. В смене поколений богов (Хаос – боги-«чудовища» – боги-«люди»), впрочем, довольно легко угадывается движение природы (мира) от хаоса – к «космосу» (порядку и мудрой гармонии). Теогонии, таким образом, повествуют о мире иносказательно, персонифицировано – в соответствии

2 Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 31.

3 Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 32.

4 Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.В. Лебедев. Ч.1. – М.: Наука, 1989. С. 40.

5 Там же. С. 42.

6 Там же. С.43.

с «методом» мифа: рассказывать не о сущностях, а о лицах и их действиях; подменять вопрос об устройстве мира вопросом об его – мира – происхождении и развитии.

Следующий духовный сдвиг в античности преодолевает как образную конкретность в описании мира, так и «генеалогический» метод мифа. В трактате «О седмицах» (нач. VI в. до н.э.) – древнейшем доступном нам прозаическом научном тексте неизвестного автора – уже нет ни того, ни другого. «Миры Вселенной имеют семичастный порядок», «таково число мира, семичастна всякая форма в нем, семичастен порядок каждой из частей»⁷. Куда бы ни обратил взор безвестный «гептадор» («семёрочник»), всюду он находит семеричный порядок, всякую область мира мысленно «собирает» из семи частей. Иными словами, миром правит число семь. Трактат «О седмицах» является собой яркий образец магии чисел, ставшей широко известной во времена пифагорейцев. Эта «магия» представляется нам уникальной: мир упорядочивается ею не посредством фантастико-поэтических образов (как в мифе), а «собирается» в целое через число, через обнаружение единого «ритма» в разных частях мира. В лице магии чисел мы имеем, таким образом, исторически первый и простейший вариант рационального постижения мира – без представления о «законах природы» и без использования специальных понятий.

Почти одновременно с магией чисел возникает и другой вариант рационализации мира (пифагорейская медицина) – выделение в мире противоположных качеств, «бинарных оппозиций», осознание парности противоположностей и их единства. Наконец, в культуре Древ-

ней Греции VI в. до н.э., в отличие, например, от культуры Месопотамии, мы находим использование гипотез – подлежащих критическому рассмотрению предположений о скрытых причинах явлений и недоступных непосредственному наблюдению обстоятельствах. «Если нам говорят, – пишет Д.В. Панченко, – что внезапное исчезновение Солнца среди бела дня вызывается тем, что дневное светило заслоняется от наших глаз Луной, которая, вопреки тому, что представляется на первый взгляд, является темным телом, не имеющим собственного света, и когда при этом, чтобы убедить нас, ссылаются на тот факт, что солнечные затмения происходят только в определенные дни, а именно дни новолуний, – когда нам предлагают такое рассуждение, мы, не задумываясь, назовем его научным».⁸ Указанное известное рассуждение принадлежит древнегреческому мудрецу Фалесу из Милета (~625-546), являющемуся, как следует из вышеизложенного, родоначальником науки, а также, согласно аристотелевской характеристике, родоначальником того направления в философии, которое полагает основой сущего единое материальное начало.⁹ Безотносительно к решению «фалесова вопроса» (действительно ли он сделал все те открытия, что ему приписывают) несомненным является то обстоятельство, что они были понятны его современникам. А значит, важнейшим достижением Фалеса и его безвестных соратников и предшественников следует считать все же переворот философ-

8 Панченко Д.В. Фалес, солнечные затмения и возникновение науки в Ионии в начале VI в. до н.э. [Электронный ресурс] // Hyperboreus. 1996. № 1. Т. 2. С. 47-124. // URL: http://www.bibliotheca-classica.org/sites/default/files/panchenko_1.pdf.

9 Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.В. Лебедев. Ч.1. – М.: Наука, 1989. С. 109.

7 Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.В. Лебедев. – Ч.1. – М.: Наука, 1989. С. 552.

ского значения – формирование новой мыслительной «площадки»: объяснять явления причинно, не доверять видимости, обнаруживать регулярность, объяснения выдвигать в виде гипотез, приглашая тем самым формулировать рациональные же контртеории и контаргументы. Все это мы сейчас называем научным методом.

Следующая «площадка» объединяет несколько духовных векторов, в итоге приводя к типу рациональности, известном под именем «современная наука». Христианский креационизм в эпоху Возрождения получает антропоцентристскую интерпретацию: поскольку человек – подобие Бога, его деятельность – тоже творение (в меньших масштабах). Отсюда разумное изменение мира узаконивается теологически. Возникший в XVI в. протестантизм, подчеркивая в Боге приоритет не разумного, а волевого начала (и через него – неограниченность божественной свободы), легитимизировал тем самым приоритетность изучения конкретных творений, внимание к частностям – эмпирический путь постижения природы. Однако к науке современного типа ведет не столько эмпиризм как таковой, сколько широкие синтезы, объединяющие интерес к эмпирическим исследованиям с поисками новой теоретической основы для их осмысления. Наиболее значительный вклад в поиски таковой внесен Ф. Бэконом (1561-1626) и Р. Декартом (1596-1650).

Ф. Бэкон пропагандировал иную, чем аристотелевская, – недедуктивную логику. «Индукцию» он понимал широко – не как «поспешные» обобщения, а как сбор, классификацию и сравнение данных наблюдений с целью обнаружения сходств и различий (речь, видимо, идет об индуктивных методах установления причин). Бэкон многого ожидал

от применения индуктивных процедур в познании, вплоть до того, что «таблицы сходств и различий» дадут аксиомы не только природы, но также политики, этики и мышления»¹⁰.

Рене Декарт, неожиданно для себя оказавшийся интеллектуальным лидером знаменитого корреспондентского кружка М. Мерсенна, напротив, не придавал значения эмпиризму и индуктивным приемам в физике. Метод познания, который он предлагал – начинать с ясных и отчетливых идей и переходить посредством правильных дедуктивных шагов к неопровержимым заключениям – являлся переносом математической дедукции в естествознание. Существенно то, что дедукция и индукция (инверсия) есть в каком-то смысле одно и то же, поскольку предполагают одну модель физических процессов – неизбежность и однозначность связи причины и следствия (дедукция описывает переход от первого ко второму, индукция – обратный переход). Указанная модель является механической: именно в механизме связь причины и следствия однозначна, безвариантна, как в пулемете по схеме Гатлинга. Бэкон и Декарт разными путями шли к одной теоретической «площадке» будущей науки. Они были оригинальными философами – искали для познания новые интеллектуальные основания и радикально рвали с прошлым содержанием интеллектуальной жизни.

Важнейшим следствием утверждавшегося в XVII – XVIII вв. механицизма было порождение веры в законообразность мира: природа характеризуется строго очерченными пределами и запретами, она не знает чудес¹¹. Наука Ново-

10 Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 736.

11 Визгин В.П. Эксперимент и чудо: рели-

го времени обратилась к систематическому опытному экспериментальному изучению природы. Она основывается на понятии закона природы, выраженного в строгой математической форме. Она обладает продвинутой социальной организацией в виде «сети» научных кружков и отличается способностью к быстрому достижению согласия по вопросам и динамичному перемещению интереса на новые области. В ней имеет место технологизация исследований и практический «выход» в виде техники и технологий. Указанные положения, по нашему мнению, очерчивают третью философскую «площадку – результат перехода от просто рационального мышления к опытной, экспериментальной науке. Подытожим «сдвиги» философского значения, произошедшие в истории культуры и приведшие к результатам в виде «мыслительных площадок»:

- переход от «вовлеченности в мир» к «отстранению от мира» (первая «площадка»);

- переход от мифологической образности к рациональному мышлению (вторая «площадка»);

- переход от просто рационального мышления к принципам опытной, экспериментальной науки (третья «площадка»). Во второй главе мы попытаемся предположить и четвертую «площадку».

Выявление «мыслительных площадок» и их смены в истории культуры позволяет обосновать видение философии как редкого занятия, имеющего значение в некие ключевые моменты интеллектуальной истории. Помимо этого, концепт философских «площадок» позволяет объяснить культурно-исторические факты нападков на философию как на умственную дисциплину и институт культуры.

гнозно-теологический фактор генезиса науки Нового времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3. С. 13.

фию как на умственную дисциплину и институт культуры.

Нападки на философию кажутся нам ровесниками самой философии, под которой будем понимать неспециализированную (по сравнению с наукой, ремеслом, досугом) духовную деятельность, приводящую к изменению основных принципов видения мира, задающую последним некоторый вектор. Видимо, суть нападков на так понимаемую философию заключается в сопротивлении прежней «парадигмы» миропостижения в лице ее сторонников и общественных институтов, в которые она успела оформиться.

Как говорилось выше, духовное движение к институционализации философии в архаике началось с того, что жизненная практика «аполлонического» (порядок, мера, гармония, самоконтроль) в орфизме выместила древнее «дионисийство» (хаос, диспропорция, невоздержанность). Установилась новая диспозиция по отношению к миру – «отстранение от мира», противостоящее прежней «вовлеченности в мир». Новая «площадка» некоторое время не обрела особого языка: продолжал использоваться язык мифа, и мир объяснялся генеалогически. На этом этапе становления духовности оказались записанными и осмысленными все древние мифы. Сопротивление прежней «парадигмы» отношения к миру выразилось в спорадическом бунте «жизни» против «мысли», что хорошо иллюстрирует в известной легенде судьба Орфея, разорванного на части беснующимися в алкольно-витально-мистическом экстазе женщинами-«вакханками». Как пронцательно замечает Г.С. Баранов, интерпретируя изложение легенды об Орфее и Эвридике Ф. Бэконом, «философия живет и дышит идеей порядка, упорядоченной гармонии, она стремится

ся внести размерность и размеренность не только в жизнь людей и зверей, но и лесов и камней, в саму природу. Жизнь же есть беспорядок и хаос, и случайность, и похоть, и вакхическое празднество <...>. И как бы ни пытался орфизм (философия) упорядочить мир, «усмирить» его хаотичность, «аналитически разумно» расчленив и гармонизировать его, жизнь берет свое, и «фракийские жены», обуреваемые витальной энергией <...> в вакхическом исступлении вновь все возвращают «на свои места»¹². Утрируя, можно сказать, что усилия Орфея по окончательному упорядочению мира – тщетны, а конфликт «вакханок» с философами – вечен.

Почти синхронно с орфизмом возник иной духовный проект – исследовать не происхождение, а устройство мира, – положивший начало «натурфилософии», рациональному мышлению и с ними – второй мыслительной «площадке». Этот проект противостоял языку теогоний и не мог быть реализован в нем. В результате возник очаг очередного конфликта с философией и философами – народный мифологизм против рационализма. Этот конфликт, инициированный невольно самими философами, достиг апогея уже в V в. до н.э. и выразился в известном обвинении Сократа «в непочитании богов, признаваемых всеми».

Частью проекта рационального мышления была задача изучить самого человека, его «внутреннее». Здесь основную работу проделали «софисты», показав перспективизм и релятивизм (зависимость от точки зрения и относительность) любых определенных утверждений, особенно утверждений о ценностях. Сократ, как известно, противостоявший релятивизму софистов

(реальный Сократ), тем не менее, в диалогах Платона показан со своей «диалектикой» как типичный софист. Это обстоятельство инициировало вторую часть обвинения Сократа: «растление молодежи».

Как видим, на этом этапе обвинение против философии выдвинуло традиционное обыденное мышление с его предрассудками, нерелексивностью. Конфликт протекал с переменным успехом: философы периодически обвинялись и изгонялись «гражданами», но и философы издевались над гражданами, а их дружба с сильными мира сего, желавшими стать еще и мудрыми мира сего, защищала их от толпы.

Софистический посыл предполагал, что «все можно доказать»; ответом ему стало скептическое «во всем можно усомниться». Такие контроверзы позиционировали античное любомудрие как интеллектуальную игру без особых заявок. В противоположность античной несерьезности нарождавшееся христианство заявляло себя как *серьезный* духовный проект. Первоначально оно не содержало никакой теории, но необходимость в таковой ввиду ситуации «осажденной крепости» (окружения языческим дискурсом) вскоре породила христианскую теологию, рьяно принявшую сочинять трактаты «против язычников». Христианские нападки на философию, изначально укладывавшиеся в прежнюю схему «народный мифологизм против рационализма», оказались сильнее и весомее реакции рядовых афинян на «философов» и явили исторически первый парадоксальный философский поход против философии. В чем здесь дело?

Христианство ориентирует на напряженное переживание истории, в определенном смысле «изобретая» последнюю. Античное любомудрие

¹² Баранов Г.С. Философия метафоры. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 415-416.

неисторично и несерьезно, с христианством же появляется серьезность и эсхатологичность. Ежедневной духовной работе по преодолению греховности не нужна и излишня, как теория мироздания, так и дискуссии этического порядка. Христианское послание само выступает грандиозной духовной пищей, которой среднему человеку совершенно достаточно.

Однако поход против философии у теологов средневековья ожидаемо сам становится философским: теология становится систематичной и «мировоззренческой», обрастает метафизикой. Последняя практически сразу порождает реакцию «игнора» и скептицизма у гуманистов Возрождения и поиски альтернативной духовной пищи. Бэкон и Декарт (первоначально) стали известны не как разработчики новой – другой – метафизики, а своими поисками метода [духовной жизни] – то есть снова радикально иной «площадки», чем полагали средневековые патристика и схоластика. Вне зависимости от «рационалистических» наклонностей Декарта и от «эмпиристского» крена Бэкона эта площадка состояла в ориентированности на *непосредственные данности* ума, созерцающего себя (Декарт) или природные объекты (Бэкон). Эта ориентация означала «перпендикулярный» ход по отношению к религии: не отрицая ее явно (религиозный опыт – тоже опыт сознания), они полагали для нее более общие основания и этим отказывались от преимущественного использования языка теологии для описания опыта.

С этого момента, видимо, началось возрождение прежней игровой, несерьезной метафизики на новых – картезианско-бэконовских – основаниях и в новых условиях господства новой – уже третьей «мыслительной площадки» (принципов видения мира наукой «со-

временного типа»). Согласно трехчастной схеме Огюста Конта, это 2-я стадия становления разума: смена теологических спекуляций чистыми абстракциями. Неудивительно, что новая метафизика XVII – XVIII вв. сразу вызвала антифилософскую реакцию – причем не столько в виде ожидаемого бунта сторонников антинаучной романтически-иррационалистической позиции, видевшей в природе не механизм, а чудесный организм, а – что гораздо веселее – в виде философии (!) позитивизма. При этом сциентизм Нового времени не был радикальным отрицанием предшествующего рационализма и не породил конфликтной реакции последнего.

Философия позитивизма ничем не отличалась от методологических установок Бэкона – Декарта, ориентируя на дискурс о природе, на единственность этого вида духовной пищи, на своевременность и необходимость подобной «диеты» для человека. Сверхчувственное, о котором любили рассуждать философы-рационалисты Нового времени, не отрицалось, но больше не подлежало осмысленному обсуждению в дискурсе. С ним можно было быть рядом, его можно было предполагать и даже почти ощущать его присутствие, но о нем «следовало молчать» (Л. Витгенштейн).

Романтический позитивизм О. Конта получил «новую кровь» в лице неопозитивизма XX в. Последний явил собой пример сциентизма: «новый позитивизм» двадцатого века оказался больше, чем любое другое течение, связанным с наукой и ее проблемами. Родилось это течение в Вене, где в 1920-х гг. вокруг профессора кафедры индуктивных наук Морица Шлика собрался кружок его учеников и сторонников (Р. Карнап, К. Гёдель, Ф. Франк,

О. Нейрат и др.). Роль непосредственного импульса движения сыграл «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна (1921), в котором «венцы» усмотрели формулировку принципа верификации и программу «очищения» науки от метафизики. Последняя обычно отождествляется с философией, и ниспровержение философии выглядит курьезно для направления мысли, в рамках которого развиваются идеи именно философского значения.

В задачу работы не входит анализ состоятельности «проекта» неопозитивистов. Отметим лишь значимые для нашей темы «нападок на философию» элементы их программы. Поскольку проблемы метафизики предполагают в качестве «ответов» лишь псевдовысказывания («Материя есть инобытие духа» (Гегель), «Ничто ничтожествует» (Хайдеггер)), то они сами являются псевдопроблемами, не имеющими реального содержания (вроде проблемы существования внешнего мира, проблемы существования Бога и пр.). Согласно Р. Карнапу, метафизика является лишь «выражением чувства жизни»: «метафизик верит, что он действует в области, в которой речь идет об истине или лжи. В действительности он ничего не высказывает, а только нечто выражает, как художник».¹³ Источник философских псевдопроблем неопозитивисты видели в особенностях обычного языка и его неправильном использовании.

Антиметафизический, антифилософский пафос неопозитивистов в чем-то можно понять. Им выпало мыслить и собираться на заседания в 1920-е годы, когда мир еще не отошел от «Великой войны», обнаружившей

¹³ Философы двадцатого века: Сб. / отв. ред. А.М. Руткевич, И.С. Вдовина. – М.: Искусство, 1999. С. 88.

кризис гуманизма и отвлеченного мышления вообще, чьи понятия были попораны этим массовым «психозом». XX век как бы начался в духовном смысле в 1914 г., начался с великой фрустрации: крушения надежды на разум, на гуманизм культуры – несомненных, казалось, завоеваний века XIX-го. Позитивисты оправданно увидели причину новой дикости в словах – их неправильном, некритическом, неосмысленном, непрозорливом использовании. И обвинили в этом философию и философов как главных, изначальных и авторитетных агентов «словесных интервенций» в социум.

В случае позитивизма и неопозитивизма мы наблюдаем, как активной стороной конфликта с философией оказываются агенты новой «мыслительной площадки», что контрастирует с прежде рассмотренными случаями, когда конфликт задавался сопротивлением «ретроградной партии». Складывается впечатление, что развитие философии как рациональной деятельности как бы достигает оптимума на ступени генезиса третьей «мыслительной площадки» и перестает выступать в качестве авангарда культурной динамики, роль которого переходит к чему-то другому.

Дальше, продолжая рефлексировать о «мыслительных площадках» мы вступаем в область смутных предположений. Кажется понятным, что механицизм, ассоциирующийся с «классической научностью» и выступающий основой третьей «площадки», уже не является последним словом миропостижения, и новое слово принадлежит «неклассической научности», которую, однако, весьма трудно определить. Вероятно, ставка в ней будет – на органицизм и принцип разнообразия. Если мир понимается не механистически, а органицистски, то он воспринимается

как система, где действуют не линейные причинно-следственные цепочки, а всё связано со всем, любое событие определяется большой совокупностью факторов, и, таким образом, говорить о непосредственной причине события – значит сильно и неправомерно упрощать природу объекта и происходящие с ним изменения. Принцип разнообразия хорошо вписывается в органицизм; мир видится как сад, ярмарка, а не как огород или магазин.

На новом этапе существования рациональности происходит новое отторжение философии и выявляются новые основания такового. Философия кажется ненужной (лишней?) как особое пространство дискурса, который сейчас – везде и нигде. Контуры последней «площадки» становятся различимы, как раз исходя из пафоса направленных на философию «атак»: философский дискурс неправомерно узурпирует пространство духовности, настаивая на особом своем положении в этом пространстве. Однако сегодня все дискурсы обладают равными правами. Каждый может создавать и продвигать свою концепцию, площадку, сеть. Более того, следует разрабатывать теории, несовместимые с твердо установленными фактами (П. Фейерабенд). Все эти лозунги хорошо узнаваемы в современной культуре; акцент в них делается на то, что многообразие – хорошо в любом случае. Заметим, что возникновение и эволюция рациональности связано с выделением противоположностей, бинарных оппозиций, тогда как их смешение, характеризующее «эпоху многообразия» должно означать обратный процесс. «Общество тотальной информации, по Бодрийару, есть общество «бесстыдное», где можно демонстрировать что угодно,

как угодно, кому угодно»¹⁴. Выражена, по сути, новая – постсовременная – форма «похода» против философии. В указанной обстановке никакие определенные ценностные установки не могут существовать, становятся зыбкими, тогда как философия состоялась в свое время как форма рациональности, утверждавшая четкие структуры. В постсовременности же «значительное и пустяковое, умное и глупое, красивое и некрасивое, оригинальное и пошло-стереотипное, нормальное и патологическое, возвышенное и низменное – все это обесценено, лишено устойчивости и солидности. Все равноценно, и нет ничего святого»¹⁵.

Каждая новая «мыслительная площадка» порождала яростное сопротивление сторонников старой (исключение – позитивистский «поход» против философии), рано или поздно вырождавшееся в (иногда – философский же) проект элиминации философии из дискурса и пространства духовных возможностей. В случае очередного восстания против философии всегда интересно, с какой «платформы» происходит этот духовный «путч»: с платформы воинствующего обыденного сознания, институциональной ли религии, сциентистского ли мировоззрения или какой-то еще. Набор таких платформ относительно невелик и уже апробирован в истории культуры. К восстанию против философии, разумеется, предрасполагает неопределенность статуса самого этого института: «ничейная земля» (Б. Рассел), «неспециализированная духовная деятельность», призванная «снять» наукоподобный формализм академических

14 Якимович А.К. Тоталитаризм и независимая культура // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 17.

15 Там же. С. 17-18.

занятий. Указанный образ философии – симпатичен, но еще более увеличивает неопределенность ее предметной области, предрасполагая к замещениям ее гуманитарными, по преимуществу, «проектами», имеющими прописку по адресам литературоведения, искусствоведения, истории культуры и пр. В настоящее время палитра тут достаточно пестрая и не всегда определимая. Узурпации предмета философии иногда смотрятся выгоднее самой философии. Поскольку современная культура сильно перешла в виртуальное пространство, которое она делит с сильно интенсифицировавшимся общением, то возникает ощущение духовного насыщения, обеспеченности духовной жизни и без всякой философии (похожее ощущение сопровождало жизнь христианина). Проблемность освоения студентами философии в рамках кратких вузовских курсов при вынужденно формализованной и «плотной» подаче материала в таковых тоже не добавляет ей репутации. Все указанные обстоятельства потенциально служат предпосылками, «тлеющими углями» очередного духовного «восстания» против «отвлеченного мышления об общих вопросах». Такое мышление просто есть, и вряд ли оно нуждается в защите, в апологетах (последние чаще оказывают ей дурную услугу). Нападки свидетельствуют, что существование такого мышления периодически оказывается «неудобным» – стесняет очередную духовную и интеллектуальную моду?

В целом можно констатировать снижение градуса свирепости в «походах» против философии и философов (что – отрадно): философов больше не травят и не сжигают, а заключают (неопозитивисты) в дом сумасшедших (символически), а в XXI веке – просто не замечают.

References

- [1] Baranov G.S. Philosophy of metaphor. - Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005. 472 p.
- [2] Vizgin V.P. Experiment and Miracle: Religious and Theological Factor of the Genesis of the Science of Modern Times // Questions of the History of Natural Science and Technology. 1995. № 3. P. 3-20.
- [3] Collins R. Sociology of philosophies. Global theory of intellectual change. - Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2002. 1282 p.
- [4] Panchenko D.V. Thales, solar eclipses and the emergence of science in Ionia at the beginning of the 6th century. BC. // Hyperboreus. 1996. № 1. Vol. 2. P. 47-124. // URL: http://www.bibliotheca-classica.org/sites/default/files/panchenko_1.pdf
- [5] Russell B. History of Western Philosophy. In 3 books. - Novosibirsk: Publishing house Novosibirsk-un-ta, 1997. 815 p.
- [6] Philosophers of the twentieth century: Sat / resp. ed. A.M. Rutkevich, I.S. Widow. - M.: Art, 1999. 263 p.
- [7] Fragments of early Greek philosophers / comp. A.V. Lebedev. - Part 1. - M.: Nauka, 1989. 576 p.
- [8] Tchaikovsky Yu.V. Lectures on pre-Platonic knowledge. - M.: Association of scientific publications KMK, 2012. 483 p.
- [9] Yakimovich A.K. Totalitarianism and independent culture // Questions of Philosophy. 1991. № 11. P. 16-25.

Список литературы

- [1] Баранов Г.С. Философия метафоры. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 472 с.
- [2] Визгин В.П. Эксперимент и чудо: религиозно-теологический фактор генезиса науки Нового времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3. С. 3-20.
- [3] Коллинз Р. Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
- [4] Панченко Д.В. Фалес, солнечные затмения и возникновение науки в Ионии в начале VI в. до н.э. [Электронный ресурс] // Hyperboreus. 1996. № 1. Т. 2. С. 47-124. // URL: http://www.bibliotheca-classica.org/sites/default/files/panchenko_1.pdf
- [5] Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. 815 с.
- [6] Философы двадцатого века: Сб. / отв. ред. А.М. Руткевич, И.С. Вдовина. – М.: Искусство, 1999. 263 с.
- [7] Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.В. Лебедев. - Ч. 1. - М.: Наука, 1989. 576 с.
- [8] Чайковский Ю.В. Лекции о доплатоновом знании. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 483 с.
- [9] Якимович А.К. Тоталитаризм и независимая культура // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 16-25.

Пухир В.М.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии.
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина.*

Нравственный прогресс в постсовременном мире: иллюзия или реальность?*

Аннотация. В статье представлены возможные ответы на вопрос о перспективах нравственности в постсовременном мире: диаметрально противоположные точки зрения интегрального традиционализма и холизма; прогрессистские взгляды марксизма и технократизма; традиционная религиозная точка зрения и современная нравственная парадигма – «физика морали». Автор анализирует кризис разума и нравственности с оптимистической точки зрения.

Ключевые слова: постсовременность, нравственный прогресс, традиционализм, холизм, моральный ландшафт, физика морали.

Pukhir V.M.

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy. Kosygin Russian State University.

Moral progress in the postmodern world: illusion or reality?

Abstract. In the article there are possible answers to the question about the perspectives of morality in the post contemporary world. There are: the point of view of integral traditionalism and holism; progressives views of Marxism and technocracy; traditional religious view and moral paradigm – physics of morality. The author analyses the crisis of reason and morality with optimistic point of view.

Key words: post contemporary, moral progress, integral traditionalism, holism, moral landscape, physics of morality.

Вторая половина XX века и первые два десятилетия XXI века составляют единую эпоху, которую в западной культуре называют «постсовременностью». Этот термин означает период, когда прежние представления о нравственных устоях человеческой жизни канули в прошлое, а новые еще не сложились полностью. По сути, это эпо-

ха сокрушения традиций, разрушение идеалов и смешения стилей, массового отхода от тех ценностей, которыми руководствовалось человечество на протяжении многих веков. Конечно, капиталистические рыночные идеалы появились гораздо раньше, они формировались на протяжении нескольких столетий, но все же качественный пере-

* © Пухир В.М., 2022.

Нравственный прогресс в постсовременном мире: иллюзия или реальность?

лом (не в лучшую сторону) в массовом сознании происходит в наше время. Современный человек не стал менее жестоким, более добрым, справедливым и честным. Чаще всего он следует морали из-под палки (пусть даже экономической), а не по собственной доброй воле. Массовая мораль, к сожалению, лучше не стала. Большинство современных людей отнюдь не являются образцами для подражания, ибо в условиях рыночных отношений, слишком часто бывают жадными, жестокими и несправедливыми, обуреваемыми своими низменными страстями и безразличными к чужому горю. Люди в массе своей не знают (или не хотят знать), что такое истинная *любовь*, сводят ее смысл лишь к физическому наслаждению или безудержному утверждению своего «Я».

Именно поэтому многие видные современные философы и культурологи бьют тревогу и определяют наличное бытие общества как кризис культуры, цивилизации, разума и нравственности. Однако как воспринимать такой кризис? Что последует за ним – смерть или выздоровление человечества? И существуют ли те социокультурные «лекарства», которые помогут больному человечеству выжить и выздороветь? Или же эти «лекарства» предстоит еще изобрести? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть различные точки зрения на современный нравственный процесс.

Одним из возможных ответов на вопрос о перспективах нравственного прогресса является точка зрения основоположника *интегрального традиционализма*, французского мыслителя *Рене Генона* (1886-1948). Он пришел к выводу об исчезновении в западном обществе т.н. «посвященческих» организаций, способных обеспечить законную передачу духовных влияний,

способных изменить нравственность в лучшую сторону. И мыслитель обратился к восточным учениям – суфийским, даосским, индуистским. В 1912 г. Генон принял ислам и стал крупным мусульманским эзотериком. Его соратником и последователем был итальянец *Юлиос Эвола* (1898-1974).

Интегральный традиционализм строго ортодоксален и стремится возродить истинность божественного знания в современном безбожном мире. Согласно концепции Генона, деградация современного мира проявляется в западном рыночном обществе, породившем массовое потребление, массовую культуру, демократию, скептицизм и атеизм. Кроме того, западное общество XX века отличается индивидуалистической направленностью сознания, все более удаляющего людей от Единого Целого, т.е. от Вечной Мудрости. Начало т.н. «*новой эпохи*» уничтожит уравнивательность, господство светского мировоззрения и эгоцентрических потребностей. На все планете установится некое *теократическое правление*; в обществе установится строгая иерархия и кастовость, власть возглавят «просвященные» жрецы, а все науки и искусства из профанных (безрелигиозных) сделаются сакральными (священными). Будут царствовать высокий Дух и истинная справедливость, при которой каждый должен знать свое место.

Как видим, интегральный традиционализм не предвещает нам, людям «темного века» («железного века») ничего для нас положительного. Нравственность будет исправляться исключительно радикально – через гибель нынешнего «закатного» человечества. Однако не все мыслители смотрят на перспективу нравственного прогресса так мрачно.

Лучшее будущее для человечества

предвещал **марксизм**. Карл Маркс утверждал, что наемный труд, эксплуатируемый капиталистами в целях получения прибыли, частная собственность отрицает в человеке личность, изнуряет его физически, приводит к деградации человека в духовном и моральном отношении. Только при коммунизме технический прогресс приведет к господству общественной собственности на средства производства. С ее утверждением должны разрешиться все сложнейшие проблемы человечества: должны исчезнуть ненависть и зависть, классовая вражда, все виды отчуждения. Коммунистическая нравственность должна стать самой гуманистической в истории человечества. Она не просто провозглашает своим основным принципом любовь и уважение человека к человеку, но и ставит вопрос о создании истинно человеческих условий в самом обществе, необходимых для гармонического развития личности. История реального социализма пока, к сожалению, не подтвердила оптимистического прогноза К. Маркса.

В XX веке наряду с философией марксизма, характерной для социалистических стран, появились прогрессистские технократические теории, распространенные в капиталистическом мире - такие, как теории Дж. Нейсбита или О. Тоффлера. Они прогнозировали перспективное развитие науки, техники и технологии, которые способны помочь искоренению веками существовавшего зла в мире, связанного с неразвитостью знаний и опыта. На базе высоких технологий будет создано новое информационное, гармоническое общество. Так, известный английский футуролог Джон Нейсбит утверждает: «Открывая свой человеческий потенциал, мы участвуем в развитии человеческой нравственности. Мы вырабатыва-

ем в себе внутреннее знание, мудрость, чтобы направлять наши исследования в область техники. Следовательно, технический прогресс способствует душевному комфорту» [6, с. 112].

И если даже научно-техническая революция не в состоянии изменить сущность морали, утверждает современный российский специалист по культурной антропологии А.П. Назаретян, то она все же способна заметно преобразовать те условия, в которых реализуется добро и зло, честность и справедливость, осуществляются духовные искания человека. И эти преобразования могут оказывать неоднозначное воздействие на повседневную нравственную жизнь людей. По нашему мнению, что точно так же следует признать, что достижения НТР могут использоваться как в добрых, так и в злых целях. В первую очередь отметим позитивное влияние НТР на повседневную нравственность. Развитие науки и техники приводит к повышению общей культуры человека, уровню его образования. У людей при помощи современных средств массовой информации появляется возможность приобщиться к различным произведениям искусства, к последним достижениям науки и т.д. Повышению уровня общей нравственной культуры способствует и то, что этические исследования становятся все более изощренными. Тем более, что сама научно-техническая революция способствует появлению целого ряда очень трудных для морального сознания проблем. Одной из них является проблема о нравственной ответственности ученого, о направленности научных исследований, о возможности использования достижений науки в антигуманных целях. Следует отметить то обстоятельство, что современная высокопроизводительная техника и технологии предъявляют по-

вышенные требования к ответственности, моральной надежности человека, т.к. халатность, безграмотность, недисциплинированность могут привести к масштабным трагическим последствиям. Можно утверждать, что научно-техническая революция приводит к повышению роли морального фактора и в повседневной жизни, и в деятельности самых различных предприятий.

Однако, счастливое время, называемое футурологами - технократами, уже наступило, а «всеобщего счастья и душевного комфорта» все нет. Люди становятся все более беспощадными, а социальные конфликты – более острыми и непримиримыми, чем в прежние времена.

И марксизм, и технократизм, обращая внимание на развитие знаний, умений, навыков и совершенствование производства материальных благ, упускают из виду такой немаловажный фактор, как специфика человеческого сознания. Конечно же, аморальность общества во многом связана с ограниченностью предметов потребления, с необходимостью более сильных выживать (и даже процветать) за счет более слабых. И все же нравственное зло не следует сводить только лишь к таким причинам, как нехватка продуктов питания, пространства для жилья и предметов потребления. Даже если представить, что существует полное изобилие материальных благ, нравственное зло не исчезнет полностью, люди не станут менее завистливы, не научатся бескорыстно любить, не смогут постигнуть суть добродетелей, свободно, исходя из доброй воли, дарить радость другим, заботиться о природе. Все дело – в способности *мировосприятия* человека, который не формируется непосредственно их технико-экономического и материального благосостояния.

Кроме того, марксистская материалистическая традиция рассматривала человека, его мораль, философию, представления о красоте в связи с его животным происхождением и материалистической эволюцией. Но ведь человек – не просто высший род живого существа на Земле, имеющего родственные связи со всем остальным органическим миром. Человеческое призвание – прежде всего быть на Земле *духовным существом*.

Русские мыслители Серебряного века В.С. Соловьев, Л.С. Франк, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин показали в своих работах, что духовность – это религиозность, и именно она является первоосновой истинной культуры. И.А. Ильин писал, что в человеке крепнет творческая энергия, энергия любви и воли, направленная в будущее, нацеленная на предстоящие позитивные свершения. И эта творческая энергия дает высшее счастье на Земле: духовное достоинство и призвание. «В глубине души человека строится как бы Храм, а в Храме этом утверждается алтарь и престол с неугасающим светильником» [3, с. 302-303]. И именно в этом Ильин видел «последний и безусловный» корень духовной ответственности, а значит, и прогресс морали.

Постепенно повышается, говоря словами В.С. Соловьева, «Средний уровень общеобязательных и реализуемых нравственных требований, возрастает мера добра в обществе». Исторический процесс, писал русский философ, «вырабатывает реальные условия, при которых добро может стать действительно общим достоянием» [7, с. 128].

О нравственном прогрессе может свидетельствовать и расширение сферы действия морали, повышение ее роли в жизни общества и личности, возрастание общего уровня образо-

вания, развитие этических теорий и увеличение объема нравственного просвещения (школа, литература и искусство) – все это факторы, способствующие обогащению нравственной культуры общества.

В 20-е годы XX века сформировался принцип **холизма**, усматривающий культурные и нравственные перспективы человечества в изменении установок *сознания*. Основатель холизма, другими словами, «философии целостности», южноафриканский ученый, философ и политический деятель Ян Кристиан Сметс (1870-1950) ввел в философскую речь термин «холизм» (от др.греч. «holos» - «целый», «цельный»), опираясь на слова Аристотеля из его «Метафизики», что «целое больше, чем сумма его частей», а также на слова Г. Гегеля о том, что «только целое имеет смысл». Мир есть целостность, а люди – тоже целостности, *единые личности*, органически связанные со всем миром, открытые ему, отражающие мир в себе как целое. Поэтому перестройка сознания каждого человека должна происходить в направлении восприятия себя как естественного звена всего мироздания, а восприятие других людей – как находящихся с каждым из нас в неразрывной связи. Принцип целостности, глубокой связанности людей друг с другом и с универсумом должен стать определяющим фактором новой «коммуны» - всепланетарного человеческого братства.

Представители холистической философии настроены весьма оптимистично: они верят, что тяжелые времена пройдут, конфликты, агрессия и зависть останутся позади – надо только неутомимо работать с человеческим *сознанием* таким образом, чтобы оно было открыто миру. Главная ошибка человечества – самозамкнутость инди-

видов на самих себе, их неумение быть в нерасторжимой связи со всем мирозданием. В будущем человечество ждет «эра расцвета».

Важной позицией холизма является *снятие противоречий* в чувствах и в мышлении. Холизм, так же, как и традиционализм, исходит из древней идеи о том, что первоосновой мира является Абсолют, который может быть как в проявленном, так и в непроявленном состоянии. Проявление Абсолюта означает мгновенное возникновение противоположностей: верха и низа, конечного и бесконечного, женского и мужского, добра и зла. Мир принципиально двойственен, и каждая противоположность находится в единстве с другой. Мы бы не знали, что такое добро, если бы не было зла. Поэтому мы не можем просто «побороть» и выбросить на свалку истории «уродливую» половину мира, оставив только «хорошую, добрую» для пользования. Как только эта сторона победит, наименьшее добро уже будет казаться злом. Таким образом, смысл добра и зла мы придаем противоположностям сами. Поэтому в реальной жизни всегда сочетаются любовь и эгоизм, разум и страсти, духовность и чувственность. Разумеется, это рассуждение во все не означает, что надо «приветствовать» зло. Человек всегда нуждается в том, чтобы «положительные» стороны действительности были всегда хотя бы немного сильнее «отрицательных». Однако (и в этом можно согласиться с этикой холизма) не стоит раздувать ненависть, стремясь искоренить «темные силы» в самой их основе. Ненависть в ответ порождает только ненависть, что увеличивает количество зла в мире. Гораздо мудрее постараться принять мир в целостности его противоречий и, по возможности, гибко и плавно подстраиваться к естественному ходу событий.

Это делает человека справедливее и добрее, поможет ему стать действительно нравственным.

О необходимости *совершенствования сознания* в своей фундаментальной книге «Мораль XXI века» (2014г.) написал латиноамериканский философ и общественный деятель **Дарио Салас Соммер** (род. в 1935 г., Чили). Эта книга является учебным пособием по этике для Федеративных Университетов РФ и пользуется заслуженным вниманием во многих университетах мира. В сентябре 2015г. указом Президента РФ Дарио Соммер был награжден государственной наградой РФ – «Орденом Дружбы». Вышеназванная книга Соммера - не сборник «моральных рецептов» или готовых понятий, для восприятия которых не требуются умственные усилия. В книге представлена совсем иная парадигма, выходящая за пределы простой передачи информации. Она призывает обрести прекрасное искусство глубокого *размышления*, позволяющего проникнуть на уровень *смысла*. Это – способность, которая в настоящее время находится на грани исчезновения.

Дарио Соммер – автор нового научного направления «Физика морали», согласно которому мораль объективна и может быть описана законами квантовой физики. Она представляет собой «совокупность неизменных законов природы, соблюдение которых способствует развитию *высшего сознания*, а их нарушение вызывает падение жизненной энергии и духовную деградацию человека» [8, с. 112]. В отличие от традиционной морали, основанной на вере, физика морали основана на добровольном ментальном позиционировании человека внутри Космоса, чего можно достичь только путем развития более высоких уровней сознания. Автор подробно объясняет, как соблю-

дение норм морали ведет к истинному успеху и гармонии. К примеру, физика морали, в отличие от традиционной морали, позволяет человеку не подавлять инстинкты, а познать их, удерживать в своем сознательном «Я», согласиться с тем, что они существуют, хотя и не соответствуют моральному поведению. Необходимо очищать эти импульсы через процесс внутреннего глубокого *размышления*. Чем яснее мы их будем видеть, тем меньше будет их власть над нами. В этом случае у человека не появится чувство вины, повысится самооценка, что неизбежно приблизит его к нравственному прогрессу. Безусловно, такая позиция автора не вызывает возражений.

Также вызывает уважение точка зрения современного американского философа и публициста **Харриса Сэма** о том, что «стоит говорить о *прогрессе морали*, даже понимая, что большинство людей запутались в том, что такое добро и что такое зло» [9, с. 218]. Философ обосновывает необходимость создания *универсальной концепции общечеловеческих ценностей* и связывает ее с т.н. *моральным ландшафтом*, на котором могут сосуществовать прогрессивные способы духовного развития и процветания.

Таким образом, можно сказать, что сам способ человеческого существования порождает необходимость людей друг в друге. Возникающая в этом случае необходимая общественная связь людей невольно содержит в себе их априорное доверие, благожелательность, сочувствие друг к другу. Ведь без этого изначального доверия к незнакомым людям (врачам, водителям, поварам, управленцам) невозможна никакая общественная жизнь. Именно эта общественная связь и взаимозависимость людей являются объективной

основой морали – ведущего духовного регулятора жизни общества. И. Кант писал: «После долгого размышления над этим предметом (моралью) я пришел к убеждению, что правило – делай совершеннейшее из возможного для себя – есть первое формальное основание всякой обязанности действовать, равно как и положение – не делай того, что с твоей стороны было бы препятствием к возможно большему совершенству, – также есть формальное основание для обязанности не делать» [4, с. 228]. Поэтому, продолжает мыслитель, «если тот или иной поступок непосредственно представляется как добрый, не заключая в себе в скрытом виде какого-либо другого блага, которое может быть усмотрено в нем путем расчленения и благодаря которому этот поступок называется совершенным, то необходимость этого поступка есть недоказуемый содержательный принцип обязанности» [4, с. 229]. Из этих слов великого философа формируется понимание, что мораль – это не просто нормы и правила, а некие невидимые механизмы, которые вращают общество и не дают ему погибнуть.

По мнению автора настоящей статьи, когда речь идет о возможности противостоять нравственным болезням современного общества, трудно переоценить *роль образования*. Оно должно быть нацелено на то, чтобы не только помочь молодому человеку сформировать правдивую нравственную картину мира, но и выработать у него устойчивый иммунитет к наиболее распространенным нравственным «вирусам» – жадности, высокомерию, зависти, равнодушию, безответственности, унынию. Не следует тратить свою жизнь на вечные жалобы. Лучше сделать жизнь радостным восклицанием, нежели скучным опровержением!

Этика, ведающая изучением совести, справедливости, счастья, любви, смысла жизни, призвана не только объективно отражать действительность, но и предугадывать возможные изменения, помогая человеку сохранить и реализовать самые лучшие качества в жизненных испытаниях, исканиях, борениях.

References

- [1] Golubev V.S. Nature-man-society. development and harmony. M.: "Lenand", 2016. 256 p.
- [2] Guseynov A.A. Ethics. M.: Gardariki, 2021. 480 p.
- [3] Ilyin I.A. The path to clarity. M.: DAR, 2017. P. 352.
- [4] Kant I. Study of the distinctness of the principles of natural theology and morality. M.: Thought, 1985. 429 p.
- [5] Nazaretyan A.P. non-linear future. M.: Infra-M, 2017. 511 p.
- [6] Naisbit J. Start! Or: Set the mind! M.: AST, 2009. 288 p.
- [7] Soloviev V.S. justification for goodness. M.: Thought, 1996. 328 p.
- [8] Sommer Dario Salas. Morality of the 21st century. M.: Code, 2020. 480 p.
- [9] Harris Sam. moral landscape. M.: Career Press, 2015. 336 p.

Список литературы

- [1] Голубев В.С. Природа-человек-общество. Развитие и гармония. М.: «Ленанд», 2016. 256 с.
- [2] Гусейнов А.А. Этика. М.: Гардарики, 2021. 480 с.
- [3] Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: ДАР, 2017. С. 352.
- [4] Кант И. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали. М.: Мысль, 1985. 429 с.
- [5] Назаретян А.П. Нелинейное будущее. М.: Инфра-М, 2017. 511 с.
- [6] Нейсбит Дж. Старт! Или : Настраиваем ум! М.: АСТ, 2009. 288 с.
- [7] Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Мысль, 1996. 328 с.
- [8] Соммэр Дарио Салас. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2020. 480 с.
- [9] Харрис Сэм. Моральный ландшафт. М.: Карьера Пресс, 2015. 336 с.

Бормотова Т.М.

Доктор социологических наук, доцент. ФГКУ
«Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Яковлев О.В.

Кандидат социологических наук. ФГКУ
«Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Мазаев Ю.Н.

Кандидат философских наук, доцент.

Черкасов Р.В.

Кандидат юридических наук. ФГКУ
«Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации».

**Сравнительный анализ методов
социологического исследования
наркоситуации в ряде зарубежных государств
и в Российской Федерации***

Аннотация. Статья посвящена описанию методологических подходов к социологическому изучению наркоситуации в ряде зарубежных государств и в Российской Федерации. В результате анализа сделаны выводы о признании научным сообществом недостаточной «чувствительности» и эффективности арсенала методов социологического мониторинга в ситуативном проблемном изучении конкретных целевых групп наркопотребителей. Специфика развития наркоситуации в странах Запада и России предполагает возможность избирательного использования достижений зарубежного опыта в отечественной исследовательской практике.

Ключевые слова: методология, методы, наркоситуация, особенности потребления и распространения наркотиков.

Bormotova T.M.

Doctor of Sociology, Associate Professor,
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Yakovlev O.V.

Candidate of Sociological Sciences.
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

* © Бормотова Т.М., Яковлев О.В., Мазаев Ю.Н., Черкасов Р.В., 2022.

Сравнительный анализ методов социологического исследования наркоситуации в ряде зарубежных государств и в Российской Федерации

Mazaev Yu.N.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Cherkasov R.V.

*Candidate of Legal Sciences, FGKU
«Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia».*

Comparative analysis of methods of sociological research of drug addiction in a number of foreign countries and in the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the description of methodological approaches to the sociological study of the drug situation in a number of foreign countries and in the Russian Federation. The specifics of the development of the drug situation in the countries of the West and Russia suggest the possibility of selective use of the achievements of foreign experience in domestic research practice.

Key words: methodology, methods, drug situation, peculiarities of drug consumption and distribution.

Введение

В связи со значительным распространением психоактивных веществ многие международные организации и научные центры в странах Европейского союза, Северной Америки и России стали включать в исследования и мониторинг наркоситуации разделы, посвященные изучению распространения и употребления наркотиков в различных слоях населения.

В контексте развивающейся социальной среды, которая способствует нормальному развитию человека, в рассмотрении этой острой проблемы современности выделяют три актуальных аспекта. Это, во-первых, всесторонний анализ самого феномена наркомании, включающий масштабы, динамику, причины распространенности, мотивы и особенности потребления наркотических средств в различных социальных группах. Во-вторых, ценностное и субъективно-прагматичное отношение общества к проблеме наркомании и

наркопотребления. И, в-третьих, отношение к мерам антинаркотической политики государства, разработке и совершенствованию необходимых мер для решения проблем наркомании.

В рамках обозначенных направлений исследований, продуктивный социологический анализ сложного комплекса проблем наркопотребления со всей очевидностью предполагает внимательное отношение к используемому методическому аппарату. Одной из методических дилемм здесь является избрание направления методических разработок: ориентация на унификацию и стандартизацию методов и процедур исследования или их спецификация и детализация, применительно к решению исследовательской задачи в конкретном социальном пространстве.

Информационной базой для статьи послужили материалы многолетних зарубежных и отечественных исследований, посвященных изучению наркоситуации в развитых странах Запада

и России, в контексте соотношения их с применяемыми методологическими подходами и методами сбора и анализа информации.

Результаты и обсуждение

Методология и методы социологического исследования наркоситуации в зарубежных странах. Общая организационная стратегия социологического подхода в исследованиях стран Евросоюза и США заключается в составлении комплексного понимания наркоситуации на основе представления и интерпретации различных данных при объединении количественной и качественной информации¹.

Предметное поле, главным образом, посвящено изучению эйфорических и гедонистических аспектов употребления психоактивных веществ. Рассматриваются, какого состояния пытаются добиться потребители, совмещая различные типы веществ, а также каким образом происходит принятие решения о выборе того или иного наркотика и их сочетания – продуманно или спонтанно. Изучаются также характеристики целевых групп потребителей наркотиков, мотивы и причины, по которым они употребляют вещества, социальные контакты и среда, характер обращения с веществами. Опросы проводятся методом самоотчетов участников опросов о настоящем и прошлом наркоповедении, личных ха-

1 EMCDDA – Европейский центр мониторинга по наркотиками и наркомании. «Интернет-опрос на тему “Легальный кайф”», проведенный сотрудниками Университета им. Гете, Института социальной педагогики и образования и Центра исследований наркотиков в 2011 г. в Германии. Европейский проект школьных исследований ESPAD по проблеме алкоголизации и потребления наркотиков среди подростков. Проект NSDUH – США (The National Survey on Drug Use and Health). Проект «Monitoring the future («Мониторинг будущего», США).

рактеристиках, информированности и отношении к наркотикам².

С точки зрения организационных стратегий, для отслеживания ситуации с наркотиками чаще ведутся обследования в двух областях: когортные исследования, связанные с оценкой изменений в поведении и установках индивидов, с различиями в их социализации, а также повторяющиеся многомерные ряды, например, опросы среди школьников. При этом по возможности используются международные стандартизированные протоколы и методы.

Другим вектором являются специальные опросы среди проблемных групп населения, в наибольшей степени склонных к употреблению наркотиков (бездомные, заключенные) или обследования носителей инфекционных заболеваний, связанных с наркотиками. В 2020 году появились новые направления по исследованию распространения наркотических средств в эпидемиологических условиях. Во Всемирном докладе ООН о наркотиках отмечено, что меры по борьбе с Covid-19 повлияли на изменение современной наркоситуации³.

При использовании выборки в количественных опросах определяется, является ли она репрезентативной для всей целевой популяции или одной

2 Stevens A. When two dark figures collide: Evidence and disc course on drug-related crime //Critical Social Policy. 2007. № 27. P. 77-99. doi:10.1177/0261018307072208; Hunt G., Evans K., Moloney M., Bailey N. Combining different substances in the dance scene: Enhancing pleasure, managing risk and timing effects // Journal of Drug Issues. 2009. № 39. P. 495-522. DOI:10.1177/002204260903900303.

3 Всемирный доклад о наркотиках 2020. Резюме, выводы и политические последствия [Электронный ресурс] // УНП ООН, июнь 2020. // URL http://vngoc.org/wp-content/uploads/2020/08/WDR_2020_Presentation_Booklet_1.pdf (дата обращения: 05.03.2021).

из ее подгрупп, а также является ли выборка репрезентативной только на национальном уровне или же отвечает критериям репрезентативности для субнациональных регионов.

Эмпирический объект определяет задачи исследования. Это определенные возрастные группы, лица, проходящие лечение, госпитализированные лица, заключенные, имеющие работу, те, кто не в состоянии заплатить за лечение и т.п. Поиск респондентов в одном из исследований в Германии осуществлялся на интернет-сайтах наркотической направленности. В опросе приняли участие 860 человек, имеющих опыт употребления наркотических веществ, со всех федеральных земель⁴.

Обработка количественных данных базируется на статистических программах для работы с вербальной эмпирической информацией. Анализ статистических показателей представляет собой констатацию процентных значений распределения показателей состояния или динамики изучаемого признака в целевых социальных группах⁵, авторскую концептуальную их интерпретацию и выстраивание на этой основе логических умозаключений.

Перекрестное сравнение с другими данными используется для соотнесения с наблюдениями, подтвержденными другими индикаторами (например, сопоставление роста числа потребителей кокаина, обращающихся за лечением, с

ростом задержаний, связанных с кокаином, за тот же период и в том же географическом районе).

Качественные исследования наркотической ситуации характеризуются широким спектром подходов и техник сбора данных при изучении опыта специфических групп или индивидов, вовлеченных в потребление наркотических веществ. Качественные данные поступают из контекстной информации от респондентов из числа наркозависимых, проходящих лечение, либо готовых на сотрудничество, а также на основе результатов научных исследований по вопросам наркотизации населения. Контекстная информация включает оценку характера поведения при употреблении психоактивных веществ, особенности восприятия и отношения к стандартам и процедурам лечения от наркозависимости. Наряду с информацией, полученной от участников исследования, используются сведения о результатах реализуемых профилактических программ в рамках национальных стратегий и координационных механизмов по работе с наркозависимыми⁶, деятельности, направленной на уменьшение спроса на наркотические вещества.

Общим методическим правилом для всех зарубежных стран является применение качественных методов на сравнительно небольших выборках с последующей интерпретацией данных в рамках того или иного принятого в стране подхода: культурно-антропологический анализ (Греция), психо-психиатрический подход (Испания), «клиническая социология» (Франция и Италия).

6 Особый интерес вызывало исследование, проведенное под эгидой итальянских социологов в ряде европейских стран, – «Мониторинг риска в молодежной среде».

4 Интернет-опрос на тему «Легальный кайф», проведенное сотрудниками Университета им. Гете, Института социальной педагогики и образования и Центра исследований наркотиков в 2011 г. в Германии.

5 Позднякова М.Е., Брюно В.В. Изучение наркотической ситуации в России и за рубежом: сравнительный анализ // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-narkosituatsii-v-rossii-i-za-rubezhom-sravnitelnyuanaliz> (дата обращения: 19.04.2021).

Часть зарубежных исследователей⁷ считают, что для анализа тенденций в сфере наркотиков следует применять смешанные методики. Они основаны на принципе применения в ходе исследования различных подходов. В итоге получается более надежная картина явления, позволяющая делать достоверные выводы. Однако, сложностью использования смешанных методик является требование просчитывать отклонение по каждому методу. Авторы работ о смешанных методиках рекомендуют использовать процедуры многократного подтверждения достоверности данных и в качественной, и в количественной фазе исследования.

При отборе единиц наблюдения на основе смешанных методик практикуют, как выборку по принципу вероятности (для повышения внешней достоверности), так и стратегии «прицельной выборки» (для увеличения применимости результатов). Широко используются форматы экспертных опросов, глубинных интервью со специалистами, обладающими непосредственным опытом в исследуемом вопросе.

Методология и методы социологического изучения наркоситуации в Российской Федерации.

В изучении наркотизма в Российской Федерации отечественные исследования используют общетеоретические подходы, применяемые к исследованию девиантного поведения, позволяющие многомерно рассматривать, как личностную структуру наркопотребителя, так и различные социальные влияния, что в свою очередь дает

7 См.: *Cameron R. Mixed methods: the third methodological movement // Research Today: Newsletter of the Australian Vocational Education and Training Research Association. 2009. Vol. 5. P. 2; Creswell J. W. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. SAGE, 2009. P. 17.*

возможность понять ситуационную динамику наркопотребления, а также наркопреступлений.

Суть одной из новых моделей наркопотребления, которая в последние годы получает распространение в российской девиантологии (Я. Гилинский, Е. Омельченко, М. Позднякова, Ю. Комлев, Л. Салагаев, М. Русакова и др.), заключается в понимании наркозависимости, как процесса «нормализации» потребления⁸.

Другой важной стороной исследовательской стратегии является «выведение» наркопотребления из сферы наркотической субкультуры. Это открывает возможность рассматривать не отдельные социальные аспекты проблемы наркотизма, а осуществить интегративный подход. Его главный императив состоит в безусловном приоритете превентивных идей и практик над репрессивными.

Отечественная концепция социологического изучения наркоситуации базируется на оценке факторов объективного и субъективного характера, определяющих текущее состояние наркопотребления, изучении мнений, оценок, убеждений, привычек граждан России в отношении незаконного потребления наркотических средств. Исследовательская деятельность по проблемам наркомании осуществляется по двум направлениям: проведение разовых общероссийских и локальных исследований проблемного характера и мониторинг наркоситуации в Российской Федерации и в ее субъектах⁹.

8 Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) / Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова, В.Н. Ракачев, Л.Н. Рыбакова, Т.В. Чекинева, А.П. Резник, С.Ю. Любин, Часть 1. Развитие социологии в России и методология исследований. А. Войнова, Н.В. Мелешко, Н.Е. Хагурова. М.: Институт социологии РАН, 2014. 200 с.

9 Методика и порядок осуществления

В качестве основных социологических показателей анализируются: причины распространения наркомании; ситуации потенциального приобщения к наркотикам; иерархия мотивов употребления; распространение в различных половозрастных группах; меры борьбы с наркоманией.

В рамках социологического подхода в исследовании проблем наркомании отечественные исследователи практикуют комплексные методики¹⁰. В их числе: репрезентативные общероссийские и региональные опросы трудоспособного населения; онлайн и аудиторные опросы учащейся молодежи; полномасштабные глубинные интервью субкультурной группы наркопотребителей с различным наркоопытом и стажем потребления психоактивных веществ, употребляющих наркотики в немедицинских целях, созависимых лиц, занимающихся распространением наркотиков¹¹; опросы респондентов с медицинским диагнозом «наркомания» в лечебных учреждениях и реабилитационных центрах; опросы

мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр). // URL: [https:// www.mvd.pf...vzaimodestvie...Metodika_narkosituatsii.pdf](https://www.mvd.pf...vzaimodestvie...Metodika_narkosituatsii.pdf).

10 Ким Е.П., Федоренко Т.А. К вопросу о методах проведения криминологического мониторинга наркоситуации // Успехи современной науки и образования 2016, №6, Том 5. Позднякова М.Е., Бруно В.В. Изучение наркоситуации в России и за рубежом: сравнительный анализ // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.17 / отв. ред. М.К. Горшков – М.: Новый Хронограф, 2019. С. 202-249. DOI: 10.19181/ezheg.2019.9. Т.А. Шульгина, А.Г. Падычева. Социологический анализ отношения населения Курской области к антинаркотической политике. // Социальные науки. Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2016. № 2 (2) // URL: www.j-chr.com.

11 Девиантное поведение и интернет (опыт социологического анализа): сб. науч. ст./ Под ред. М.Е. Поздняковой и Л.В. Карнаушенко. М.: Институт социологии РАН, 2008. 184 с.

экспертов – специалистов различных областей знания; анализ статистических материалов Росстата, Минздрава, МВД России, ФСИН России; мониторинг информационного интернет-пространства, в том числе в закрытом сегменте интернета (deep (dark) web), объединяющим эпизодических потребителей, наркозависимых и/или их созависимых родственников.

Выбор методов анализа информации определяется сложностью задач и структурной моделью измеряемого показателя. Как правило, это стандартные процедуры описательной и аналитической статистики: линейное распределение, статистическая группировка и классификация, типологизация, построение динамических рядов и таблиц сопряженности измеряемых признаков.

Соотношение методов социологического исследования наркоситуации в зарубежных государствах и Российской Федерации.

Сопоставление концепций и методов изучения наркоситуации в ряде зарубежных государств и в Российской Федерации, насколько это можно судить на основе имеющейся доступной информации, показало, что методологический и методический аппарат проблемных (академических) исследований во многом схож. Вместе с тем, разные формулировки программных и технических вопросов в инструментариях, процедуры сбора первичной информации (очевидно, связанные с национальными социокультурными особенностями) не дают возможность проводить прямое сопоставление данных.

Существенное различие в организации исследований наркоситуации в Российской Федерации и западных странах заключается, на наш взгляд в

том, что в зарубежных странах составление картины наркотизации осуществляется, главным, образом, на основе изучения целевых групп потребителей наркотиков с использованием качественной и количественной информации, то есть, обращение направлено к «прямым» носителям информации.

Для России в большей мере характерно, напротив, проведение массовых опросов взрослого населения. Главный акцент делается на изучении отношения населения к действующей государственной антинаркотической политике и отношении к созданной государством социальной среде, которая способствует (препятствует) нормальному развитию человека. Результаты таких исследований лишь косвенным образом (не вполне методически оправданным) дают возможность судить о фактическом состоянии и факторах развития наркоситуации.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что общая проблема изучения динамики распространения наркотиков заключается в том, что, существующие на сегодняшний день инструменты недостаточно чувствительны к стремительным изменениям, происходящим в структуре потребления новых психоактивных веществ¹².

Заключение

Подводя итог сравнительного анализа методов социологического изуче-

12 Позднякова М.Е. 2013а. Наркотики «новой волны» как фактор изменения наркоситуации в России // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 123-139. World drug report 2011 [Электронный ресурс] // UNODC, 2011. // URL: https://www.unodc.org/documents/data-andanalysis/WDR2011/World_Drug_Report_2011_ebook.pdf (дата обращения: 05.03.2019).; World drug report 2015 [Электронный ресурс] // UNODC, May, 2015. // URL: https://www.unodc.org/documents/wdr2015/World_Drug_Report_2015.pdf (дата обращения: 05.03.2021).

ния наркоситуации в ряде зарубежных государств и в Российской Федерации, необходимо выделить наиболее методологически перспективные и практически эффективные, на наш взгляд, направления исследовательской работы. Во-первых, наилучшие результаты дает применение смешанных качественно-количественных методик. Комбинированные методики позволяют глубже анализировать сущность и динамику явления, делать более достоверные выводы. Это, в свою очередь, требует совершенствования и форматов экспертных опросов, глубинных интервью со специалистами, работающими в сфере противодействия наркопотреблению. Во-вторых, практика массовых опросов населения должна значительно уступить место «проблемным исследованиям» целевых групп потребителей наркотиков в различных социальных средах. И, в-третьих, исследования проблем наркотизации должны быть ситуативно «привязаны» к условиям конкретного региона.

References

- [1] World Drug Report 2020. Summary, findings and policy implications // UNODC, June 2020. // URL: http://vngoc.org/wp-content/uploads/2020/08/WDR_2020_Presentation_Booklet_1.pdf (03.05.2021).
- [2] Bormotova T.M., Mazaev Yu.N., Cherkasov R.V. Assessment of the activities of the Russian police in social networks and the blogosphere during the pandemic // Social policy and sociology. 2021. Volume 20. № 1 (138). P. 56-64.
- [3] Nevsky S.A., Yakovlev O.V., Bormotova T.M., Mazaev Yu.N. On the development of a sampling model in the study of public opinion on the activities of the Russian police // Mission of confessions. 2021. Volume 10. № 4 (53). P. 412-420.
- [4] Kim E.P., Fedorenko T.A. To the question of the methods of conducting criminological monitoring of the drug situation // Successes of modern science and education. 2016. № 6. Volume 5.
- [5] The methodology and procedure for monitoring, as well as the criteria for assessing the development of the drug situation in the Russian Fed-

- eration and its subjects (third revision). // URL: https://www.mvd.rf...vzaimodestvie...Metodika_narkosituatsii.pdf.
- [6] Shulgina T.A., Padycheva A.G. Sociological analysis of the attitude of the population of the Kursk region to anti-drug policy. // Social sciences. Humanities Research Collection. Electronic scientific journal. 2016. № 2 (2) // URL: www.j-chr.com.
- [7] Cameron R. Mixed methods: the third methodological movement // Research Today: Newsletter of the Australian Vocational Education and Training Research Association. 2009. Volume 5. P. 2.
- [8] Hunt G., Evans K., Moloney M., Bailey N. Combining different substances in the dance scene: Enhancing pleasure, managing risk and timing effects // Journal of Drug Issues. 2009. № 39. P. 495-522. DOI:10.1177/002204260903900303.
- [9] Creswell J.W. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. SAGE, 2009. P. 17.
- [10] Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.
- [11] Baykhanov I.B. Transformation of professional competencies of public administration specialists in the context of digital trends // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 320-327.
- [12] Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.
- [13] Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.
- ринга наркоситуации // Успехи современной науки и образования. 2016. № 6. Том 5.
- [5] Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр). // URL: https://www.mvd.pf...vzaimodestvie...Metodika_narkosituatsii.pdf.
- [6] Шульгина Т.А., Падычева А.Г. Социологический анализ отношения населения Курской области к антинаркотической политике. // Социальные науки. Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2016. № 2 (2) // URL: www.j-chr.com.
- [7] Cameron R. Mixed methods: the third methodological movement // Research Today: Newsletter of the Australian Vocational Education and Training Research Association. 2009. Volume 5. P. 2.
- [8] Hunt G., Evans K., Moloney M., Bailey N. Combining different substances in the dance scene: Enhancing pleasure, managing risk and timing effects // Journal of Drug Issues. 2009. № 39. P. 495-522. DOI:10.1177/002204260903900303.
- [9] Creswell J.W. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. SAGE, 2009. P. 17.
- [10] Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.
- [11] Байханов И.Б. Трансформация профессиональных компетенций специалистов государственного управления в условиях цифровых трендов // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 320-327.
- [12] Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.
- [13] Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.

Список литературы

- [1] Всемирный доклад о наркотиках 2020. Резюме, выводы и политические последствия [Электронный ресурс] // УНП ООН, июнь 2020. // URL: http://vngoc.org/wp-content/uploads/2020/08/WDR_2020_Presentation_Booklet_1.pdf (дата обращения: 05.03.2021).
- [2] Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н., Черкасов Р.В. Оценка деятельности российской полиции в социальных сетях и блогосфере в период пандемии // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1 (138). С. 56-64.
- [3] Невский С.А., Яковлев О.В., Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. К разработке модели выборки в изучении общественного мнения о деятельности российской полиции // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 4 (53). С. 412-420.
- [4] Ким Е.П., Федоренко Т.А. К вопросу о методах проведения криминологического монито-

Abstracts

Melnik S.V.

Peacekeeping interreligious dialogue: main conceptual approaches

The article is devoted to the study of the conceptual foundations of peacemaking interreligious dialogue, the purpose of which is to harmonize relations between followers of different religions. The first part describes four main types of interreligious dialogue: polemical, cognitive, peacemaking and partnership. The second part notes that the peacemaking dialogue can be implemented at three levels: «high» (religious leaders), «middle/conceptual», «grassroots». Three main conceptual approaches of peacemaking interreligious dialogue are identified and considered: (1) emphasizing of «pacifist» values of religions (by quoting sacred texts or interpreting them and formulating principles of positive attitude to other religions), (2) emphasizing similarities (in dogmatics and/or ethics), (3) «personal model» of the dialogue. Examples of the use of these approaches in the practice of interreligious relations are given.

Key words: interreligious dialogue, peacemaking, peacemaking, dialogue, religion, violence, social harmony, tolerance, ethics, G. Kyung.

Gulzhikhan Nurysheva

Nurfer Tercan

Mind as a causal system in Al Farabi's philosophy of music

Music elaborates through with a more powerful cognition system in which melodies shares some aspects with mathematics and language in general. This research reveals the basic aspects of analysis, music as a self-referential structure and transformative system, and focuses on the concept and definition of perception.

One of the most important reasons that makes this work valuable is that Farabi's Kitab al-Musika brings new information to his musical research. This overview details the evolutionary development of music and its cultural and psychological impact on the human mind. The concept of musical perception, which is formed as a result of the relationship between perception and music, has been studied.

Key words: philosophy of cognitive science, theory of mind, gravity, music imagination, predictive processing, embodied music cognition.

Shevchenko O.P.

Socio-cultural content of entrepreneurial culture: empirical aspects

The article notes that the Russian entrepreneurial culture is characterized by the presence of a number of features that form its current socio-cultural appearance. The structure of Russian entrepreneurial culture is very complex and contradictory. Among the various methodologies and methods of sociological science used to analyze the socio-cultural content of entrepreneurial culture, it is the qualitative strategy that is most suitable. The author conducted a qualitative sociological study of Russian entrepreneurs (in-depth interviews), which allowed to systematize primary information about the main content elements of entrepreneurial culture.

Key words: society, culture, entrepreneurial culture, socio-cultural image of entrepreneurs, socio-cultural content, empirical analysis, in-depth interviews.

Gulzhikhan Nurysheva

Nurfer Tercan

Perceptual and cognitive importance of balance and entropy in musical rhythms

Among the works, in the paradigmatic memory of musical philosophy, there is a work known as the first treatise on the science of music in the history of philosophy. This treatise is called «Kitab al-Musika al-kabir» by Farabi, which is still known as the most complete encyclopedia of musical philosophy even in our time. In this treatise, Farabi explores different types of music according to their different concepts. The main purpose of this article is to recall the authority of Farabi in the field of musical philosophy. The discussion was based on the position that music is a kind of image in the philosophy of Farabi, as well as the results of neuropsychic and cognitive research in the field of philosophy of neurobiology in recent years.

Key words: philosophy of music, cognition, neuro musicology, effects of music, musical cognition.

Ternovaya L.O.

Astrotoponymic world as an example of global harmony

There are many subjects for geopolitical rivalry in the world and there are very few areas where there

is agreement between representatives of different countries and cultures, and such that indicates their deep respect for history, traditions, beliefs, outstanding personalities of other peoples. One of these areas is astrotponymics, which is responsible for the naming of objects discovered by mankind on other celestial bodies. Astrotponymics will actively develop due to the growth of scientific and technical opportunities for space exploration. And by what new names the discovered parts of the relief of celestial objects will receive, it will be possible to judge how capable people are to agree on the most important problems of their earthly life.

Key words: geopolitics, space, history, astronomy, onomastics, astrotponymics.

Shevchenko O.P.

Sociological analysis of culture: some problematic aspects

The article notes that the sociological analysis of culture is associated with a number of epistemological problems that have not found their effective solution since the emergence of sociology in the middle of the XIX century. The classical and modernist stages of sociological cognition were characterized by the emergence of several promising explanatory models of culture as an element of the social system, but the era of the information society marked the genesis of postmodern as a new paradigm of sociological thinking. The modern socio-cultural situation has given rise to several more cognitive problems in relation to the field of sociology of culture related to the entry into the life of the society of information and computer technologies.

Key words: society, social institutions, culture, cultural system, sociological analysis, methodology, problems of cognition.

Chumachenka Z.M.

Advantages and risks of political PR in Russia with the involvement of influencers

The use of social networks for successful political PR provides serious advantages in the form of a loyal audience, popularity among young people, the opportunity to convey their thoughts on a particular issue and be heard by potential voters. For promotion, you can use both your own accounts of parties or politicians, and platforms of influencers. As the campaign for amendments to the 2020 Constitution of the Russian Federation has shown, the attraction of popular bloggers to promote the socio-political agenda is becoming more and more popular. The subject of this article is the benefits and risks of a political PR campaign with the involvement of influencers.

The practical novelty of the study consists in an attempt to examine in detail the opportunities that are provided by the platforms of well-known bloggers to promote a particular political phenomenon, to deduce the patterns of their work and to identify problematic, from the point of view of political PR, tendencies.

The study examines the interpretation of the concept of «influencer», analyzes the features of their work and ways of influencing the audience.

The research is based on the data of Russian and foreign sociology on the influence of influencers on public opinion. To analyze the mechanisms of influencers' work, classical approaches of influence marketing are used, the phenomenon of parasocial relations and the effectiveness of promotion are considered from the point of view of the Theory of two-stage information flow.

In the course of the research, the author comes to the conclusion about the effectiveness of attracting influencers to political PR campaigns, subject to certain conditions, formulates the pros and cons of such promotion, gives specific examples from modern Russian practice.

Key words: political PR, influencer marketing, influencers, bloggers, social networks, political campaigns, youth, internet.

Tretyakova I.V.

On the issue of technologies of social work with labor migrants

The increase in the flow of foreign citizens annually staying in the Russian Federation for the purpose of fulfilling their labor function makes the issues of their social adaptation to Russian realities topical. Existing social technologies make it possible to optimize the process of integrating foreign citizens into the working environment of the Russian state. In this article, the author characterized social technologies and means of social support implemented by special services in the Russian Federation, the purpose of which is to facilitate the adaptation of labor migrants to new life, professional and living conditions.

Key words: social technologies, social assistance, social support, labor migrants, Russian Federation, foreign citizens, adaptation, integration, socio-cultural environment.

Andrievskaya Z.V.**National idea and national consciousness in Russian philosophy**

The article deals with the phenomenon of the national idea as part of the national consciousness. Interest in this topic increases at turning points in history and is expressed in the search for the meaning of the historical existence of Russia. In the context of the growing tendencies of russophobia, which denies the possibility for the Russian people to be the bearer of a great idea, Russian thought not only acquires high significance and relevance, but also becomes one of the main topics of scientific research.

Key words: national idea, Russian consciousness, Russian idea, identity, civilization, Russian world, national consciousness, national ideology, Western cosmopolitanism.

Voznesenkiy I.S.**Temporal intelligence: from the secret of mastering time to effective management**

Since the end of the last century, the understanding of time as a priority vital resource has become clear. It is realized that time is no less active than on macroeconomic and social processes, it affects every person. Each time, the new generation not only adopts time perception patterns from the previous ones, but also lives the period allotted to it in accordance with the capabilities of its temporal intellect to rethink it. In the context of accelerating socio-economic processes, it is becoming more and more difficult for people to maintain the pace of the race against time. They become prisoners of urge addiction and hostages of countless deadlines. The only way out of this trap is the development of temporal intelligence.

Key words: evolution of time, elasticity of time, chronoception, chronostasis, vertical development, urgent dependence.

Popov S.I.**«Forecourts» for playing the world and a «crusade» against Philosophy**

Observing the bases and «directions» of «crusades» against philosophy in the history of intellectual culture is considered. The process of emergence and historical formation of philosophy as a form of rationality and its foundation is analyzed. The formation of rationality is seen as a sequence of changing mental «platforms.» Philosophical platforms of thinking are being revealed as those platforms that act like the spiritual foundations of a particular intellectual era and, at the same time, the points of spiritual rejection of this era. A new mental platform, developing the previous one, each time more and more accurately specifies the circle of spiritual phenomena, with respect to those it acts as opposition. Discussing the alleged contours of the modern thinking platform, fate of philosophy and philosophers in our time is taking place.

Key words: thinking platform, rationality, Philosophy, crusade against Philosophy, Metaphysics, science, positivism, Christianity.

Pukhir V.M.**Moral progress in the postmodern world: illusion or reality?**

In the article there are possible answers to the question about the perspectives of morality in the post contemporary world. There are: the point of view of integral traditionalism and holism; progressives views of Marxism and technocracy; traditional religious view and moral paradigma – physics of morality. The author analyses the crisis of reason and morality with optimistic point of view.

Key words: post contemporary, moral progress, integral traditionalism, holism, moral landscape, physics of morality.

Bormotova T.M.Yakovlev O.V.Mazaev Yu.N.Cherkasov R.V.**Comparative analysis of methods of sociological research of drug addiction in a number of foreign countries and in the Russian Federation**

The article is devoted to the description of methodological approaches to the sociological study of the drug situation in a number of foreign countries and in the Russian Federation. The specifics of the development of the drug situation in the countries of the West and Russia suggest the possibility of selective use of the achievements of foreign experience in domestic research practice.

Key words: methodology, methods, drug situation, peculiarities of drug consumption and distribution.

Аннотации

Мельник С.В.

Миротворческий межрелигиозный диалог: основные концептуальные подходы

В статье рассматриваются концептуальные основания миротворческого межрелигиозного диалога, целью которого является гармонизация отношений между последователями разных религий. В первой части статьи дается характеристика четырех основных типов межрелигиозного диалога: полемического, когнитивного, миротворческого и партнерского. Во второй части отмечается, что миротворческий диалог может реализовываться на трех уровнях: «высоком» (религиозные лидеры), «среднем/концептуальном», «низовом». Автор выявляет и описывает три основных концептуальных подхода миротворческого межрелигиозного диалога: (1) акцентирование «пацифистских» ценностей религий (посредством приведения цитат из сакральных текстов или же их осмысления и формулирования принципов позитивного отношения к другим религиям), (2) подчеркивание сходств (в догматике и/или этике), (3) «личностная модель» диалога. При анализе каждого из перечисленных подходов приводятся конкретные примеры его использования в практике межрелигиозных отношений.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, миротворчество, миротворческий диалог, религия, насилие, социальное согласие, толерантность, этика, Г. Кюнг.

Гульжихан Нурыева

Нурфер Терджан

Разум как причинная система в философии музыки Аль Фараби

Музыка дополняется более мощной системой познания, в которой мелодии имеют некоторые общие черты с математикой и языком в целом. Это исследование раскрывает основные аспекты анализа, музыки как самореферентной структуры и трансформирующей системы, и фокусируется на концепции и определении восприятия.

Одна из наиболее важных причин, делающих эту работу ценной, заключается в том, что работа Фараби «Китаб аль-Мусика» привносит новую информацию в его музыкальные исследования. В этом обзоре подробно рассказывается об эволюционном развитии музыки и ее культурном и психологическом влиянии на человеческий разум. Исследовано понятие музыкального восприятия, которое формируется в результате взаимосвязи восприятия и музыки.

Ключевые слова: философия когнитивной науки, теория разума, гравитация, музыкальное воображение, предсказательная обработка, познание воплощенной музыки.

Шевченко О.П.

Социокультурное содержание

предпринимательской культуры: эмпирические аспекты

В статье отмечается, что российская предпринимательская культура характеризуется наличием ряда признаков, формирующих ее актуальный социокультурный облик. Структура российской предпринимательской культуры весьма сложна и противоречива. Среди различных методологий и методов социологической науки, применяемых для анализа социокультурного содержания предпринимательской культуры, в наибольшей мере подходит именно качественная стратегия. Автором был проведено качественное социологическое исследование российских предпринимателей (глубинные интервью), позволившее систематизировать первичную информацию об основных содержательных элементах предпринимательской культуры.

Ключевые слова: общество, культура, предпринимательская культура, социокультурный облик предпринимателей, социокультурное содержание, эмпирический анализ, глубинные интервью.

Гульжихан Нурыева

Нурфер Терджан

Перцептивное и когнитивное значение баланса и энтропии в музыкальных ритмах

Среди произведений, в парадигматической памяти музыкальной философии, есть произведение, известное как первый в истории философии трактат о науке о музыке. Этот трактат называется «Китаб аль-Мусика аль-кабир» Фараби, который до сих пор известен как наиболее полная энциклопедия музыкальной философии даже в наше время. В этом трактате Фараби исследует различные типы музыки

в соответствии с их различными концепциями. Основная цель этой статьи — напомнить об авторитете Фараби в области музыкальной философии. В основу дискуссии легло положение о том, что музыка является своего рода образом в философии Фараби, а также результаты нейропсихических и когнитивных исследований в области философии нейробиологии за последние годы.

Ключевые слова: философия музыки, познание, нейромузыковедение, эффекты музыки, музыкальное познание.

Терновая Л.О.

Астротопонимический мир как пример глобального согласия

В мире есть множество предметов для геополитического соперничества и очень мало находится сфер, где между представителями разных стран и культур существует согласие, причем такое, которое указывает на их глубокое уважение к истории, традициям, верованиям, выдающимся личностям других народов. Одной из таких областей выступает астротопонимика, которая отвечает за наименование открытых человечеством объектов на других небесных телах. Астротопонимика в силу роста научно-технических возможностей изучения космоса будет активно развиваться. И по тому, какие новые имена получат обнаруженные части рельефа небесных объектов, можно будет судить, насколько способны люди договариваться по важнейшим проблемам их земной жизни.

Ключевые слова: геополитика, космос, история, астрономия, ономастика, астротопонимика.

Шевченко О.П.

Социологический анализ культуры: некоторые проблемные аспекты

В статье отмечается, что социологический анализ культуры связан с рядом гносеологических проблем, которые не нашли своего эффективного разрешения с момента возникновения социологии в середине XIX в. Классический и модернистский этапы социологического познания характеризовались появлением нескольких перспективных объяснительных моделей культуры как элемента социальной системы, однако эпоха информационного общества ознаменовала генезис постмодерна как новой парадигмы социологического мышления. Современная социокультурная ситуация породила еще несколько познавательных проблем применительно к сфере социологии культуры, связанных с вхождением в жизнь социума информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: общество, социальные институты, культура, система культуры, социологический анализ, методология, проблемы познания.

Чумаченко З.М.

Преимущества и риски политического PR в России с привлечением инфлюенсеров

Использование социальных сетей для успешного политического PR дает серьезные преимущества в виде лояльной аудитории, популярности у молодежи, возможности донести свои мысли по тому или иному вопросу и быть услышанным потенциальными избирателями. Для продвижения можно использовать как собственные аккаунты партий или политиков, так и площадки инфлюенсеров. Как показала кампания за поправки в Конституцию РФ 2020 года, привлечение популярных блогеров для продвижения общественно-политической повестки становится все более популярным явлением. Предметом исследования данной статьи являются преимущества и риски, политической PR-кампании с привлечением инфлюенсеров.

Практическая новизна исследования состоит в попытке подробно рассмотреть возможности, которые дают площадки известных блогеров для продвижения того или иного политического явления, вывести закономерности их работы и определить проблемные, с точки зрения политического PR, тенденции.

В ходе исследования рассматривается трактовка понятия «инфлюенсер», анализируются особенности их работы и способы влияния на аудиторию. В основу исследования легли данные российской и зарубежной социологии о влиянии инфлюенсеров на общественное мнение. Для анализа механизмов работы инфлюенсеров применяются классические подходы маркетинга влияния, рассматривается феномен парасоциальных отношений и эффективность продвижения с точки зрения Теории двухступенчатого потока информации.

В ходе исследования автор приходит к выводу об эффективности привлечения инфлюенсеров к политическим PR-кампаниям, при соблюдении определенных условий, формулирует плюсы и минусы

такого продвижения, приводит конкретные примеры из современной российской практики.

Ключевые слова: политический PR, маркетинг влияния, инфлюенсеры, блогеры, социальные сети, политические кампании, молодежь, интернет.

Третьякова И.В.

К вопросу о технологиях социальной работы с трудовыми мигрантами*

Увеличение потоков иностранных граждан, ежегодно пребывающих в РФ с целью реализации трудовой функции, придает актуальности вопросам их социальной адаптации к российским реалиям. Существующие социальные технологии позволяют оптимизировать процесс интеграции иностранных граждан в трудовую среду российского государства. В статье автором были охарактеризованы социальные технологии и средства социальной поддержки, реализуемые специальными службами в РФ, целью которых является облегчение адаптации трудовых мигрантов к новым жизненным, профессиональным и бытовым условиям.

Ключевые слова: социальные технологии, социальная помощь, социальная поддержка, трудовые мигранты, Российская Федерация, иностранные граждане, адаптация, интеграция, социокультурная среда.

Андреевская Ж.В.

Национальная идея и национальное сознание в русской философии

В статье рассматривается феномен национальной идеи, как части национального сознания. Интерес к данной теме возрастает в переломные моменты истории и выражается в поиске смыслов исторического существования России. В условиях возрастания тенденций русофобии, отрицающей возможность для русского народа быть носителем великой идеи, русская мысль не только приобретает высокую значимость и актуальность, но и становится одной из главных тем научного поиска.

Ключевые слова: национальная идея, русское сознание, русская идея, идентичность, цивилизация, русский мир, национальное сознание, национальная идеология, западный космополитизм.

Вознесенский И.С.

Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению

С конца прошлого столетия четко обозначилось понимание времени как приоритетного витального ресурса. Осознается, что время не менее активно, чем на макроэкономические и социальные процессы, воздействует на каждого человека. Всякий раз новое поколение не только перенимает от предшествующих шаблоны восприятия времени, но и проживает отведенный ему период в соответствии с возможностями своего темпорального интеллекта переосмысливая его. В условиях ускорения социально-экономических процессов людям все сложнее оказывается выдерживать темп гонки за временем. Они становятся пленниками ургентной зависимости и заложниками бесчисленных дедлайнов. Единственным выходом из этой ловушки оказывается развитие темпорального интеллекта.

Ключевые слова: эволюция времени, эластичность времени, хроноцепция, хроностазис, вертикальное развитие, ургентная зависимость.

Попов С.И.

«Площадки» для игры в мир и «поход» против философии

Исследуются основания и «маршруты» «походов» против философии в истории интеллектуальной культуры. Анализируется процесс возникновения и исторического становления философии как формы рациональности и ее фундамента. Становление рациональности видится в качестве последовательности сменяющихся мыслительных «площадок». Выявляются философские площадки мышления – те платформы, которые выступают духовными основаниями конкретной интеллектуальной эпохи и, одновременно, пунктами духовного неприятия этой эпохи. Новая мыслительная площадка, развивая предыдущую, каждый раз все точнее конкретизирует круг духовных явлений, относительно которых она находится в оппозиции. Обсуждаются предполагаемые контуры современной мыслительной площадки, судьба философии и философов в наше время.

Ключевые слова: мыслительная площадка, рациональность, философия, поход против философии, метафизика, наука, позитивизм, христианство.

Пухир В.М.

Нравственный прогресс в постсовременном мире: иллюзия или реальность?

В статье представлены возможные ответы на вопрос о перспективах нравственности в постсовременном мире: диаметрально противоположные точки зрения интегрального традиционализма и холизма; прогрессистские взгляды марксизма и технократизма; традиционная религиозная точка зрения и современная нравственная парадигма – «физика морали». Автор анализирует кризис разума и нравственности с оптимистической точки зрения.

Ключевые слова: постсовременность, нравственный прогресс, традиционализм, холизм, моральный ландшафт, физика морали.

Бормотова Т.М.

Яковлев О.В.

Мазаев Ю.Н.

Черкасов Р.В.

**Сравнительный анализ методов
социологического исследования наркоситуации**

в ряде зарубежных государств и в Российской Федерации

Статья посвящена описанию методологических подходов к социологическому изучению наркоситуации в ряде зарубежных государств и в Российской Федерации. В результате анализа сделаны выводы о признании научным сообществом недостаточной «чувствительности» и эффективности арсенала методов социологического мониторинга в ситуативном проблемном изучении конкретных целевых групп наркопотребителей. Специфика развития наркоситуации в странах Запада и России предполагает возможность избирательного использования достижений зарубежного опыта в отечественной исследовательской практике.

Ключевые слова: методология, методы, наркоситуация, особенности потребления и распространения наркотиков.

Authors

Andrievskaya Z.V., Associate Professor, Candidate of Psychological Science. Doctoral Candidate, Southern Federal University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, Associate Professor, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Cherkasov R.V., Candidate of Legal Sciences, FGKU "Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia".

Chumachenka Z.M., Master, student of the DPA program. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Gulzhikhan Nurysheva, Professor, Doctor of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Mazaev Yu.N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Melnik S.V., Candidate of Sciences in Philosophy, Head of the Philosophy Department at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science (ISSS RAS); senior Research Fellow, Center for Interreligious Dialogue, Bolgar Islamic Academy.

Nurfer Tercan, Doctoral student, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University. Almaty, Kazakhstan.

Popov S.I., PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Kemerovo State medical University.

Pukhir V.M., PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy. Kosygin Russian State University.

Shevchenko O.P., Candidate of Economics, Associate Professor of the Kuban State University, Krasnodar.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (Moscow Automobile and Road Construction University).

Tretyakova I.V., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University.

Voznesenckiy I.S., Senior Lecturer, MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Yakovlev O.V., Candidate of Sociological Sciences. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Авторы

Андриевская Ж.В. - доцент, кандидат психологических наук, докторант. Южный Федеральный Университет.

Бормотова Т.М. - доктор социологических наук, доцент. ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Вознесенский И.С. - старший преподаватель, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Гульжихан Нурышева - доктор философских наук, профессор, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет имени Аль Фараби. Алматы, Казахстан.

Мазаев Ю.Н. - кандидат философских наук, доцент.

Мельник С.В. - заведующий Отделом философии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; старший научный сотрудник Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии, кандидат философских наук. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Болгарская исламская академия, Болгар (Татарстан, Россия).

Нурфёр Терджан - докторант, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет имени Аль Фараби. Алматы, Казахстан.

Попов С.И. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологи. Кемеровский государственный медицинский университет.

Пухир В.М. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Третьякова И.В. - кандидат физико-математических наук, доцент кафедры социальных технологий социологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Черкасов Р.В. - кандидат юридических наук. ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Чумаченко З.М. - магистр, слушатель программы ДРА. ИГСУ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Шевченко О.П. - кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

Яковлев О.В. - кандидат социологических наук. ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».